ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2949-1843

ПРАВОВОЙ ПОРЯДОК И ПРАВОВЫЕ ЦЕННОСТИ

Теоретико-исторические правовые науки
Публично-правовые науки
Частно-правовые науки
Уголовно-правовые науки
Международно-правовые науки

№1
2023

Правовой порядок и правовые ценности

Т. 1, № 1, 2023

**Электронный
научно-практический журнал**

Издается с 2023 г.

Выходит 4 раза в год
(март, июнь, сентябрь, декабрь)

ISSN 2949-1843 (online)
DOI: 10.23947/2949-1843

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (ДГТУ)

Структура журнала определена в соответствии с Приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 24 февраля 2021 г. № 118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093» в составе следующих научных специальностей:

5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки
5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки
5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки
5.1.4 – Уголовно-правовые науки
5.1.5 – Международно-правовые науки

Учредитель и издатель журнала является членом Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ), подключен к международной системе CrossRef.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС 77-83924 от 16 сентября 2022 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Над номером работали:

Т. Б. Михеева, Н. Р. Гаспарян (англ. ред.)

Адрес учредителя, издателя и редакции:

344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1, тел. +7 (863) 2-738-372

E-mail: pravonauka2022@donstu.ru https://lawandorder-donstu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Працко Г. С. Гражданское общество и ценности права в контексте достойной жизнедеятельности личности 5

Берлявский Л. Г. Проблемы систематизации источников права 18

Анисимов А. П., Резванова Л. А. Право и экология: взаимовлияние научных областей в процессе подготовки юриста 31

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Кузина С. И., Сагирян И. Г. Политико-правовое обеспечение военной безопасности Российской Федерации 43

Шатковская Т. В. Основные направления государственной политики Российской Федерации в сфере интеллектуальной собственности 57

Бетилгириев М. А., Филимонова Е. А., Чекмарева Г. И. Правовые основы регулирования в сфере таможенной деятельности 69

Иванова С. В. Цель и эффективность государственного управления в области охраны и использования животного мира: правовые ценности административного права 79

Небратенко Г. Г., Студеникина С. В. Россия как государственно-правовая и теоретико-историческая категория 90

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Рыженков А. Я., Садков А. Н. Актуальные проблемы перехода к «зеленой» экономике в строительстве, промышленности и на транспорте: правовой аспект 102

Смоленский М. Б. Проблемы организации взаимодействия нотариальных, правоохранительных и судебных органов при совершении отдельных нотариальных действий 115

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Витвицкая С. С., Витвицкий А. А., Исакова Ю. И. Киберпреступления: понятие, классификация, международное противодействие 126

Бидова Б. Б., Быстрова Ю. В., Гриб В. Г. Ревальвированная экономическая преступность в сфере жилищно-коммунального хозяйства: причины и пути их преодоления 137

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 340
https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-1-5-17

Гражданское общество и ценности права в контексте достойной жизнедеятельности личности

Г. С. Працко
Донской государственный технический университет, Российская Федерация,
г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1
✉dasha_sam94@mail.ru

Аннотация

Введение. Гражданское общество, ценности права, правовое государство не выходили из поля зрения многих ученых, что свидетельствует об актуальности данной проблематики. Каждое государство в процессе своего становления и развития формирует правовые ценности под влиянием различных условий и факторов (политических, социально-экономических, культурно-духовных и др.). Уровень правовой культуры напрямую зависит от морально-нравственных основ общества и личности. Правовая система любого государства базируется на важнейших принципах, основополагающих ценностях права. Однако, несмотря на осознание большинством людей важности развития правовой действительности, недостаточно исследованным остается вопрос о влиянии ценностей права на функционирование гражданского общества и обеспечение достойной жизнедеятельности человека. Соотношение и взаимосвязь ценностей права и жизнедеятельности гражданского общества и личности становятся реальностью и постоянной потребностью ведущих сфер общественной и частной жизни. Практически это означает, что для каждого человека и гражданина созревают благоприятные условия для воплощения в реальность определенных жизненных устремлений, интересов, потребностей, естественных и неотчуждаемых прав и свобод. В статье обосновывается утверждение, что только в условиях функционирования и развития гражданского общества формируются благоприятные предпосылки для обнаружения, признания и внедрения ценностей права в те основополагающие общественные отношения, от успешного упорядочения которых зависит полноценная жизнедеятельность человека и гражданина. Прослеживается взаимосвязь реализации естественных и неотчуждаемых прав и свобод с процессами формирования условий для обретения конкретной личностью своего достойного образа жизни, который проявляется во всех сферах ее предпринимательской, социальной, культурно-образовательной и иной жизнедеятельности. Цель исследования — выявить потенциал влияния ценностей права на функционирование гражданского общества и обеспечение достойной жизнедеятельности личности.

Материалы и методы. В статье проанализированы гражданское общество и ценности права в контексте достойной жизнедеятельности личности. Особо подчеркивается конституционная основа внедрения ценностей права в систему права, режим правовой законности и надежный правовой порядок, что гарантирует человеку и гражданину уверенность в достижении тех жизненных целей, которые определяют его достойный образ жизни. В процессе исследования использовались общенаучные, а также специальные научные методы, в частности,

диалектический метод познания, метод системного анализа, аксиологический, формально-юридический, сравнительно-правовой и другие.

Результаты исследования. Сделан вывод о потенциале ценностей права как силе, которая эффективно влияет на функционирование гражданского общества и жизнедеятельность каждой личности, стремящейся к обеспечению своего достойного образа жизни. Устоявшиеся и признанные ценности права являются идеальным аккумулятором придания нормативным правовым актам и актам правоприменения содержания, соответствующего интересам и жизненным устремлениям подавляющей части членов гражданского общества.

Обсуждение и заключения. Выявлены проблемы формирования гражданского общества в России, в том числе подчеркивается недостаточно высокий уровень правосознания и правовой культуры граждан. Предлагается акцентировать внимание на необходимости формирования эффективно функционирующей системы правового образования и правового воспитания. Отмечается практическая значимость эффективного взаимодействия институтов гражданского общества с органами государственной власти на основе использования многогранного потенциала правовой системы.

Ключевые слова: гражданское общество, ценности права, конституционные принципы и нормы, система права, действующее законодательство, достойная жизнедеятельность личности, права и свободы человека и гражданина.

Благодарности. Автор выражает благодарность рецензенту, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Працко, Г. С. Гражданское общество и ценности права в контексте достойной жизнедеятельности личности / Г. С. Працко // Правовой порядок и правовые ценности. — 2023. — Т. 1, № 1. — С. 5–17. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-1-5-17

Original article

Civil Society and Legal Values to Ensure Decent Standard of Personality Life-Activity

Gennady S. Pratsko

Don State Technical University, 1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, Russian Federation

✉dasha_sam94@mail.ru

Abstract

Introduction. The civil society, the legal values, the law-governed state have always been within the scope of interest of many scientists, which indicates the relevance of this range of issues. Each state in the process of its formation and evolution forms the legal values under the influence of various conditions and factors (political, socio-economic, cultural and spiritual, etc.). The level of legal culture directly depends on the moral fundamentals of society and personality. The legal system of any state is based on the most important principles, the fundamental legal values. However, despite the majority of people are conscious of the importance of the legal reality development, the issue of the legal values influence on functioning of the civil society and on ensuring the decent standard of a person’s life-activity remains insufficiently investigated. The correlation and interconnection of the legal values with the life-activity of the civil society and personality become reality and constant demand in the most important spheres of public and private life. In practice this

means that favorable conditions are getting ripe for every person and citizen to materialize the certain life aspirations, interests, needs, natural and inalienable rights and freedoms. The article substantiates the assertion that favorable prerequisites for discovery, recognition and implementation of the legal values in the fundamental social relations, the successful ordering of which is responsible for the full-fledged life-activity of a person and a citizen, can be formed only under condition of the civil society functioning and evolving. The interrelation is traced between the exercise of natural and inalienable rights and freedoms and the processes of forming conditions for a particular personality to acquire its decent lifestyle, which is manifested in all spheres of its entrepreneurial, social, cultural, educational and other life-activities. The aim of the study is to identify the potential of the legal values influence on functioning of the civil society and on ensuring the decent standard of personality life-activity.

Materials and Methods. The civil society and the legal values in the context of ensuring the decent standard of personality life-activity are analysed. Particularly emphasized are the constitutional basis for integrating the legal values into the system of law, the regime of legal legitimacy and the reliable legal order ensuring a person's and a citizen's confidence in achieving the life goals determining the decent lifestyle. In the course of research, general scientific as well as special scientific methods have been used, more specifically the dialectic method of cognition, the method of system analysis, the axiological, the formally juridical, the comparative law and other methods.

Results. The conclusion is made about the legal values potential as the force having efficient impact on functioning of the civil society and on the life-activity of each personality striving to ensure its decent lifestyle. The well-established and recognized legal values are the ideal accumulator to assign the legislative acts and law enforcement acts the content corresponding to the interests and life aspirations of the majority of the civil society members.

Discussion and Conclusions. The problems in formation of the civil society in Russia are identified, including the insufficiently high level of legal consciousness and citizens' legal culture. It is proposed to focus on the need to build up the efficiently functioning legal education and legal upbringing system. The practical significance of efficient interaction of the civil society institutions with the state authorities based on the use of the multifaceted potential of the legal system is noted.

Keywords: civil society, legal values, constitutional principles and norms, system of law, legislation in force, decent standard of personality life-activity, human and civil rights and freedoms.

Acknowledgements. The author expresses gratitude to the reviewer, whose critical assessment of the materials and suggestions for their improvement contributed to significant enhancement of article's quality.

For citation. G. S. Pratsko. Civil Society and Legal Values to Ensure Decent Standard of Personality Life-Activity. Legal Order and Legal Values, 2023, vol. 1, no 1, pp. 5–17. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-1-5-17

Введение. Право как специфическое явление общественной жизни представляет собой необходимый компонент функционирования и развития любого общества при наличии того или иного политического режима. И только в условиях демократического политического режима при становлении и функционировании реального гражданского общества право со всеми своими структурными подразделениями преобразуется в ценностную основу, которая обусловливает наиболее существенные аспекты жизнедеятельности личности как субъекта многообразных общественных отношений, подлежащих упорядочению правовыми средствами. Указанные отношения связаны со всеми значимыми деятельными акциями человека, стремящегося в первую очередь реализовать жизненно важные для себя интересы и потребности. Цель настоящего исследования — выявить

потенциал влияния ценностей права на функционирование гражданского общества и обеспечение достойной жизнедеятельности личности.

В гражданском обществе «право возвышается над властью (политикой), ставит в центр общественной жизни человека, его достоинство, высший статус и неотъемлемые права» [1, с. 692]. Обоснованным является утверждение И. Канта о том, что «политика должна преклонить колени перед правом человека» [2, с. 461], то есть реальной возможностью каждой личности в соответствии со своими жизненными интересами добиваться реализации соответствующих прав и свобод. Поэтому система действующего законодательства призвана выходить на более высокий качественный уровень, осваивать и внедрять в свой потенциал те ценности нравственности, культуры, права, которые способны упорядочивать наиболее значимые для членов общества жизненные ситуации.

Проявление и внедрение в основополагающие общественные отношения ценностей права, основанное на режиме сложившейся демократии и высоком уровне цивилизации, становится реальностью именно в условиях функционирования и постоянного развития гражданского общества и его структурных подразделений. Поэтому сущность данного общества заключается в том, чтобы в первую очередь отстаивать жизненные притязания каждого человека и гражданина и инициировать необходимые условия и механизмы для их достижения. Гражданское общество не может противостоять реализации приоритетных прав и свобод своих членов. Напротив, его соответствующие учреждения осуществляют необходимые мероприятия, предназначенные для обеспечения жизнедеятельности каждой личности как полноценной и достойной во всех приоритетных сферах. В этой связи к пониманию целевой сущности гражданского общества справедливо относится мнение о том, что только тот прогресс и только такие общественные изменения, которые соответствуют человеческим интересам, имеют право на существование и всемерную поддержку [3]. Именно в рамках гражданского общества имеет место целенаправленная ориентация правам и свободам человека и гражданина.

Обеспечение достойного существования большинства членов гражданского общества сохраняет свою постоянную актуальность, поскольку по мере совершенствования и развития политической, экономической, социальной, культурно-образовательной, правовой действительности возрастают и жизненные запросы каждой личности, что становится естественным и закономерным фактором. Поэтому не ослабевает и научный интерес к разрешению тех проблем, которые сдерживают повышение качества жизни личности как члена гражданского общества [4–7].

Требуемый подход общества и государства к жизненно важным интересам личности должен иметь целенаправленный, стабильный, обоснованный характер и своевременно корректироваться теми политическими, экономическими, социальными, правовыми возможностями, определяющими содержание тех общественных отношений, которые и придают жизнедеятельности каждого отдельного человека должный уровень качества и полноценности. Как справедливо отмечал В. А. Энгельгардт, в обществе подлинной демократии в центре внимания всегда должен быть «человек, его личность, индивидуум. О нем мы должны постоянно помнить» [8, с. 92].

Действующие конституционные принципы, положения и нормы становятся своеобразным кодексом, утверждающим порядок установления достойного существования для каждого человека и гражданина, жизнедеятельность которого протекает в условиях функционирования гражданского общества. Неслучайно в научных кругах пристальное внимание обращено на вопросы конституционной аксиологии и роли конституционных ценностей в правовой идентичности личности [9–13]. Закрепление основ правового и социального государства, утверждение системы естественных и неотчуждаемых прав и свобод человека и гражданина, признание личности высшей ценностью становятся целенаправленной основополагающей

программой. Она направлена на то, чтобы каждый человек и гражданин мог достичь высокого качества жизни, должным образом укрепить свой политический, экономический, социальный, правовой статус и тем самым воспользоваться теми благоприятными условиями, которые позволят обрести достойное существование во всех значимых сферах общественной и частной жизни.

Потенциал тех ценностей, которые привносит система права в различные общественные отношения, проявляется, признается и воспринимается на надежной и всеобъемлющей конституционной основе. Эти ценности внедряются в соответствующие сферы жизнедеятельности членов гражданского общества. В конечном счете, ценности права адресуются каждому участнику регламентируемых общественных отношений и практически сказываются на его жизненном положении. Это означает, что общественные отношения, затрагивающие наиболее важные жизненные интересы и потребности человека, испытывают объективную потребность в ценностном правовом обеспечении. В итоге устанавливается взаимосвязь интересов личности, складывающихся общественных отношений и тех ценностно-правовых средств, которые наиболее активно содействуют достижению тех жизненных целей, которые преследовала соответствующая личность как равноправный член гражданского общества. Тем самым и гражданское общество, его определенные институты и учреждения выполняют возложенные на них обязанности по обеспечению благоприятных условий для достойного существования каждого человека и гражданина.

Указанная сущностная направленность подлинного гражданского общества приобретает все более весомое практическое значение по мере развития всех ведущих структур гражданского общества, опирающихся по мере необходимости на потенциал системы права, предписания и требования законов и норм права, которые в приоритетном порядке адресованы жизненным устремлениям каждой личности — субъекта регулируемых правом конкретных общественных отношений.

Материалы и методы. Присутствие права как ценностного явления в ведущих сферах общественной и частной жизни эффективно и активно преобразует те общественные отношения, которые непосредственно связаны с политическим, экономическим, социальным, культурным, правовым положением того или иного человека, приближая его к параметрам достойного образа жизни. На достижение этой кардинальной цели направлено и функционирование гражданского общества, его конкретных институтов и учреждений.

Такое позитивное отношение к жизненному состоянию каждого человека и гражданина становится закономерностью функционирования и развития гражданского общества. Это требует постоянного совершенствования и укрепления того ценностного правового потенциала, который обусловливает и поддерживает внедрение в систему общественных отношений начал, идей, принципов демократии, цивилизации, нравственности, культуры, что благотворно влияет на жизнедеятельность гражданского общества и большинства его членов и более зримо и доступно преподносит обществу и личности сами ценности права. Воспринимаемые и внедряемые гражданским обществом и его членами указанные ценности становятся тем непременным и неотъемлемым компонентом общественной жизни, без которого личность не в состоянии реализовать свои значимые жизненные притязания и стремление к полноценному достойному существованию.

Формы и механизмы взаимосвязи и взаимообусловленности ценностного потенциала системы права, системы действующего законодательства, конкретных норм права и отношений, складывающихся в гражданском обществе, приобретают реальный практический характер и становятся неотъемлемой составной частью достижения заинтересованной личностью своих жизненных прав, свобод, интересов.

В. Д. Зорькин в ходе исследования ценностного подхода в конституционном регулировании прав и свобод заметил, что «в конституциях, принятых после Второй мировой войны, возобладали идеи о неотъемлемых,

прирожденных правах и свободах человека. Человек рассматривается ими как существо правовое и притом самоценное...» [14, с. 3]. Разумеется, институты гражданского общества инициируют, стимулируют, обеспечивают благоприятные условия для того, чтобы заинтересованная личность стремилась к обретению своей многогранной достойной жизнедеятельности. Однако многие естественные и неотчуждаемые права и свободы человека могут быть реализованы в полном объеме только при опоре на ценностный потенциал права, в частности, при использовании конституционных принципов и норм. Вне использования сущностных ценностей права члены общества лишаются возможности жить в условиях подлинной демократии, пользоваться истинными достижениями цивилизации, добиваться приоритетных прав и свобод. В итоге и достижение практического достойного существования становится иллюзионным, усеченным, личность утрачивает уверенность в возможности позитивного преобразования своей жизнедеятельности в наиболее приоритетных областях.

Отстаиваемые гражданским обществом идеи, принципы, намерения, направленные на существенное улучшение качества жизни большинства своих членов, непременно при практической необходимости трансформируются в соответствующие сферы правового регламентирования. Тем самым формируется достаточно эффективная основа для решения и преодоления всех тех проблем, которые связаны с укреплением политического, социального, правового статуса личности, стремящейся обрести достойный образ жизни, пользоваться всеми значимыми правами и свободами.

Посредством признания и реализации ценностей права, опоры на правовые законы и нормы права в процессе упорядочения разнообразных общественных отношений соответствующие структуры гражданского общества получают тот необходимый регулятивный и охранительный потенциал, который позволяет обеспечивать и поддерживать благоприятные условия, обусловливающие реализацию прав и свобод, лежащих у истоков полноценного существование конкретной личности. Именно достойный образ жизни каждого человека и гражданина возводит в практическое измерение сущность гражданского общества, призванного быть в услужении каждой личности, которая вместе со своими приоритетными правами и свободами признается высшей ценностью.

Достойное существование человека и гражданина неотделимо от реализации принципов и норм свободы, равенства, справедливости, гуманизма и других духовно-нравственных, правовых ценностей, обусловливающих реальные возможности каждой заинтересованной личности пользоваться теми жизненными благами, которые присущи гражданскому обществу и гарантируются правовым государством.

Следует заметить, что проблема становления и развития правового государства и гражданского общества изучается уже достаточно долго, однако остается и в настоящий момент «недостаточно разработанной в современной политической и правовой науках» [15]. Представляются интересными исследования, затрагивающие проблемы формирования гражданского общества в России [16] и вопросы влияния институтов гражданского общества на жизнедеятельность каждой личности, стремящейся к обеспечению своего достойного образа жизни.

Институты и учреждения гражданского общества и органы правового государства совместно используют те правовые законы, правовые предписания и требования, юридические механизмы, без реального функционирования которых личность была бы не в состоянии полноценно пользоваться теми приоритетными правами и свободами, которые и обусловливают ее достойный образ жизни.

Надежная и эффективная правовая основа функционирования и развития гражданского общества оказывает постоянное воздействие и на все те стороны бытия каждого человека, которые, в конечном счете, призваны обеспечивать достоинство его полноценного существования. Именно в важнейших сферах функционирования гражданского общества и жизнедеятельности каждого человека и гражданина и обнаруживаются те деятельные

социальные, экономические, культурно-образовательные, научные, правовые и иные акции, от содержания которых зависит качество жизни каждой конкретной личности, приближенность ее к параметрам достойного существования.

В многогранных жизненных обстоятельствах каждый человек анализирует достигнутые результаты, выявляет природу, причины позитивных и негативных факторов, влияющих на его положение в социальной и правовой действительности и, опираясь при необходимости на правовые возможности, стремится внести необходимые коррективы в свою жизнедеятельность. Дело в том, что и сама многогранная деятельность членов гражданского общества держит курс к ценностям, содержит элементы ценностей, поэтому естественно соотносится с ценностями права [11].

Сущность современного гражданского общества и жизненные целевые устремления и ожидания его членов находятся в состоянии взаимосвязи и взаимозависимости. Поэтому и постоянная опора на практически необходимые ценности права (правовые законы, правовую законность, правовой порядок) в процессе разрешения сложных жизненных ситуаций приобретает естественный закономерный характер, опосредующий, в конечном счете, качество жизни каждой конкретной личности.

Ценностные компоненты права проявляют себя в соответствующих сферах законотворчества, правоприменительной деятельности, правовом поведении членов общества, что прямо или косвенно сказывается на состоянии тех общественных отношений, участие в которых позитивно влияет на жизнедеятельность тех или иных субъектов.

Следовательно, система права, ее ценностные компоненты становятся непременным атрибутом, практически значимой составной частью многообразных общественных отношений, потенциальными участниками которых являются все члены гражданского общества, соразмеряющие свою жизнедеятельность с наличием или отсутствием элементов достойного образа жизни. Если качество жизни человека не имеет тенденции к улучшению, то это вызывает у него скепсис, разочарование и в отношении потенциала права, его реальных возможностей.

Ценности права и приоритетные жизненные устои человека находятся в состоянии постоянной динамики и тесной взаимосвязи, активно воздействуя на сущностные общественные и сугубо частные отношения. Такое единство ценностей права и жизненных интересов личности как носителя достойного образа жизни имеет тенденцию к усилению и укреплению по мере развития ведущих институтов и учреждений гражданского общества, призванных отражать наиболее насущные стороны жизнедеятельности каждого человека и гражданина.

Постоянное функционирование ценностей права в многогранной системе общественных отношений становится той реальностью, которая в состоянии полноценно воздействовать на все те экономические, социальные и иные механизмы, которые предназначены для разрешения наиболее сложных проблем в области жизнедеятельности каждой личности, стремящейся к своему достойному образу жизни.

Эффективное функционирование и развитие институтов гражданского общества, улучшение жизненного положения каждого человека не могут успешно осуществляться вне связи с правовыми законами, достижениями демократии во всех ее многообразных проявлениях. Указанный политический и правовой режим оказывает естественное позитивное влияние на все значимые сферы общественной и частной жизни. Такое преобразующее воздействие сказывается и на жизненном статусе личности, которая стремится своими деятельными акциями и инициативами, включая опору на потенциал гражданского общества и ценности права, достичь соответствующих параметров достойного образа жизни. Стремление к такой цели становится естественным и целенаправленным

для значительной части членов развитого гражданского общества. В связи с этим перспективы развития потенциала институтов гражданского общества и более широкого использования правовых законов и других ценностей права остаются актуальными, практически значимыми и постоянными.

Результаты исследования. Выявление особенностей соотношения жизнедеятельности личности и права как ценностного явления вызывает в условиях функционирования гражданского общества и правовой государственности необходимость формировать и применять те законы и нормы права, которые в приоритетном порядке адресованы интересам и потребностям большинства членов общества.

Известно, что властно-государственные структуры нередко стремятся, прежде всего, удовлетворить собственные интересы, игнорируя в той или иной степени жизненные устремления человека и гражданина, что противоречит сущности гражданского общества и самим ценностям права. Именно ценности права являются тем ориентиром, которым должны постоянно руководствоваться структуры общества, государства и сами члены общества как участники тех жизненных обстоятельств, которые могут быть урегулированы только посредством норм права. Ценности права являются тем ключевым компонентом, который приводит к тем экономическим, социальным, правовым результатам, которые в решающей степени дают возможность личности обретать основы своего достойного существования.

Воспринимая, осваивая и развивая многогранный потенциал ценностей права, гражданское общество отстаивает в первую очередь те жизнедеятельные начала, которые обусловливают уважительное отношение к каждому человеку и гражданину как действительному носителю естественных и неотчуждаемых прав и свобод, достижение которых и придает личности содержание достойной жизнедеятельности. В таком своем предназначении право и его неоспоримые ценности самым тесным образом соотносятся с принципами и нормами нравственности, справедливости, гуманизма. В своей совокупности духовно-правовые ценности призваны вносить весомый вклад в разнообразные процессы, обеспечивающие достойный образ жизни значительной части членов гражданского общества.

Человек, его многосторонняя жизнедеятельность становятся сущностным объектом всестороннего анализа, осмысления со стороны общества, государства, институтов общественного мнения. В итоге в жизнедеятельность гражданского общества вносятся необходимые коррективы, в ряду которых находятся и соответствующие ценности права, которые внедряются в основополагающие общественные отношения и практически оказывают активное воздействие на социальное и правовое положение каждой личности.

На такой основе создаются реальные предпосылки для удовлетворения тех ведущих интересов и потребностей человека и гражданина, которые опосредуют жизненное достоинство людей. Выход же за пределы ценностей права не может гарантировать личности достижение ею желаемых целей, если это непременно связано с правовым упорядочением соответствующих жизненных обстоятельств. Практика свидетельствует, что обретение личностью достойного образа жизни связано с использованием как норм общественного поведения, так и норм права. Наиболее наглядно это подтверждается при реализации соответствующих прав и свобод, где ценности права выполняют нередко решающую миссию.

Система права и ее ценности в той или иной степени проявляют себя во всем многообразии складывающихся общественных отношений, которые вовлекают в свои орбиты значительную часть членов гражданского общества, соприкасаются с их правовым поведением и жизненными намерениями и целями. Ценности права находятся в постоянной динамике, они оказывают многогранное влияние на состояние общественного и правового порядка и поэтому находятся в центре тех жизненных интересов и потребностей членов гражданского общества, реализация которых и обусловливает стремление к достойной жизнедеятельности каждой заинтересованной в этом личности.

Ценности права как динамичный, многогранный и эффективный компонент правовой действительности становятся достоянием системы основополагающих общественных отношений, надежного правового порядка, правоприменительной деятельности. Это дает возможность системе права оказывать необходимое воздействие на все сущностные стороны жизнедеятельности гражданского общества и ведущие жизненные устои членов этого общества.

Указанное правовое влияние затрагивает все кардинальные аспекты политической, экономической, социальной, правовой действительности. Следовательно, система права становится тем ценностным потенциалом, который прямо или косвенно инициирует и обеспечивает естественное стремление каждого человека занимать достойное положение в соответствующих сферах своей жизнедеятельности. Поэтому ценности права не могут находиться в состоянии неоправданной статики, они должны занимать активные позиции в многогранной системе права, особенно тогда, когда возникает необходимость достижения реализации жизненно значимых интересов и потребностей конкретной личности.

Система права любого общества обусловлена реальными историческими особенностями, конкретными политическими, идеологическими, экономическими, социальными, духовно-нравственными факторами, традициями и обычаями народа. Эти жизненные особенности позитивно или негативно влияют и на особенности функционирования и развития всех ведущих сторон общественной жизни, и на процессы формирования и совершенствования системы права и действующего законодательства. На такой основе постепенно вызревают предпосылки, позволяющие обнаруживать и внедрять ценности права в наиболее сущностные общественные отношения, которые в той или иной степени затрагивают и жизненный статус человека и гражданина. Как уже отмечалось, наиболее благоприятная среда для внедрения ценностей права в ведущие сферы социальной и правовой действительности складывается в недрах действительного гражданского общества.

Непременной особенностью гражданского общества является то, что признание и использование им ведущих ценностей права осуществляется сквозь призму особого целенаправленного отношения к каждой личности, ее правам и свободам, а именно — как высшей ценности. Только в рамках зрелого гражданского общества каждая личность может быть уверена в том, что ценности права не только получают должное признание, но и благотворно влияют на улучшение качества жизненных условий во всех сферах социальной и правовой действительности.

Каждый член гражданского общества практически убеждается в том, что правовые законы, режим правовой законности, надежный правовой порядок являются основой и реальной гарантией того, что достижение достойного образа жизнедеятельности не является иллюзией. Здесь необходимы активные усилия и целенаправленные акции самого участника соответствующих общественных отношений, четкие жизненные позиции в тех или иных областях правовой действительности.

Из сказанного следует, что практическую роль играют такие процессы и состояния как правовое образование, правовая информация, правовое воспитание, юридическая практика, должный уровень правосознания и правовой культуры. Такими правовыми обстоятельствами обусловлено и более активное внедрение ценностей права в конкретные общественные отношения, субъектами которых является подавляющее большинство членов гражданского общества. Следовательно, ценности права зримо или более скрытно присутствуют во всех основополагающих аспектах функционирования институтов и учреждений гражданского общества и жизнедеятельности каждой личности.

Оказание всемерной поддержки процессам внедрения в многообразные общественные отношения ценностей права является одной из ключевых задач институтов гражданского общества, поскольку именно данное общество

всемерно заинтересовано в том, чтобы жизнедеятельность каждого человека и гражданина приобретала все более качественный и достойный характер. В этом заключена ведущая часть сущности гражданского общества, проявляющая себя в ответственности институтов и учреждений данного общества перед каждой личностью как высшей ценностью.

Подлинное гражданское общество становится реальной сферой приложения потенциала системы права и значимых ценностей права к тем общественным отношениям, от успешного упорядочения которых зависит достойное существование соответствующей личности. Известно, что в условиях антидемократических политических режимов ценности права остаются лишь идеалом, так как не могут быть востребованы обществом и поэтому утрачивают свое практическое предназначение.

В условиях зрелой демократии, реальных начал гражданского общества и правовой государственности система права и ее ценностные компоненты в полной мере обусловливают потребности общественной и частной жизни. При этом правовые законы и другие ценности права естественным (объективным) образом трансформируют свой потенциал в те общественные отношения, которые обеспечивают режим правовой законности, должного правового и общественного порядка. В итоге каждый человек и гражданин может реально использовать все те политические, экономические, социальные, культурные, образовательные, научные, правовые возможности, которые обусловливают достоинство его образа жизни.

Право и его ценности не являются самоцелью и единственным источником, обусловливающими становление достойной жизнедеятельности человека. В условиях подлинного гражданского общества должна быть налажена четкая и эффективная система образования, науки, культуры, информационного обеспечения, воспитания, которая призвана предоставлять благоприятные условия каждой личности, заинтересованной в обретении достойного содержания жизнедеятельности. Это имеет принципиальное значение для структур самого гражданского общества и является стимулирующим фактором для членов общества, стремящихся добиться реализации своих приоритетных прав и свобод, значимых интересов и потребностей. Потенциал гражданского общества, опирающийся при необходимости на надежную правовую основу и сотрудничество с органами правовой государственности, в решающей степени обусловливает те возможности, которые позволяют соответствующей личности преодолевать всякого рода негативные факторы и практически обретать основы своей достойной жизнедеятельности.

Право как наиболее динамичное и эффективное нормативно-регулятивное явление, несущее в себе правила должного поведения субъектов права, не может игнорировать те модели человеческого поведения, которые уже сложились в рамках определенных общественных отношений, присущи значительной части членов общества и признаны в качестве позитивно-ценностных акций. Именно ценности права соотносятся и взаимодействуют с принципами и нормами нравственности, традициями и обычаями, нормами общественных объединений, эстетическими нормами и другими правилами общественного поведения. Это усиливает ценностный потенциал норм права, повышает эффективность правового упорядочения общественных отношений и тем самым позволяет членам общества успешно добиваться реализации своих прав и свобод, достигать повышения качества своей жизни, уверенно отстаивать и укреплять свои позиции в различных областях общественной жизни, действуя на равноправной основе с другими членами общества.

Право как ценностное явление поощряет свободу действий членов гражданского общества при условии, что они в соответствующих общественных отношениях осуществляют правомерное поведение, предписанное конкретными нормами права, что соответствует интересам всего общества и каждого его члена. Какие-либо произвольные, незаконные ограничения прав и свобод недопустимы, они противоречат ценностям права, деформируют содержание достойной жизнедеятельности соответствующих субъектов права.

Состояние неукоснительной законности и требуемого правового порядка, обусловленное массовым и осознанным правомерным поведением членов гражданского общества, усиливает ценностные начала системы права. Ориентация на ценности права позволяет субъектам права избирать наиболее четкие, рациональные и практически осуществимые варианты деятельности при достижении своих жизненных интересов и потребностей с наименьшими издержками и без какого бы то ни было посягательства на права и свободы других членов общества. В рамках такого правового поведения укрепляется система действующего законодательства, совершенствуется и развивается правовая основа гражданского общества и правовой государственности, усиливается социальный и правовой статус каждой личности.

Осознанное правомерное поведение как ценностная правовая форма обусловлено определенными идеями, принципами, рекомендациями, предостережениями, пожеланиями, ожиданиями и другими жизненными факторами, навеянными личности результатами образования, воспитания, культуры, что позитивно влияет на формирование должного уровня правосознания и правовой культуры. Поэтому в процессе осуществления правомерного поведения личность руководствуется как правовыми, так и духовными ценностями и исходит из вывода, что именно правомерное поведение является самым выгодным, рациональным, эффективным и единственно правильным способом реализации своих приоритетных прав и свобод и достижения других жизненно важных целей.

Члены гражданского общества как потенциальные субъекты права, в конечном счете, твердо усваивают, что именно ценности права, образования, науки, культуры в значительной степени противостоят формированию в гражданском обществе нецелесообразных, вредных антиобщественных явлений, нередко обретающих откровенно противоправные формы. В то же время члены общества в процессе своих деятельных практических акций осознают тот вред, который наносят их стремлению обретать достойное существование всякого рода ненужные, неоправданные, нецелесообразные, вредные юридические запреты, ограничения, формальные нагромождения, становящиеся серьезным препятствием в процессе реализации соответствующими лицами своих прав и свобод.

Система действующего законодательства формируется в определенных временных отрезках, на нее оказывает воздействие складывающаяся политическая, идеологическая, экономическая конъюнктура, необходимость оперативного решения неотложных проблем, что отдаляет соответствующие законы от строгой ориентации приоритетным интересам и потребностям человека и гражданина. В качестве корректирующего фактора, своеобразного контрольного механизма выступают ценности права, обращенные к законодательным и правоприменительным органам с негласным требованием относительно направления деятельности в нужное русло.

Ценности права — та сила, которой призваны руководствоваться институты гражданского общества, властные структуры правовой государственности, ответственные за наличие и укрепление достойного политического, экономического, социального, культурно-образовательного, правового положения каждого человека и гражданина. Поэтому устоявшиеся и признанные ценности права являются идеальным аккумулятором придания законам, подзаконным актам, нормам права, правоприменительным структурам содержания, соответствующего интересам и жизненным устремлениям подавляющей части членов гражданского общества.

Обсуждение и заключения. Нормальная, полноценная жизнедеятельность человека и гражданина реально может складываться только в условиях демократии, восприятия основ цивилизации, что может иметь место в развитом гражданском обществе, воспринимающем личность, ее права и свободы в качестве высшей ценности. Поэтому само гражданское общество должно постоянно развиваться, а его учреждения и организации призваны

иметь тенденцию к необходимому совершенствованию и повышению эффективности своего функционирования.

Гражданское общество не в состоянии в полной мере только посредством собственных ресурсов (экономических, организационных, просветительских, воспитательных, нравственных, духовно-культурных и др.) определить условия и способы, обусловливающие достойную жизнедеятельность каждой личности. Поэтому институты гражданского общества при необходимости устанавливают контакты с соответствующими органами государственной власти и сотрудничают с ними, используя тем самым многогранный потенциал системы права и действующего законодательства.

В связи с тем, что сущностной целью гражданского общества является достижение его членами приоритетных интересов, потребностей, прав и свобод, то при упорядочении многообразных общественных отношений ставка делается на ценности права, которые находят отражение в подлинно правовых законах, обусловливают режим правовой законности, укрепляют действующий правовой порядок. Тем самым складываются благоприятные условия, позволяющие каждой личности обретать достойное положение в области предпринимательства, трудовых отношений, образования, науки, культуры, получения социальных услуг и др.

Поскольку ценности права имеют первостепенное значение при реализации членами общества соответствующих прав и свобод, то особое значение приобретает необходимость выявления, анализа, признания, внедрения этих ценностей. Ценности права должны быть в центре внимания правотворческих органов при издании законов и подзаконных нормативных правовых актов, ими должны руководствоваться соответствующие субъекты правоприменительной деятельности. Отстаивать и поощрять внедрение ценностей права в основополагающие общественные отношения призваны соответствующие институты и учреждения гражданского общества. Иметь четкое представление о ценностях права, ценностных законах и нормах права должен каждый член общества как самое заинтересованное лицо в успешном достижении своих жизненных интересов, прав и свобод.

Выгодные для каждой личности ценности права лежат у истоков мотивации и осуществления субъектами права осознанного и предсказуемого правомерного поведения, позволяющего не только успешно разрешать сложные жизненные обстоятельства, но и добиваться приоритетных жизненных целей. Поэтому требуемое эффективное оперирование ценностями права, соответствующими законами и нормами права предполагает наличие у соответствующих субъектов права должного уровня правосознания и правовой культуры, что вызывает необходимость наличия разветвленной системы правового образования, правового воспитания, правовой информации, анализа правового опыта и т.д.

Список литературы

1. Алексеев, С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения / С. С. Алексеев. — Москва : Норма, 2001. — 752 с.

2. Кант, И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 1 / И. Кант. — Москва, 1994. —586 с.

3. Печчеи, А. Человеческие качества / А. Печчеи. — Москва, 1980. — 310 с.

4. Гаджиев, К. С. Концепция гражданского общества: идейные истоки и основные вехи формирования / К. С. Гаджиев // Вопросы философии. — 1991. — № 7. — С. 19–35.

5. Черниловский, З. М. Гражданское общество: опыт исследования / З. М. Черниловский // Государство и право. — 1992. — № 6. — С. 142–151.

6. Кулиев, М.-П. Р. Гражданское общество и право: опыт теоретического исследования : дис. ... д-ра юрид. наук / М.-П. Р. Кулиев. — Москва, 1997 — 338 с.

7. Гражданское общество: теория, история, современность / отв. ред. З. Т. Голенкова. — Москва: Издательство

Института социологии РАН, 1999. — 165 с.

8. Энгельгардт, В. А. Наука, техника, гуманизм / В.А. Энгельгардт // Вопросы философии. — 1980. — № 7. — С. 92.

9. Исаева, Н. В. Конституционные ценности в правовой идентичности личности: к постановке проблемы / Н. В. Исаева // Конституционное и муниципальное право. — 2009. — № 16. — С. 2–5.

10. Рашева, Н. Ю. Ценность права в контексте системы ценностей современного российского общества / Н. Ю. Рашева, Н. Д. Гомонов // Вестник МГТУ. — 2006. — Т. 9, № 1. — С. 172–181.

11. Мартышин, О. В. Проблемы ценностей в теории государства и права / О. В. Мартышин // Государство и право. — 2004. — № 10. — С. 5–14.

12. Гусейнов, А. И. Проблема ценностей в праве / А. И. Гусейнов // Право и политика. — 2007. — № 7. — С. 14–22.

13. Михайлов, С. В. Правовые ценности: теоретико-правовой аспект : автореферат дис. … канд. юрид. наук / С. В. Михайлов. — Ростов-на-Дону, 2011. — 28 с.

14. Зорькин, В. Д. Ценностный подход в конституционном регулировании прав и свобод / В. Д. Зорькин // Журнал российского права. — 2008. — № 12. — С. 3–14.

15. Левитина, Ю. И. Правовое государство и гражданское общество в концепциях российских либералов : дис. ... канд. полит. наук / Ю. И. Левитина. — Москва, 2000. — 136 с.

16. Кочетков, А. П. Проблемы формирования гражданского общества в России: теоретико-методологический аспект : автореферат дис. … д-ра филос. наук / А. П. Кочетков. — Москва, 1994. — 42 с.

Поступила в редакцию 18.01.2023.

Поступила после рецензирования 01.02.2023.

Принята к публикации 01.02.2023.

Об авторе:

Працко Геннадий Святославович, профессор кафедры «Коммерческое и предпринимательское право» Донского государственного технического университета (344003, РФ, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор, ORCID, ScopusID dasha_sam94@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 340.1

https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-1-18-30

Проблемы систематизации источников права

Л. Г. Берлявский[1, 2]

[1] Донской государственный технический университет, Российская Федерация,

г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1

[2] Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Российская Федерация,

г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69

✉berlg@yandex.ru

Аннотация

Введение. Идея множественности источников права в отечественном правоведении отрицалась на протяжении десятилетий. Утверждалось, что нормативные акты — единственный носитель и основная форма бытия юридических норм. Ситуация изменилась в 90-е годы XX века в связи с радикальными политическими и социально-экономическими преобразованиями в Советском Союзе, в России, на постсоветском пространстве. К источникам права постепенно стали относить не только нормативные правовые акты, но и санкционированные обычаи, судебный прецедент, нормативный договор. За последние десятилетия внешние формы выражения юридических норм существенно увеличились и усложнились. Одна из важнейших задач правовой науки — классификация объектов, распределение предметов (явлений) по классам (видам) в зависимости от их свойств. Между тем немного работ посвящено теоретическим и практическим вопросам классификации источников права на постсоветском этапе развития российского правоведения. Цель данного исследования — выявить проблемы систематизации источников права. Актуальность данной темы обусловлена теоретической и практической значимостью системы источников права, ее реформированием в современных условиях.

Материалы и методы. Методология исследования представлена общенаучными и специальными юридическими методами. В связи с быстро меняющимся в научном сообществе отношением к данным методам, приоритет в исследовании отдавался современным источникам. Проанализированы концептуальные утверждения авторов, что в синтезе с собственным эмпирическим опытом позволило сформулировать ряд положений.

Результаты исследования. Одна из важнейших задач науки — классификация объектов, распределение предметов (явлений) по классам (видам) в зависимости от их свойств. Установлено, что в российском правоведении единичными являются работы, посвященные теоретическим и практическим вопросам систематизации и классификации источников права. Многообразие теоретических подходов к пониманию сущности феномена источника права в юридической науке, диаметральная противоположность авторских трактовок его содержания закономерно приводят к проблемам систематизации источников права. Признано, что проблема классификации источников права находится в стадии разработки и не получила однозначного решения.

Рассмотрены различные подходы к классификации источников права. Проанализирован статус кодифицированных актов в системе законодательства.

Обсуждение и заключения. Выявлены проблемы систематизации источников права. Трудности вызваны тем обстоятельством, что в понимании источников изначально заложена дихотомия (источники — формы), предполагающая выделение самостоятельных видов при одновременно понятийной и терминологической неопределённости. Система источников российского права продолжает динамично развиваться. Происходит неуклонное расширение круга источников права в российской правовой системе, что напрямую связано с процессом сближения основных правовых систем, прежде всего, романо-германской и англо-саксонской.

Ключевые слова: систематизация, источник, право, нормативные акты, санкционированный обычай, судебный прецедент, нормативный договор.

Благодарности. Автор выражает благодарность рецензенту, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Берлявский, Л. Г. Проблемы систематизации источников права / Л. Г. Берлявский // Правовой порядок и правовые ценности. — 2023. — Т. 1, № 1. — С. 18–30. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-1-18-30

Original article

Problems of the Sources of Law Systematisation

Leonid G. Berlyavsky[1, 2]

[1] Don State Technical University, 1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, Russian Federation

[2] Rostov State University of Economics (RSUE), 69, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, Russian Federation

✉berlg@yandex.ru

Abstract

Introduction. In the national legal science the concept of the sources of law multiplicity had been denied for decades. It was alleged that legislative acts are the only embodiment and the main form of the legal norms existence. The situation changed in the 90s of the twentieth century due to the crucial political and socio-economic transformations that took place in the Soviet Union, in Russia, on the former Soviet Union territory. Gradually not only legislative regulatory acts, but also authorized practice, judicial precedent, normative contract have become referred to as the sources of law. Over the past decades, the range of external forms of the legal norms expression has significantly expanded and become more complicated. One of the legal science most important objectives is classification of objects, distribution of objects (phenomena) by classes (types) depending on their characteristics. However, there are just few works focusing on the theoretical and practical issues of the sources of law classification within the post-Soviet period of the Russian legal science evolution. The aim of this study is to identify the problems in the sources of law systematisation. The relevance of this topic is determined by the theoretical and practical significance of the sources of law system, its reformation in the modern conditions.

Materials and Methods. The research methodology consists of the general scientific and special juridical methods. Due to the rapidly changing attitude towards these methods among the scientific community the priority in the research was given to the contemporary sources. The conceptual statements of other authors were analysed and integrated with the own empirical experience which jointly made it possible to formulate the number of provisions.

Results. One of the most important objectives of science is classification of objects, distribution of objects (phenomena) by classes (types) depending on their characteristics. It has been found that in the Russian legal science just single works are focusing on the theoretical and practical issues of the sources of law systematisation and classification. The diversity of theoretical approaches to understanding the essence of the source of law phenomenon in the legal science, the diametrical opposite of the authors' interpretation of its meaning has accordingly led to the problems in the sources of law systematisation. It has been recognised that the problem of the sources of law classification is in the process of investigation and has not received the unified solution. Various approaches to the sources of law classification have been considered. The status of codified acts in the legislative system has been analysed.

Discussion and Conclusions. The problems in the sources of law systematisation have been revealed. The difficulties are caused by the dichotomy (sources — forms) which a priori underlies the sources comprehension and presupposes distinction of the independent types under both conceptual and terminological uncertainty. The Russian sources of law system continues to develop dynamically. In the Russian legislative system the range of sources of law steadily expands, which is directly related to the process of convergence of the main legal systems, first of all the Romano-Germanic and Anglo-Saxon systems.

Keywords: systematisation, source, law, legislative acts, authorized practice, judicial precedent, normative contract.

Acknowledgements. The author expresses gratitude to the reviewer, whose critical assessment of the materials and suggestions for their improvement contributed to significant improvement of the article's quality.

For citation. L. G. Berlyavsky. Problems of the Sources of Law Systematisation. Legal Order and Legal Values, 2023, vol. 1, no 1, pp. 18–30. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-1-18-30

Введение. Неизменность источников права, традиционно признаваемых в качестве системообразующего явления, ядра правовых систем и семей, позволяет относить их к числу традиционных. Сторонники классификации источников на традиционные и нетрадиционные или типичные и нетипичные относят к числу нетипичных нормы международного права, правовые позиции судов, правоприменительную практику, акты негосударственных образований, доктрину, которую нередко называют квазиисточником. Популярность данной классификации, в свою очередь, порождает новые теоретические построения, например, традиционные источники права противопоставляются понятию «поднормативное регулирование» [1, с. 56]. В последнем случае использование авторами термина «поднормативное регулирование» отражает попытку встроить «нетипичные», «негосударственные» источники права в единую иерархическую систему с «традиционными» нормативными актами.

Представляется, что многие авторы пытаются выстроить непротиворечивую классификацию, исходя из обязательности деления источников на нормативные акты и все остальные. Причём исходным тезисом в таких построениях является однозначный приоритет нормативных актов, их главенство в сравнении с иными формами существования норм права. В этой связи интерес представляют предлагаемые зарубежными учёными

альтернативные концепции системы источников права. В качестве примера Т. Н. Данцева приводит обоснованное Г. Хартом подразделение источников права на формальные обязательные и формальные необязательные, выделение Дж. Остином прямых (явных) и неявных приказов суверена [2].

Подобные неиерархические построения снимают остроту проблемы деления источников на основании противопоставления воли государства и воли институтов гражданского общества.

В зависимости от направления правового воздействия принято выделять источники частного и публичного права, а также источники различных отраслей права (конституционного, налогового, гражданского, медицинского и др.). В современных условиях особую актуальность приобретают источники информационного права.

Отметим, что подобное деление является прямым следствием проанализированных ранее свойств классической правовой парадигмы с её дуализацией категорий и стремлением к классификации правовых явлений.

Однако в современной правовой реальности применение подобного подхода порождает закономерные сложности. В качестве примера сошлёмся на дискуссию по поводу отнесения Конституции Российской Федерации к числу источников различного рода отраслей российского права — аграрного, экологического, права социального обеспечения [3] и др. В работе, посвящённой гражданскому процессуальному законодательству России, автор прямо задаётся вопросом: «Вправе ли суд непосредственно применять Конституцию как источник гражданского процессуального права?» [4, с. 30].

Продолжающийся спор о том, какова природа и сущность таких явлений, как правоизменяющие нормы, правопрекращающие нормы, нашёл отражение в выделении так называемых «инструментальных» источников права. В эту категорию включают систему способов придания норме права юридической силы, в том числе — законотворчество, подзаконное нормотворчество, референдум, судебную практику, согласование правотворческих субъектов при заключении нормативных договоров и т.п.

В этой связи А. Ф. Шебанов предлагал различать основные и вспомогательные источники права. К вспомогательным он относил доктрину, акты, разъясняющие, уточняющие, дополняющие другие акты, акты–поручения тем или иным органам издать нормативный правовой акт, перечни актов, утративших силу, перечни изменённых актов без изложения их содержания [5].

Нельзя не отметить, что в череде бесчисленных вариаций на тему юридических и неюридических источников и отнесения стандартного набора форм к различным группам источников отдельные авторы предлагают довольно оригинальные решения. Необычную позицию по вопросу об источниках права высказывают саратовские учёные. Исследуя проблему поднормативного правового регулирования, они обращают внимание на то, что правоприменитель в тех случаях, когда прямое указание закона отсутствует, в целях толкования, разъяснения, «субсидиарного опосредования» общественных отношений использует такие правовые конструкции, как юридические презумпции, фикции, преюдициальные факты, оценочные понятия, а также аналогию закона и аналогию права. Это позволяет не только эффективно разрешить конкретный спор, но и компенсировать недостатки ранее созданных и не соответствующих реалиям правовых норм [1].

Однако широкого распространения, а также выхода за пределы теоретических исследований подобные идеи не находят. Таким образом, есть все основания признать, что проблема классификации источников права находится в стадии разработки и не получила однозначного решения.

В правовой науке вопрос о систематизации источников права, как справедливо отмечает Н. Н. Вопленко, не получил развёрнутого и всестороннего исследования. По существу, проблема классификации источников права

сведена к систематизации нормативных актов [6].

В то же время, начиная с периода становления системной методологии (середина XX века), данная проблема приобрела большую актуальность. Возникло представление об имманентности признака системности источникам права (как и самому праву в целом), начались поиски оснований системности и факторов, определяющих конфигурацию системы источников права и их иерархию. В отечественной науке вопросами системности источников права занимались А. Н. Бабай, Н. Н. Вопленко, М. Н. Марченко и др. [6–8]. Цель данного исследования — это выявить проблемы систематизации источников права.

Материалы и методы. Методология исследования представлена общенаучными и специальными юридическими методами. В связи с быстро меняющимся в научном сообществе отношением к данным методам, приоритетным является исследование современных источников. Анализ концептуальных утверждений исследователей выявленных проблем, а также синтез собственного эмпирического опыта позволили сформулировать ряд положений. Так, в ряде исследований категории «источник права» и «источник знаний о праве» («источник познания права») фактически отождествляются. Граница, отделяющая действующий источник от момента перехода его в преюдициальные факты «бывших», используемых в целях получения знаний об истории правового регулирования, определяется его способностью воздействовать на общественные отношения, признанием за ним юридической силы на момент обращения к нему. Г.Ф. Шершеневич, классик российского правоведения, относил к числу источников права «средства познания действующего права», а также «исторические памятники, которые когда-то имели значение действующего права» [9, с. 368–369]. В современной оригинальной конструкции, позволяющей бесконфликтно объединить историко-правовой и нормативно-правовой аспекты актов раннеклассовых государств, речь идет о так называемых «первичных юридических письменных источниках». В их числе указываются не только привычные законы, кодексы, но и, например, священные агрокалендари, детально регламентировавшие распорядок жизни членов раннеземледельческой общины. Данный методологический подход перспективен тем, что позволяет абстрагироваться от неизбежного несоответствия подобных актов как букве, так и духу современного права.

Результаты исследования. Обобщая авторские критерии классификации источников права, можно выделить следующие основные подходы. Прежде всего, применяется классификация на основе критерия определённости (объективности) правовых предписаний. Данное направление тесно связано с рассмотренным выше подразделением источников права на материальные и формальные.

В большинстве работ исходным является тезис об определённости предписаний, правовых норм как важнейшем признаке права. Следовательно, такого рода определённость служит основанием возведения источников, содержащих нормы с большей степенью определённости, в ранг основных. С. А. Дробышевский и Т. Н. Данцева утверждают, что достижение цели в построении системы источников права в «независимом политическом обществе» неизменно решалось посредством определения формальных источников права и их систематизации в зависимости от юридической силы [10]. Имманентный нормативным актам общий характер норм неизменно требовал дополнительных источников, но это вынужденная мера, на которую государство шло, неизменно ограничивая их действие и устанавливая иерархию во главе с законом (легизм). Главный дефект, возникающий при применении указанного подхода к классификации, состоит в том, что наиболее определённые нормы, закреплённые в законах и иных нормативных правовых актах, на практике не обязательно представляют собой ядро системы источников, — это характерно только для романо-германской правовой семьи. Более того в ряде случаев, например, в периоды революционных потрясений даже в романо-германском правовом мире они уступают своё место иным формам объективации правовых предписаний – политическим декларациям, актам

чрезвычайного законодательства, подзаконным актам.

Другой подход — классификация через правовую семью — реализован в классических работах Р. Давида, в исследовании источников права М. Н. Марченко, из числа новейших работ — в диссертации А. Ю. Гарашко [11]. Системность и иерархический характер названа М. Н. Марченко качественной особенностью «форм и источников права, рассматриваемых в рамках национальных правовых систем» [8, с. 95].

Анализ публикаций, выстраивающих систему источников права исходя из национальных особенностей, даёт основание утверждать, что авторы испытывают некоторые затруднения в реализации избранного направления исследования. В связи с этим отдельным системам отказывают в свойствах системности источников права, предлагаются разнородные трактовки конфигурации системы источников и системообразующих факторов в аналогичных правовых системах.

Так, М. Н. Марченко указывает на то, что уровень системности и иерархичности в источниках и формах права неодинаков. В большей степени он появляется в формах права, в меньшей — в естественных и позитивных источниках. А. Ю. Гарашко утверждает, что в международном праве свойства системности отсутствуют. На наш взгляд, этот вывод является достаточно спорным, поскольку систематизация международного права осуществлялась на основе сложившихся парадигм международного права, то есть на базе такого источника, как доктрины.

Стоит заметить, что алармистские суждения по поводу системности международного права высказывались с завидной регулярностью на протяжении последних полутора десятков лет [12]. В частности, обращается внимание на то, что выработанная на основе Вестфальской системы ориентация на национальное государство, позитивистские определения международного права, публичной власти неприменимы к негосударственным субъектам, неформальным нормативным структурам, экономической власти в условиях глобальных политико-экономических отношений, что вызывает кризис легитимности.

Применение системного подхода вызывает определённые затруднения в тех случаях, когда атрибутирование национальной правовой системы и семьи не представляется возможным или оно неоднозначно. Например, российскую правовую систему относят и к романо-германской правовой семье, считают частью особого византийского права (С. С. Алексеев) [13], славянского права, социалистического (М. Н. Марченко) [8].

Кроме того, как справедливо указывает Т. В. Гурова, следует учитывать известную долю допущения при отнесении России к романо-германской правовой семье именно в рамках вопроса о типологии и системе источников права. Формальное вхождение России в состав указанной семьи в XVIII веке не устранило, а напротив, упрочило разрыв между «духом» закона (материальными источниками права) и его «буквой» (системой формальных источников) [14, с. 73]. Указанная дихотомия и самостоятельный аспект несводимости российского права к романо-германской семье обусловлены, по мнению К. Осакве, недостаточным «очищением» доктрины от советской правовой идеологии [15, с. 13].

Следующим подходом к классификации источников права можно назвать попытки построения её через функциональные связи между элементами системы источников.

Сущность этого подхода можно свести к уже известной дифференциации форм и источников или источников позитивного и естественного права. Причём в том или ином варианте в большинстве исследований закрепилось явное или неявное признание наличия двух систем, обладающих отличающимися свойствами или, если говорить о естественном праве, идеальных источниках, вообще не обладающих свойствами системности. В частности, различаются система форм права (иерархическая) и система источников права (неиерархическая).

В том же ключе следует рассмотреть спор об источниках естественного и позитивного права. Для

большинства специалистов аксиомой является положение о том, что для позитивного права иерархичность — имманентное и необходимое качество, при этом основным системообразующим фактором является воля государства (суверена). Сложнее с естественным правом. Составляющие естественное право нормы и принципы отдельные авторы называют несистематизируемыми (А. Ю. Гарашко). Другие учёные, напротив, видят в них фактор, систематизирующий право [16].

Большинство теоретиков права вслед за М. Н. Марченко утверждают, что источники естественного права лишь тогда обретают качества системности и иерархичности, когда они становятся источниками позитивного права. В противном случае их можно рассматривать только на одном уровне — системном. Иерархии же между ними не существует, поскольку между ними нет ни структурного, ни функционального, никакого-либо другого по своему характеру иерархического соподчинения.

Ещё один распространённый подход к классификации источников права — это поиск основного системообразующего фактора. Основная проблема такого подхода — объективность и действительность тезиса о наличии явлений, скрепляющих правовую систему и выступающих основой для построения унифицированной системы источников.

В качестве основного, но не единственного системообразующего фактора исследователи указывают на государство. В. В. Нырков называет «истоками унификации системы правовых актов такие явления, как единство социальной системы и общественных отношений её составляющих, реальное легитимированное единство государственной власти, национально-государственное единство» [17, с. 66]. В условиях, когда российское общество характеризуется социологами и политологами как многосоставное [18], подобные утверждения вызывают закономерные сомнения.

Малоубедительным представляется тезис Б. Б. Балданова о действии в качестве системообразующих стабилизирующих факторов естественных исторических процессов и духовно-культурной составляющей, в которой заключены национальные правовые традиции и вековые морально-нравственные устои [19]. В исторических, социальных, философских исследованиях тезис о расколотости российского общества, а также о сосуществовании в рамках социальной системы нескольких обществ, даже цивилизаций и их периодической «встрече» (нередко — конфликтной) является практически аксиомой.

Ещё один подход к классификации источников — через систему отраслей права и систему законодательства. В рассматриваемом контексте качество системности источников права вызывает большие споры.

Критические замечания включают следующие основные тезисы. Во-первых, не все исследователи согласны с системным строением права, указывая на то, что признаки отрасли права крайне субъективны и не могут восприниматься однозначно. Во-вторых, отраслевое деление права в условиях трансформации правовых систем объективно приводит к сложностям и необходимости игнорировать принцип избыточности. В качестве примера сошлемся на дискуссию о Конституции Российской Федерации как источнике той или иной отрасли права, на развернувшуюся в последнее время дискуссию вокруг источников уголовного права.

Исследования подтверждают идею о том, что юридическая практика тяготеет к конкретному типу правопонимания, что объясняется социальной потребностью в действенном регулировании отношений и необходимостью подготовки квалифицированных специалистов.

Традиции романо-германской правовой семьи и не окончательно изжитое наследие социалистического права (в социалистическом государстве нормативные правовые акты признавались единственным носителем, формой бытия юридических норм [13]), а также положения Конституции РФ (ч. 2 ст. 4) позволяют сделать следующий вывод. Нормативные правовые акты являются однозначно признанными государством официальными

источниками права современной России. Однако ни в самом законодательстве, ни в доктрине не существует единства понимания того, какие именно формы закрепления правовых норм относятся к числу нормативных правовых актов. Здесь можно выделить, как минимум, два основных подхода.

Согласно первому — расширительному — к данной категории относятся все способы бытия правовой нормы. Иными словами, в состав категории нормативных актов включаются и нормативные договоры, и акты судебного правотворчества, и принципы права. Например, А. В. Нестеров в работе, посвящённой классификации правовых актов, относит судебные акты, имеющие нормативный характер, например, решения Конституционного Суда РФ, к числу официальных нормативных правовых актов [20]. Очевидно, что в данном случае категории «источник» и «форма» права отождествляются. Реализация данного подхода делает бессмысленной саму постановку вопроса о самостоятельности судебной практики, нормативного договора, принципов права, прав человека в качестве источника права.

Большое признание получила точка зрения, согласно которой к числу нормативных актов относится специфическая, достаточно узкая группа источников — законы, подзаконные нормативные акты, в том числе, локальные нормативные акты. Эта позиция не является бесспорной. Для иллюстрации достаточно упомянуть дискуссию о соотношении «широкого» и «узкого» понимания термина «законодательство», а также непрекращающиеся споры вокруг возможности признания актов локального нормотворчества в качестве нормативно-правовых. Одной из характерных проблем системы нормативных правовых актов на протяжении советской и постсоветской истории является конфликт между законом и подзаконными правовыми актами, положения которых нередко подменяют собой или отменяют нормы законов, что породило феномен «указного права».

Помимо названных, в исследованиях выделяются и иные, не менее важные спорные вопросы классификации нормативных актов. Например, выделяются проблемы деления актов на виды, соотношения их между собой и с индивидуальными актами, структурирования системы нормативных актов в федеративном государстве, определения структуры самих нормативных актов, их языка и др. Л. А. Морозова акцентирует внимание на проблеме делегированного правотворчества органов местного самоуправления, которые не обладают статусом и полномочиями органов государственной власти [21].

Самостоятельной проблемой является статус кодифицированных актов в системе законодательства. Унифицированного формального закрепления места кодекса в российской правовой системе не существует, в доктрине же высказываются разнообразные позиции [22].

В числе спорных вопросов классификации источников права проблема принципов права, по нашему мнению, является одной из наиболее острых. Несмотря на значимую роль принципов права, в науке до сих пор нет единого понимания данной категории. Одни авторы полагают, что принцип — это руководящая идея, отражающая существо общественных явлений и общественных отношений и направляющая поведение людей в соответствии с объективными закономерностями исторического развития. Другие считают, что принцип — это норма права, содержащая наиболее общие положения. Так, «принципы представляют собой нормы права, но лишь с более общим и принципиальным содержанием» [23, с. 55].

Сторонники признания принципов права формальными источниками оперируют фактом конституционного закрепления приоритета общепризнанных принципов международного права (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ). Сложность заключается в неопределённости идентификации данного вида принципов на уровне как национального, так и международного права. В ст. 38 Статута Международного Суда ООН зафиксировано, что при разрешении споров данный орган, наряду с конвенциями и обычаями, применяет «общие принципы права,

признанные цивилизованными нациями»[1].

Однако, как свидетельствует И. И. Лукашук, единой трактовки содержания понятия «принцип» не существует [24]. Более того, доминирующее в доктрине равенство принципов сегодня в практике международных отношений вступает в явный конфликт с реалиями, что требует поиска основ построения их иерархии [25].

Наиболее распространённым в современной отечественной литературе является представление о том, что принципы–идеи как самостоятельный источник права не могут существовать. Они становятся источниками права посредством закрепления или выражения их в официально-документальных формах, содержащих правовые нормы. Нередко к числу подобных форм относят те, которые имеют спорную природу (религиозные тексты, юридическая доктрина и др.), что вызывает закономерный вопрос о целесообразности подобной операции.

Поводом к разногласиям в научной среде служит тот факт, что далеко не все принципы, даже признаваемые доктринально и укоренившиеся в общественном сознании, получают реализацию в нормативных актах. Позволим себе высказать предположение о явной зауженности содержания принципа гуманизма в том виде, как он закреплён в ч. 1 ст. 7 УК РФ — обеспечение безопасности человека. В этой связи можно согласиться с мнением А. Н. Бабая по поводу очевидного несоответствия формального и доктринального содержания правовых принципов в российской правовой системе. Он также делает вывод о самостоятельном существовании доктринальных правовых принципов как источников права [7].

Вместе с тем напрашиваются критические замечания относительно предложения В. В. Ершова, который предлагает закрепить правовые принципы в качестве основного источника российского права [26]. Разобщённость российского социума, диагностируемый рост уровня конфликтности, агрессии нивелирует попытки установления унифицированного содержания даже базовых этических понятий: справедливости, гуманизма, равенства. По нашему мнению, рассмотренные с позиций, например, социологического подхода к правопониманию эти категории на нынешнем этапе общественного развития России будут наполнены противоположным содержанием в зависимости от национальных, территориальных, возрастных и иных факторов. В этой связи возможность их формализации представляется утопичной.

Некоторое промежуточное положение в классификации источников права занимают правовые обычаи. Известный цивилист конца XIX в. – начала XX в. И. А. Покровский считал, что «обычай есть непосредственное проявление народного правосознания, норма, свидетельствующая о своем существовании самим фактом своего неуклонного применения» [27, с. 52]. «Под юридическим обычаем — утверждал видный философ права Е. Н. Трубецкой, — разумеются такие правовые нормы, которые сложились путем постоянного применения одних и тех же правил к однородным случаям жизни. Такие нормы могут слагаться как при участии, так и без участия органов государственной власти. Но, во всяком случае, они возникают без прямого предписания власти; в этом отличительная черта обычая от закона в обширном смысле» [28, с. 98].

Представители позитивистского направления в юриспруденции считали, что по условиям своего образования правовые обычаи складываются весьма медленно. Поэтому, только удовлетворяя назревшим запросам жизни законодательным путем, государственная власть поддерживает жизненность и устойчивость сложившегося временем порядка.

В современной науке обычаи принято определять как устойчивые и достаточно распространенные в определенной сфере правила поведения, которые в результате многократного, длительного повторения

[1] Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых СССР с иностранными государствами. М., 1956. Вып. XII. С. 47–63.

становятся привычкой, обыкновением, соблюдаемыми добровольно [29]. Обычаи передаются из поколения в поколение и живут веками, возможно, и тысячелетиями. Для людей исполнение обычаев может быть более важным, чем соблюдение законодательных установлений. В противном случае их может ожидать осуждение родных и близких, а в принципиальных случаях и отказ от признания в качестве родственника.

Общеизвестно, что обычай явился первоосновой обычного права. По мнению А. И. Першица, в доклассовом обществе первобытные поведенческие нормы сочетали в себе особенности моральных и правовых норм. Их симбиоз он назвал мононормой [30]. Как считает Ю. И. Семенов, обычное право наряду с табуитетом и моралью доклассового общества является формой общественной воли, направленной на самосохранение и выживание социальной группы (социально-исторического организма), в среде как родственных, так и чужеродных общин [31]. Отечественный правовед А. М. Ладыженский определял обычное право как «совокупность определенных правил поведения, обязательных для всех членов общества и регулирующих отношения между ними» [32, с. 159]. Обычное право регулирует лишь часть общественных отношений, которые в настоящее время регулируются современным правом, а также общественные отношения, которые в настоящее время не подпадают под правовую регламентацию (архаический институт изгнания) [8].

Многократное повторение похожих действий (поступков) в повседневной жизни, обеспечивающее стабильность в обществе, откладывается в памяти и сознании его членов как правильное, поскольку соответствует их представлению о нормальном. Наличие общепризнанного стандарта поведения ограничивает «произвол отдельных лиц и обеспечивает независимость участников правового общения от таких случайных обстоятельств, как физическая сила или хитрость партнёра, ставя всех обнимаемых правилом лиц в равное положение» [33, с. 77].

Во всех случаях правовые обычаи должны находиться в пределах правового поля, в сфере правового регулирования, а не за их границами. И, конечно, они не могут противоречить действующему законодательству. Правовые обычаи призваны способствовать правореализационному процессу, дополнять и обогащать механизм юридического опосредования разнообразных общественных отношений.

Специфика положения данной формы в системе источников российского права обусловлена целым рядом обстоятельств. Это, во-первых, исторические особенности его бытия в национальной правовой системе: в России, в отличие от Запада, роль обычаев в правовой системе оставалась весьма значительной вплоть до 1917 г. [2, с. 44–48]. Более того, в советской правовой системе обычаи не исчезли, а видоизменились и приобрели иные черты. Во-вторых, особый полуформальный статус обычаям в настоящее время придаёт тот факт, что согласно ст. 5 Гражданского кодекса РФ обычаи применяются для регулирования гражданско-правовых отношений в случае непротиворечия их законодательству или договору.

До настоящего времени примерно в 35-ти федеральных законах и ряде указов Президента Российской Федерации были закреплены правовые обычаи, применяемые для регулирования возникающих правоотношений. Обычное право наиболее востребовано при регулировании гражданско-правовых и смежных с ними отношений (обычаи делового оборота), в морском и речном праве (обычаи торгового мореплавания), при регулировании национально-государственных отношений, правил поведения гражданского служащего и ряде иных сфер публично-правовых отношений [34].

В этой связи на протяжении постсоветского периода не прекращается дискуссия о содержании понятия «правовой обычай», соотношении разнородных обычных норм в регулировании общественных отношений. Некоторые авторы (О. В. Малова, Н. Н. Вопленко и др.) указывают на признание государством, позитивацию как необходимое условие признания правового обычая источником права [35]. При этом другие авторы (А. Н. Бабай

и др.) доказывают, что в современном российском частном праве закон разрешает использовать правовые обычаи напрямую, без их конкретизации, в публичном же праве они, как правило, формально фиксируются [7].

Обсуждение и заключения. В современной российской науке теории права, в отраслевых юридических исследованиях проблема источников права является одной из наиболее дискуссионных. Исследовательская позиция по вопросу об источниках права является своеобразным индикатором, отражающим тип правопонимания учёного, авторские представления о генезисе правовых институтов. Состояние дискуссии о соотношении понятий формы и источника права, а также очевидный экстенсивный характер основной массы исследований свидетельствуют о наличии в отечественной правовой науке ряда существенных проблем. Эти проблемы влияют и на правотворчество, и на правоприменительную практику. Представляется, что предлагаемые радикальные способы их решения, в том числе, посредством принятия специального закона «о нормативных актах» являются паллиативными.

Изучение основного противоречия, вокруг которого преимущественно выстраивается рассматриваемая проблема — соотношение форм и источников права — указывает на то, что в основе её лежит конфликт концепций правопонимания. Дуализм форма (источник), являвшийся для советской науки методологическим приёмом, позволявшим выйти за рамки позитивистского правопонимания, в настоящее время является архаизмом. В этой связи в работе были рассмотрены и обобщены материалы исследований, в которых предпринимаются попытки выхода за рамки указанного противоречия.

Основы системы и иерархии источников права закреплены в действующей Конституции Российской Федерации, которая провозгласила Россию демократическим правовым государством и по-новому разграничила компетенции между ветвями государственной власти, федерацией и ее субъектами. В эту иерархическую систему входят Конституция РФ и законы, другие нормативные правовые акты, нормативные договоры (международные и внутрифедеральные), правовые обычаи. Они являются своеобразными «резервуарами», «хранилищами» правовых предписаний. Признание нормативного акта источником права влечет за собой важные юридические последствия.

Центральной проблемой теории источников права на современном этапе развития науки является выстраивание их целостной и непротиворечивой системы. Основную трудность в этом процессе составляет отсутствие чёткого теоретического представления о предмете систематизации, а также ряд противоречий и пробелов нормативного закрепления статуса отдельных форм существования права, касающихся, прежде всего, международных договоров, актов высших судов, актов муниципального нормотворчества. Основным фактором, нивелирующим попытки систематизации источников права, является господство позитивистского по сути тезиса об обязательном иерархическом характере указанной системы. Главенствующая роль в ней того или иного источника напрямую зависит от разделяемого автором типа правопонимания. Причем достаточно очевидно отрицание правосознанием научного сообщества и правоприменителей самой возможности отказа от иерархической модели. Справедливым нам видится мнение относительно сложности практической реализации идеи о возможности признания равной степени нормативности за официально-документальными формами бытия права и, например, доктриной или правовыми принципами. Однако развитие подобных идей в теоретических разработках позволит учению об источниках права выйти из существующего методологического тупика.

Таким образом, система источников российского права продолжает динамично и не бесконфликтно развиваться. Происходит неуклонное расширение круга источников права в российской правовой системе. Это явление специалисты напрямую связывают с процессом сближения основных правовых систем — романо-германской и англо-саксонской как прямое следствие этого сближения. Одновременно происходит перераспределение роли и

места источников в общей системе права. Например, под воздействием взаимовлияния национальной и международной правовых систем, объективных условий жизни общества очевидно повышение роли судебной практики, нормативных договоров, принципов международного права.

Список литературы

1. Купалов, В. А. Поднормативное правовое регулирование / В. А. Купалов, Ю. В. Медная. — Саратов, 2009. — 199 с.
2. Данцева, Т. Н. Формальные источники права : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Т. Н. Данцева. — Красноярск, 2007. — 24 с.
3. Кобзева, С. И. Источники права социального обеспечения России / С. И. Кобзева. — Москва, 2009. — 405 с.
4. Практика применения Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: практич. пособие / под ред. В. Н. Соловьева. — Москва, 2009. — 667 с.
5. Шебанов, А. Ф. Форма советского права / А. Ф. Шебанов. — Москва, 1968. — 212 с.
6. Вопленко, Н. Н. Источники и формы права / Н. Н. Вопленко. — Волгоград, 2004. — 102 с.
7. Бабай, А. Н. Становление и развитие отечественной концепции источников права / А. Н. Бабай // История государства и права. — 2010. —№ 14. — С. 44–48.
8. Марченко, М. Н. Проблемы общей теории права и государства: в 2-х т. / М. Н. Марченко. — Москва, 2016. — Т. 2. — 643 с.
9. Шершеневич, Г. Ф. Общая теория права / Г. Ф. Шершеневич. — Москва, 1911. — Вып. II. — 698 с.
10. Дробышевский, С. А. Формальные источники права / С. А. Дробышевский, Т. Н. Данцева. — Москва, 2011. — 160 с.
11. Гарашко, А. Ю. Особенности системных свойств источников права : автореф. дис. … канд. юрид. наук / А. Ю. Гарашко. — Москва, 2013. — 25 с.
12. Берлявский, Л. Г. Современное международное право: концептуальные подходы к определению / Л. Г. Берлявский // Государственная власть и местное самоуправление. — 2015. — № 3. — С. 14–19.
13. Алексеев, С. С. Общая теория права: в 2-х т. / С. С. Алексеев. — Москва, 1981. — Т. 1. — 360 с.
14. Гурова, Т. В. Актуальные проблемы теории источников права : дис. … канд. юрид. наук / Т. В. Гурова. — Самара, 2000. — 188 с.
15. Осакве, К. Типология современного российского права на фоне правовой карты мира / К. Осакве // Государство и право. — 2001. — № 4. — С. 12–22.
16. Воронин, М. В. Основания и проявления системности права : автореф. дис. … канд. юрид. наук / М. В. Воронин. — Казань, 2013. — 32 с.
17. Системность и эффективность правовых актов в современной России / под ред. А. В. Малько, Р. В. Пузикова. — Тамбов, 2011. — 426 с.
18. Лейпхарт, А. Демократия в многосоставных обществах / А. Лейпхарт. — Москва, 1997. — 287 с.
19. Балданов, Б. Б. Система источников современного российского права: теоретико-правовой аспект : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Б. Б. Балданов. — Санкт-Петербург, 2010. — 19 с.
20. Нестеров, А. В. Классификация правовых актов / А. В. Нестеров // Государство и право. — 2013. — № 7. — С. 5–11.
21. Морозова, Л. А. Проблемы качества нормативного правового регулирования в современной России /

Л. А. Морозова // Правотворчество в Российской Федерации : сб. науч. ст. / отв. ред. В. М. Сырых, М. А. Занина. — Москва, 2010. — С. 132–138.

22. Топорнин, Б. Н. Система источников права: тенденции развития / Б. Н. Топорнин // Судебная практика как источник права. — Москва, 2000. — С. 9–45.

23. Гладких, Д. Н. Принцип добросовестности в гражданском праве / Д. Н. Гладких // Законодательство. — 2012. — № 1. — С. 53–62.

24. Лукашук, И. И. Международное право. Общая часть : учебник / И. И. Лукашук. — Москва, 2005. — 432 с.

25. Байльдинов, Е. Т. Новое международное право: к вопросу о сущности / Е. Т. Байльдинов // Московский журнал международного права. — 2013. — № 2. — С. 90–102.

26. Ершов, В. В. Система форм права в Российской Федерации / В. В. Ершов // Российское правосудие. — 2009. — № 1. — С. 7–15.

27. Покровский, И. А. История римского права / И. А. Покровский. — Санкт-Петербург, 1999. — 555 с.

28. Трубецкой, Е. Н. Лекции по энциклопедии права / Е. Н. Трубецкой. — Москва, 1917. — 183 с.

29. Теория государства и права: учебник / Н. И. Матузов, А. В. Малько. — Москва, 2004. — 776 с.

30. Першиц, А. И. Проблемы нормативной этнографии / А. И. Першиц // Исследования по общей этнографии. — Москва, 1979. — С. 210–240.

31. Семенов, Ю. И. Формы общественной воли в доклассовом обществе: табуитет, мораль и обычное право / Ю. И. Семенов // Этнографическое обозрение. — 1997. — № 4. — С. 3–24.

32. Ладыженский, А. М. Методы этнологического изучения права / А. М. Ладыженский // Этнографическое обозрение. — 1995. — № 4. — С. 157–165.

33. Дождев, Д. В. Римское частное право / Д. В. Дождев. — Москва, 2006. — 784 с.

34. Берлявский, Л. Г. Место обычно-правовых норм в системе источников современного российского права / Л. Г. Берлявский, В. А. Расчетов // Российская юстиция. — 2014. —№ 1. — С. 2–6.

35. Плоцкая, О. А. К вопросу о дискуссионности понимания категорий «обычай» и «правовой обычай» как источника права / О. А. Плоцкая // Право и государство: теория и практика. —2013. — № 3. — С. 22–25.

Поступила в редакцию 18.01.2023.

Поступила после рецензирования 01.02.2023.

Принята к публикации 03.02.2023.

Об авторе:

Берлявский Леонид Гарриевич, профессор кафедры «Гражданское право» Донского государственного технического университета (344003, РФ, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), профессор кафедры конституционного и муниципального права Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (344002, РФ, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69), доктор исторических наук, кандидат юридических наук, ORCID, ScopusID, berlg@yandex.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 340:349.6

https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-1-31-42

Научная статья

Право и экология: взаимовлияние научных областей в процессе подготовки юриста

А. П. Анисимов, **Л. А. Резванова**

Донской государственный технический университет, Российская Федерация,

г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1

✉ lrezvanova1@yandex.ru

Аннотация

Введение. Развивающийся сегодня мировой экологический кризис требует изменения не только политики отдельных государств, но и изменения общественного мировоззрения, поскольку любые, даже самые совершенные законы будут не в состоянии изменить ситуацию, если граждане отвергают их базовые постулаты. Если общество убеждено, что природа существует исключительно для удовлетворения экономических потребностей в природных ресурсах, и ее единственная функция — обслуживать потребности человека, никакие попытки пресечь браконьерство или сократить число несанкционированных свалок отходов не достигнут цели. Цель исследования состоит в выявлении дискуссионных аспектов правового регулирования экологического образования, его организационных и методических проблем, вопросов формирования экологического мировоззрения юристов-экологов посредством расширения междисциплинарных связей и ряда других проблем.

Материалы и методы. Рассмотрены правовые, организационные, мировоззренческие, методические и иные аспекты развития эколого-правового образования в РФ с использованием общепринятых в России методов научного познания: общенаучных (диалектический метод) и частнонаучных методов (анализ, синтез, конкретно-исторический, логический метод и др.).

Результаты исследования. Осуществлена систематизация современных проблем эколого-правового образования в России, представлены рекомендации, позволяющие повысить его эффективность. В ходе исследования авторы уделили особое внимание обзору концепций взаимодействия природы и общества, позволяющих сформировать адекватное современным экологическим угрозам мировоззрение студентов. В статье проанализированы концепции устойчивого развития, «зеленой» экономики, теория изменения климата и концепция циркулярной экономики.

Обсуждение и заключения. Для повышения эффективности российского эколого-правового образования требуется комплекс разнонаправленных мер правового, организационного, методического и вариативного содержания, что позволит приблизить современное юридическое образование к решению экологических проблем XXI века. Проведенное исследование имеет теоретическую и практическую значимость и ориентировано на лиц, осуществляющих профессиональную подготовку будущих юристов.

Ключевые слова: эколого-правовое образование, экология, окружающая среда, правовое регулирование.

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензенту, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Анисимов, А. П. Право и экология: взаимовлияние научных областей в процессе подготовки юриста / А. П. Анисимов, Л. А. Резванова // Правовой порядок и правовые ценности. — 2023. — Т. 1, № 1. — С. 31–42. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-1-31-42

Original article

Law and Ecology: Interdependence of Scientific Fields in Teaching a Jurist

Aleksey P. Anisimov, Larisa A. Rezvanova

Don State Technical University, 1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ lrezvanova1@yandex.ru

Abstract

Introduction. The global environmental crisis unfolding nowadays requires changes not only in the policies of the single states, but also in the public worldview, because the laws, even most perfect, are not able to change the situation if citizens reject laws' basic postulates. If the society is convinced that nature exists exclusively for satisfying the economic demands in natural resources and its only function is to serve people's needs, the attempts to stop poaching or reduce the number of unauthorised waste dumps will never achieve the goal. The aim of the study is to determine the disputable aspects in legal regulation of the environmental education, its organisational and methodological problems, the issues of ecological worldview formation in law ecologists through extending the interdisciplinary relations and some other issues.

Materials and Methods. Legal, organisational, worldview, methodological and other aspects of the environmental and law education development in the Russian Federation are considered using the scientific knowledge methods generally accepted in Russia: general scientific (dialectical method) and specific scientific methods (analysis, synthesis, concrete-historical, logical methods, etc.).

Results. The systematisation of the modern problems of the environmental and law education in Russia has been carried out, the recommendations on improvement of its efficiency have been outlined. In the course of the research, the authors have paid special attention to the review of concepts of nature and society interaction, enabling to form students' worldview adequate to the modern environmental threats. In the article the concepts of sustainable development, "green" economy, the theory of climate change and the concept of cyclic economy are analysed.

Discussion and Conclusions. To increase the efficiency of the Russian environmental and law education, the complex of multidirectional measures of legal, organisational, methodological and other scope is required, which would bring modern law education closer to solving the environmental problems of the XXI century. The conducted research has theoretical and practical significance and is targeted at persons engaged in professional training of future jurists.

Keywords: environmental and law education, ecology, environment, legal regulation.

Acknowledgements. The authors are grateful to the reviewer, whose critical assessment of the materials and the proposals on their refinement have added much to improvement of the quality of the article.

For citation. A. P. Anisimov, L. A. Rezvanova. Law and Ecology: Interdependence of Scientific Fields in Teaching a Jurist. Legal Order and Legal Values, 2023, vol. 1, no. 1, pp. 31–42. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-1-31-42

Введение. В связи с мировым экологическим кризисом каждое государство и мировое сообщество в целом должны скорректировать реализуемые политики, обратить особое внимание на формирование мировоззрения людей, их направленное бережное отношение к окружающей среде и соблюдение режима законности. Если общество убеждено, что природа существует исключительно для удовлетворения экономических потребностей в природных ресурсах, и ее единственная функция — обслуживать потребности человека, никакие попытки пресечь браконьерство или сократить число несанкционированных свалок отходов не достигнут цели. Принудительная сила государства имеет свои пределы. Для того, чтобы переломить ситуацию, необходимо дальнейшее развитие правового, организационного (системы органов экологического управления) или экономического механизмов охраны окружающей среды. В связи с этим встает задача формирования у граждан убеждения в необходимости сохранения окружающей среды, что в свою очередь требует коренного изменения системы экологического образования и просвещения. Цель исследования — выявить дискуссионные аспекты правового регулирования экологического образования, его организационных и методических проблем, вопросов формирования экологического мировоззрения юристов-экологов посредством расширения междисциплинарных связей и ряда других проблем.

Определение основных направлений совершенствования эколого-правового образования в России позволит повысить его эффективность и приблизит российское общество и государство к достижению целей устойчивого развития, провозглашенных ООН.

Материалы и методы. В статье были использованы:

– диалектический метод научного познания, позволяющий рассматривать сложные социальные явления и процессы в сфере образования, познавать их объективные закономерности;

– частнонаучные методы: конкретно-исторический, позволивший рассмотреть формирование и развитие профессионального экологического образования в системе образования Российской Федерации; формально-логический, предполагающий воспроизводство посредством мышления сложного развивающегося объекта — системы образования, и позволяющий определить перспективы развития профессионального экологического образования, а также меры по повышению его качества; сравнительно-правовой метод, с помощью которого были исследованы российские и зарубежные концепции в сфере взаимодействия природы и общества (концепции циркулярной экономики, устойчивого развития, «зеленой» экономики и др.).

В качестве еще одного частнонаучного метода исследования в статье использован метод системного анализа, позволивший изучить эффективность правового регулирования отдельных аспектов образовательной деятельности. Данный метод позволил установить такие свойства правовых норм, которые возникают при взаимодействии отдельных элементов единого целого — системы российского высшего образования в сфере охраны окружающей среды.

Результаты исследования. Развитие в России эколого-правового (профессионального) образования берет свое начало в 70-е годы XX века, когда в СССР начались дискуссии о появлении новой отрасли (подотрасли) права — экологического права, а в ведущих юридических вузах и факультетах началось преподавание учебной дисциплины «Правовая охрана природы». С тех пор можно констатировать многочисленные достижения российских вузов, например, в части методики преподавания эколого-правовых дисциплин на уровнях бакалавриата и магистратуры. Вместе с тем, проблема развития экологического образования (и его составной

части — эколого-правового образования) вышла за рамки отдельных методических или организационных проблем и приобрела комплексный характер. Повышение качества и эффективности экологического образования юристов также нуждается в скоординированных мерах. На наш взгляд, появилась необходимость в определении и решении нижеуказанных проблем, требующих комплексного подхода.

1. Проблема правового регулирования экологического образования в РФ. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 № 273-ФЗ[1] выделяет следующие виды образования: общее образование, профессиональное образование, дополнительное образование (детей и взрослых, а также дополнительное профессиональное образование) и профессиональное обучение (ст. 10). По замыслу законодателя, эти виды образования должны обеспечить гражданам страны возможность реализации своего права на образование в течение всей жизни (непрерывное образование) в целях формирования экологической культуры и профессиональной подготовки специалистов в области охраны природы, всеобщего и комплексного экологического образования через общее, среднее профессиональное, высшее и дополнительное профессиональное образование специалистов, что соответствует ст. 71 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»[2]. Таким образом, из общего перечня видов образования законодатель по какой-то причине исключил профессиональное обучение, а также дополнительное образование детей и взрослых, что, на наш взгляд, противоречит указанию в той же статье закона на «всеобщность» экологического образования. В части дополнительного профессионального образования Федеральный закон от 10 января 2002 г. «Об охране окружающей среды» содержит специальную ст. 73, согласно которой «руководители организаций и специалисты, ответственные за принятие решений при осуществлении хозяйственной и иной деятельности, которая оказывает или может оказать негативное воздействие на окружающую среду, должны иметь подготовку в области охраны окружающей среды и экологической безопасности». Специальные статьи о необходимости экологического образования в Федеральном законе «Об охране окружающей среды», как считают исследователи, носят декларативный характер. В этих статьях «не конкретизируются конкретные субъекты реализации данных требований, механизмы реализации нормы права, не содержится указание на обязательное включение данных положений в Федеральные государственные образовательные стандарты» [1, с. 557]. Понимая недостаточность подобного декларативного подхода и имеющейся правовой базы экологического образования, федеральный законодатель неоднократно предпринимал попытки разработать проект федерального закона об экологическом образовании, но все эти попытки до сих пор не были реализованы.

В ситуации наличия пробелов на федеральном уровне, свой вклад в решение данной проблемы попытались внести субъекты РФ. Современной правовой базой для их опережающего нормотворчества является п. 3 ст. 3 Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»[3]. Согласно указанной статье, субъекты РФ вправе осуществлять собственное правовое регулирование по предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов до принятия федеральных законов. После принятия соответствующего федерального закона нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации подлежат приведению в соответствие с данным федеральным законом в течение трех месяцев после дня его официального опубликования.

[1] Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 29.12.2022). URL: https://base.garant.ru/70291362/ (дата обращения: 06.02.2023).
[2] Об охране окружающей среды : Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 14.07.2022). URL: https://base.garant.ru/12125350/ (дата обращения: 06.02.2023).
[3] Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации : Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ (ред. от 28.12.2022). URL: https://base.garant.ru/403266160/ (дата обращения: 06.02.2023).

В этом смысле вполне типичным является Закон Волгоградской области от 15 мая 2003 г. № 825-ОД «Об экологическом образовании Волгоградской области»[4]. Этот закон содержит много интересных терминов — «экологическое образование», «экологическое сознание» и другие, хотя содержание некоторых терминов не уточняется (например, непонятно, что такое «экологическая пропаганда» из ст. 5 Закона, и чем она отличается от понятия «экологическое просвещение»). С другой стороны, все статьи Закона посвящены неким рамочным условиям и пожеланиям по развитию экологического образования, в них нет конкретики, и потому их непосредственное применение невозможно. Схожая ситуация и во многих других законах субъектов РФ. Из этого следует, что решение проблемы должно состоять либо в принятии федерального закона об экологическом образовании, либо в коренном пересмотре концепции таких региональных законов.

2. Проблема организации эффективной системы экологического образования. Рассмотрим российский и зарубежный опыт, связанный с организационными аспектами экологического образования. Так, в некоторых регионах РФ были предприняты попытки создания межведомственного координационного органа — Совета по экологическому образованию и просвещению населения (Кемеровская область). В других регионах предпринимались попытки организовать молодежное экологическое движение, для чего был создан региональный Центр экологического воспитания и образования (со статусом общественной организации). На уровне муниципалитетов (г. Новороссийск) были попытки сформировать реестр ресурсов для осуществления непрерывного экологического образования [2].

В Республике Узбекистан также был создан специальный Координационный совет, который занимается реализацией специальной экологической программы для формирования у подрастающего поколения и специалистов экологического мировоззрения и мышления. Данная программа имеет сквозной характер и «охватывает практически все возрастные и образовательные группы, начиная с дошкольного образования и завершая послевузовским. Программа составлена на основе системного подхода, который обеспечивает комплексно-структурное решение возникающих в ходе учебного процесса вопросов, а также творческое использование в курсе экологии научных идей термодинамики, социологии, а также возможности информатики, кибернетики и ряда других дисциплин. Представленные в программе вопросы полностью соответствуют Концепции Республики Узбекистан по развитию экологического образования [3].

Создание специальных координационных органов по управлению экологическим образованием остается уязвимым для критики, несмотря на привлекательность функционирования таких органов. Помимо экологического образования есть и другие виды, не менее значимые для государственной образовательной системы — математический, спортивный и др. Создание под каждый вид образовательной деятельности координационных органов власти сделает управление системой образования весьма громоздким, а потому менее эффективным. Разработка общих правил координации учебных планов и образовательных программ экологического образования для различных уровней образования в условиях развития системы самоорганизации образовательных учреждений представляется оптимальной и более гибкой для процесса управления экологическим образованием.

3. Мировоззренческий аспект повышения эффективности экологического (в том числе эколого-правового) профессионального образования. Формирование у граждан экологического мировоззрения основывается на понимании необходимости сохранения оптимальной для жизни человека среды обитания [4]. Однако при

[4] Об экологическом образовании Волгоградской области : Закон Волгоградской области от 15.05.2003 № 825-ОД (ред. от 25.11.2013). URL: https://docs.cntd.ru/document/802011484 (дата обращения: 06.02.2023).

преподавании эколого-правовых дисциплин на бакалавриате и в магистратуре основной упор делается на узко-правовых аспектах охраны природы, что имеет как свои плюсы, так и минусы. К числу последних относится то, что проблемы охраны природы носят комплексный характер, и чтобы полноценно разбираться в их содержании, необходимо понимать не только содержание отдельных правовых норм, но и более общие (рамочные) причины и последствия современного экологического кризиса. Как справедливо отмечалось в научной литературе, одной из проблем образования «является факт отсутствия экологической специализации, а ведь практикующие юристы работают на производстве со сложным циклом или защищают экологические права граждан, нарушенные в ходе производственного цикла предприятий. Без специальных знаний здесь юристу не обойтись, особенно в неоднозначных условиях промышленно-аграрных комплексов» [5, с. 44].

В ходе преподавания эколого-правовых дисциплин, как минимум, в магистратуре, необходимо давать студенту-юристу общие знания в области экономики, биологии и ряда других смежных областей знаний. Например, юрист-эколог должен не просто знать о существовании экологического нормирования, но и понимать, чем обусловлены те или иные параметры негативного воздействия, какое вредное воздействие на здоровье человека и других живых существ оказывает превышение нормативов ПДК[5] в конкретном городе. В свою очередь, на бакалавриате и в магистратуре по биологии и другим дисциплинам необходим более подробный анализ правовых норм, регламентирующих вопросы охраны природы. Решение этой задачи в курсе «правоведения» будет затруднительным. В этом смысле следует заметить, что в юридических вузах и на факультетах наряду с базовым предметом «Экологическое право» на бакалавриате читается еще и дисциплина «Обеспечение экологической безопасности». Однако в большинстве вузов такой спецкурс всего лишь уточняет отдельные правовые аспекты базового курса, хотя важно было бы показать междисциплинарные связи юриспруденции с другими не юридическими дисциплинами.

Не менее важную роль в формировании комплексного экологического мировоззрения студентов-юристов могло бы сыграть знакомство с философскими концепциями взаимоотношений общества и природы. Право, как известно, отображает происходящие в обществе экономические, политические, социальные, экологические и иные процессы, и обсуждение философских концепций будущими юристами поможет им понять взаимовлияние философии и права. Рассмотрим взаимодействие философии и права в вопросах экологии на нескольких примерах.

Уже много лет все мы наблюдаем борьбу двух глобальных философских концепций: концепции потребительского отношения к природе («концепция антропоцентризма»), и концепции экоцентризма. Потребительское отношение общества к природе и ее ресурсам столетиями было господствующим не только в государствах с рыночной экономикой, но и в странах с плановым хозяйством. Суть концепции потребительского отношения к природе заключается в том, что природа воспринимается как кладовая, из которой должны извлекаться ресурсы для развития материального производства и создания богатства общества. Наиболее ярко и образно эту концепцию выразил главный герой романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» (1862): «Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник»[6]. Закономерным результатом потребительского отношения к природе является ее истощение и деградация, что соответствующим образом отражается на жизни и здоровье человека и общества.

---

[5] См.: Об утверждении гигиенических нормативов ГН 2.1.6.3492-17 «Предельно допустимые концентрации (ПДК) загрязняющих веществ в атмосферном воздухе городских и сельских поселений : Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 22.12.2017 № 165. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71750374/ (дата обращения: 06.02.2023).

[6] Тургенев И. С. Отцы и дети. URL: https://ilibrary.ru/text/96/p.1/index.html (дата обращения: 14.10.2022).

Противоположная «концепция экоцентризма» предполагает максимальный учет интересов как природы в целом, так и отдельных природных объектов, сокращение негативного воздействия человека на экосистемы. Типичным проявлением такого подхода является учет при законодательном регулировании системы нормативов выбросов и сбросов не только возможностей человека сохранять жизнь и здоровье при определенном уровне загрязнения, но и интересы других живых организмов, у которых другой порог восприятия загрязнения, и которые могут погибнуть, хотя человек при таком уровне загрязнения будет чувствовать себя вполне комфортно. Данный подход предполагает рост природоохранных издержек предприятий, увеличение расходов государства и хозяйствующих субъектов на охрану окружающей среды, и поэтому имеет очень много противников. Разделяя идеи сторонников этой концепции, заметим, что любую, даже самую правильную идею при желании можно довести до абсурда. Типичным примером этого является Доклад Генерального секретаря ООН от 19 августа 2010 г. «В гармонии с природой»[7]. Его центральная мысль состоит в том, что права человека зависят от прав Природы, а потому обсуждается необходимость закрепления субъективных прав за природой в целом или отдельными природными объектами (реками, лесами и т.д.). Разумеется, с позиций российской правовой системы такие предложения выглядят абсурдно. Тем не менее, сама по себе концепция уменьшения эгоизма человечества и учет интересов других живых существ является правильной.

На наш взгляд, невозможно за короткий промежуток времени перейти на какие-то новые природоохранные стандарты, уменьшающие давление человечества на природу. Это парализует промышленность и обрушит мировую экономику. Поэтому уменьшать негативное воздействие деятельности человека на природу необходимо постепенно. Обсуждение этого вопроса обычно вызывает оживленные дискуссии на семинарах по экологическому праву и порождает вопрос о том, какие философско-правовые концепции предлагают поиск необходимого баланса интересов. Некоторые из них будут рассмотрены далее.

1) Концепция устойчивого развития [6]. Под устойчивым понимается такое поступательное развитие государства и общества, при котором обеспечивается баланс экономических, экологических и социальных потребностей всех частных и публичных субъектов в интересах настоящего и будущего поколений. Общее определение «устойчивости» отражает идею согласования потребления человеком со способностью экологических систем обеспечивать в течение длительного периода времени качество таких природных ресурсов, как воздух, почва или вода, от которых зависит производство. «Для достижения устойчивого развития и повышения качества жизни для всех людей государства должны сократить или ликвидировать неустойчивые модели производства и потребления» [7, с. 291–292]. При рассмотрении этой концепции необходимо подчеркнуть наличие тесной взаимосвязи между концепциями устойчивого развития и экологической безопасности. Так, концепция экологической безопасности предполагает не только обеспечение доступа людей к природным ресурсам, но и уменьшение уязвимости общества от изменений в окружающей среде. Это обстоятельство привело к появлению концепции «устойчивой безопасности». Некоторые авторы обосновывают вывод о том, что устойчивая безопасность должна быть менее антропоцентричной (то есть относящейся только к человеку), и потому делают акцент на важности сохранения нетронутой окружающей среды, а не рассматривают ее как набор определенных рисков. Область безопасности, объясненная таким образом, облегчает критическую интеграцию национальной и экологической безопасности, содействует поиску баланса интересов общества, экономики и природы, что является главным для обеспечения устойчивого развития [8].

---

[7] Доклад Генерального секретаря ООН «В гармонии с природой» от 19.08.2010. URL: https://www.un.org/esa/dsd/resources/res_pdfs/res_ga65_unedited/314N1048959-Russian.pdf (дата обращения: 06.02.2023).

2) Концепция циркулярной экономики. Данная концепция появилась в 2010 году, и ее наиболее известным представителем является английский профессор Кен Вебстер [9]. Представители данной концепции различают две экономических модели — линейную экономику, которая влечет массовое производство, потребление и размещение отходов, и экономику замкнутого цикла, в рамках которой количество образуемых отходов стремится к нулю. Циркулярная экономика — это следующий шаг в развитии существующего подхода к раздельному сбору отходов. Реализация данной концепции идет с разной степенью успешности в развитых странах. Например, в Швеции полностью перерабатывается 99% коммунальных отходов, которые закупаются и в соседних странах — Норвегии, Англии — для обеспечения сырьем своих мусороперерабатывающих заводов. Однако полноценная реализация данной концепции в России и многих других странах мира затрудняется по следующим причинам:

– экономическими (для перехода на стандарты циркулярной экономики требуются значительные государственные и частные инвестиции и налоговые льготы);

– правовыми (отсутствием адекватного законодательства об отходах);

– культурными (низким уровнем эколого-правовой культуры российских граждан);

– отсутствием политической воли.

3) Концепция изменения климата. Проблема изменения климата связана с увеличением показателей среднегодовых температур, что влечет комплекс экономических, политических, социальных и иных последствий. В числе экономических — засухи, торнадо и другие неблагоприятные погодные явления, возникающие там, где их никогда раньше не было. Горят леса, гибнут представители животного мира, которые не могут выжить в новых условиях. Из-за повышения среднегодовых температур поднимается уровень Мирового океана, и многие острова уходят под воду. Их жители становятся «экологическими беженцами». Изменение среднегодовых температур влечет рост смертности людей от болезней, а также изменение мест обитания ряда насекомых — разносчиков болезней. Глобальные изменения климата ставят перед человечеством две основных стратегии выживания: стратегию адаптации к изменениям климата и стратегию смягчения таких последствий. Смягчение последствий изменения климата устраняет причины, в то время как адаптация к изменению климата устраняет последствия этого явления. В последние годы большая часть мировых инвестиций была ориентирована на меры по смягчению последствий. Последние данные ООН показывают, что финансирование смягчения последствий составляет более 70% государственного финансирования борьбы с изменением климата в развивающихся странах. Меры по смягчению последствий часто связаны с частными инвестициями в возобновляемые источники энергии и энергоэффективность. Более того, финансирование адаптации в последнее время связано с грантами, в основном одобренными Климатическими фондами и иными международными финансовыми учреждениями [10]. Россия является участником международного сотрудничества в области охраны климата. В 2015 году подписано Парижское соглашение по климату, принят ряд подзаконных актов, направленных на реализацию взятых международных обязательств. Но в главном природоохранном законе — Федеральном законе «Об охране окружающей среды» климат как объект правовой охраны не упоминается.

4) Концепция «зеленой» экономики. Сторонники этой концепции противопоставляют сегодняшнюю «коричневую» экономику, уничтожающую природу, и «зеленую» экономику будущего. Общепризнанное определение «зеленой» экономики еще предстоит выработать, но ее главные идеи включают ресурсоэффективность, смягчающую экологические последствия экономического роста, и концепцию роста производства с меньшими экологическими последствиями [11].

Под «зеленой» экономикой следует понимать экономическую модель, основанную на сокращении

использования углеводородов и выбросов CO_2, развитии возобновляемых источников энергии, на производстве органической (экологически чистой) агарной продукции, росте природоохранных инвестиций, увеличении биоразнообразия и экосистемных услуг. При обсуждении этой концепции часто возникают два вопроса. Во-первых, какие параметры «зеленой» экономики нормативно закреплены в российских правовых актах (на этот счет в экологическом законодательстве нет определенности). Во-вторых, как соотносятся концепция устойчивого развития и концепция «зеленой» экономики? Ответ на последний вопрос, на наш взгляд, состоит в том, что концепция «зеленой» экономики предполагает экологизацию одного только экономического сектора, в то время, как концепция устойчивого развития носит более сложный и многоаспектный характер, предполагающий поиск баланса трех групп интересов — экономических, экологических и социальных. Таким образом, идея «зеленой» экономики является составной частью (элементом) более сложной задачи устойчивого развития.

Итоги обсуждения различных философских концепций взаимодействия общества и природы в рамках первого (вводного) семинарского занятия со студентами по экологическому праву приводит будущих юристов к выводу о том, что концепция экоцентризма реализуется с разной скоростью в отдельных странах мира, в том числе и в Российской Федерации.

4. Региональный аспект правовой охраны окружающей среды. Студенты — будущие юристы недостаточно хорошо знают специфику региона, его экологические проблемы, состояние экологического законодательства конкретного субъекта РФ. Это требует внесения изменений в учебные планы с усилением акцента на региональной специфике. На это обращают внимание многие ученые-исследователи, отмечая, что в результате «наших социологических исследований выявлено: состояние окружающей среды в условиях проживания — лучший пример и средство формирования у студентов понимания существа экологических проблем и положительного отношения к окружающей среде» [12, с. 15].

Одним из способов улучшить знакомство студентов с экологической спецификой субъекта РФ и региональным законодательством является отсылка преподавателя к материалам ежегодного государственного доклада о состоянии окружающей среды конкретного субъекта РФ. Например, в последнем Докладе о состоянии окружающей среды в Волгоградской области отражены не только основные природоохранные мероприятия, реализованные в 2021 году на территории региона, но и прослеживается их влияние на экологическую ситуацию в целом и на отдельные компоненты окружающей среды.

5. Цифровизация эколого-правового образования. В условиях нескольких волн COVID-19 многие ученые пришли к выводу о том, что преподавание и обучение в высших учебных заведениях по всему миру, возможно, придется все чаще продолжать в онлайн-формате.

Онлайн-обучение в вузе — это реальность, которую необходимо поддерживать, развивать и расширять. Также необходимо адаптировать и принять гибридный подход к обучению, который усиливает педагогику, ориентированную на студента. И хотя онлайн-обучение появилось как необходимая мера в период пандемии, но повышение качества онлайн-обучения остается актуальным. Достижение позитивного результата в этом вопросе будет невозможным без тщательного анализа реальной ситуации, связанной с подготовкой, возможностями, а также компетенциями субъектов образовательного процесса, надлежащего и вдумчивого планирования и внедрения онлайн-преподавания и развития системы оценочных средств. Все эти элементы очень важны для обеспечения эффективного обучения с использованием онлайн-платформ. Следовательно, любые связанные с этим решения не должны носить разовый характер и/или затрагивать лишь несколько второстепенных аспектов проблемы. В идеале они должны основываться на политике государственного уровня (или, по крайней мере, отдельного региона), чтобы продемонстрировать серьезность рассматриваемых проблем, а также

сосредоточиться на обеспечении эффективного обучения после пандемии [13].

Важность развития онлайн образования применительно к эколого-правовым дисциплинам состоит еще и в том, что в отличие от других научных юридических областей, эколого-правовая наука является «вымирающей» по ряду объективных и субъективных причин. Не пытаясь дать им всестороннюю оценку, заметим, что в сложившейся ситуации возрастает актуальность сетевого взаимодействия научных школ и центров, расположенных в разных регионах, и осуществляющих разработку различных оригинальных эколого-правовых учебных курсов. На развитие цифровизации образования ориентирует и Постановление Правительства РФ от 16 ноября 2020 г. № 1836 «О государственной информационной системе «Современная цифровая образовательная среда»[8], согласно которому данный информационный ресурс должен обеспечить доступ по принципу «одного окна» к онлайн-курсам, реализуемым различными образовательными платформами. Другим не менее важным, но уже методическим аспектом цифровизации образования, является разработка обучающих компьютерных игр по экологическому праву. Сегодня уже существует интересный опыт применения обучающих компьютерных игр в сфере изучения иностранных языков, информатики, математики и некоторых других дисциплин. Этот опыт представляет интерес и в технической части, и в части решения дидактических задач [14]. Из всех существующих на сегодняшний день жанров обучающих компьютерных игр представляется наиболее перспективным использование квеста. Одна из первых таких игр по праву («Защитник леса») в настоящий момент находится у нас в разработке (игровой движок Unreal Engine 5). Массовая разработка такой модификации игр по праву (например, с помощью грантов) позволит повысить эффективность проведения практических занятий, поскольку предполагает большую вовлеченность студентов в суть происходящих правовых явлений и процессов, придает им большую динамику и эффективность, особенно в условиях дистанционного обучения. Еще более предпочтительным является использование таких игр для принятия зачетов.

Внедрение обучающих компьютерных игр по экологическому праву в учебный процесс нарушит монотонность учебного процесса, уменьшит усталость от однообразных форм занятий, обеспечит реализацию творческого потенциала преподавателей и студентов.

6. Содержательный аспект преподавания эколого-правовых дисциплин. Современный механизм преподавания эколого-правовых дисциплин не предполагает акцента на рассмотрении глобальных угроз XXI в., связанных с изменением климата, угрозой био- и нанотехнологий, проблем противодействия экологическому терроризму и т.д. Это требует корректировки учебных планов по дисциплинам бакалавриата и магистратуры, включения в них новых разделов.

Обсуждение и заключения. Обобщен накопленный мировым сообществом позитивный опыт правовых основ природосбережения и высказаны предложения об его использовании в России.

Несмотря на ряд достижений в организации преподавания эколого-правовых дисциплин на юридических факультетах, ряд вопросов требует дальнейшего обсуждения и решения. В их числе — совершенствование правовой базы экологического образования, решение ряда организационных вопросов, проведение работы по формированию экологического мировоззрения студентов за счет расширения изучения философских концепций по взаимодействию общества и природы, развитие регионального компонента эколого-правового образования, принятие мер по дальнейшему развитию цифровизации юридического образования и корректировке учебных планов и программ. Указанные меры позволят сделать еще один шаг в достижении целей устойчивого развития,

[8] О государственной информационной системе «Современная цифровая образовательная среда» : Постановление Правительства РФ от 16.11.2020 № 1836. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74822854/ (дата обращения: 06.02.2023).

предполагающих формирование более высокого уровня эколого-правовой культуры, адекватного современным угрозам в сфере обеспечения экологической безопасности России.

Список литературы

1. Зотова, А. В. Развитие экологической культуры через законодательное закрепление экологического образования / А. В. Зотова // Бизнес, менеджмент и право: DIGITAL REALITY : сб. тр. конф. — Екатеринбург, 2021. — С. 555–560.

2. Педагогика и психология как науки формирования потенциала современного общества : моногр. / гл. ред. Ж. В. Мурзина. — Чебоксары, 2022. — 172 с.

3. Мурадов, Ш. О. Современная программа непрерывного экологического образования (с основами охраны природы) / Ш. О. Мурадов, Д. И. Киличева // Просвещение и познание. — 2022. — № 3. — С. 61–68.

4. Котова, Е. В. Выбор профессии в контексте концепции «sustainable development» / Е. В. Котова, А. С. Безкоровайный // Мир науки. Педагогика и психология. — 2020. —Т. 8, № 1. — С. 1–8.

5. Белоновская, И. Д. Перспективы экологической подготовки будущих юристов в непрерывном образовании и научно-исследовательской деятельности / И. Д. Белоновская, Е. М. Рузаева // Новые педагогические исследования. —2007. — № 4. — С. 42–47.

6. Пасенов, А. Н. Концепция устойчивого развития как фактор правовой модернизации России : автореф. дис. … канд. юрид. наук / А. Н. Пасенов. — Белгород, 2020. — 23 с.

7. Hornstein, D. T. Environmental Sustainability and Environmental Justice at the International Level: Traces of Tension and Traces of Synergy // Duke Environmental Law & Policy Forum. — 1999. — Vol. 9. — P. 292–303.

8. Mileski, T. Analyzing the Concept of Sustainable Development — Sustainable Security // Ecology & Safety. — 2015. — Vol. 9. — P. 355–361.

9. Webster, K. Missing the wood for the trees: systemic defects and the future of education for sustainable development // The Curriculum Journal. — 2013. — Vol. 24. — No. 2. — P. 295–315.

10. Madi, M. A. Scaling up Climate Finance in a Post-Pandemic World. URL: https://www.academia.edu/50651003/Scaling_up_Climate_Finance_in_a_Post_Pandemic_World (дата обращения: 14.10.2022).

11. Okereke, C. and Ehresman, T. International environmental justice and the quest for a green global economy: introduction to special issue // International Environmental Agreements: Politics, Law and Economics. — 2015. — Vol. 15 (1). — P. 5–11.

12. Попов, В. Непрерывное экологическое образование / В. Попов, В. Томаков // Высшее образование в России. — 2005. — № 7. — С. 14–17.

13. Kabilan, M. K., Annamalai, N. Online teaching during COVID-19 pandemic: A phenomenological study of university educators' experiences and challenges // Studies in Educational Evaluation. — 2022. — Vol. 74. — P. 1–11.

14. Clarke, S., Peel, D. J., Arnab, S., Morini, L., Keegan, H., Wood, O. A Framework for Creating Educational Escape Rooms and Interactive Games For Higher/Further Education // International Journal of Serious Games. — 2017. — Vol. 4. — Issue 3. — P. 73–86.

Поступила в редакцию 10.02.2023.

Поступила после рецензирования 20.02.2023.

Принята к публикации 20.02.2023.

Об авторах:

Анисимов Алексей Павлович, профессор кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины» Донского государственного технического университета (344003, РФ, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), доктор юридических наук, профессор, ScopusID, ORCID, anisimovap@mail.ru

Резванова Лариса Анатольевна, доцент кафедры «Коммерческое и предпринимательское право» Донского государственного технического университета (344003, РФ, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), кандидат юридических наук, доцент, ORCID, lrezvanova1@yandex.ru

Заявленный вклад соавторов:

А. П. Анисимов — формирование основной концепции, цели и задач исследования, подготовка текста, формирование выводов. Л. А. Резванова — анализ результатов исследований, доработка текста, корректировка выводов.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

УДК 342.1

https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-1-43-56

Научная статья

Политико-правовое обеспечение военной безопасности Российской Федерации

С. И. Кузина[1, 2], **И. Г. Сагирян**[1]

[1] Донской государственный технический университет, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1

[2] Южно-Российский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70

✉ svivk@yandex.ru

Аннотация

Введение. Для всей мировой системы государств в настоящее время сложилась угрожающая военно-политическая ситуация, представляющая глобальную опасность. Сдержать нарастающую угрозу можно только качественно новыми средствами, дополняя дипломатические меры. Обеспечение военной безопасности Российской Федерации должно осуществляться на основе достижения цели совершенствования военной системы с использованием различных методов государственного управления, в частности — правовых методов. Российская Федерация обеспечивает военную безопасность государства правовыми нормами, однако ход специальной военной операции, начавшейся 24 февраля 2022 года, показал, что требуется корректировка военной политики и правового регулирования военной сферы. В целях повышения эффективности обеспечения военной безопасности страны необходима глубокая теоретическая проработка сущности и содержания военной безопасности. Цель данного исследования — выявить проблемные аспекты в системе политико-правового обеспечения военной безопасности Российской Федерации.

Материалы и методы. В статье проанализирована политико-правовая основа обеспечения военной безопасности России. В ходе исследования использовались общенаучные, а также специальные научные методы, в частности, методы когнитивного анализа сущности военной безопасности, анализ официальных правовых документов, юридически закрепляющих категориальный аппарат исследуемого объекта — военной безопасности, социологический метод исследования общественного мнения на тему военной безопасности и другие.

Результаты исследования. Доказано, что уровень поддержки населением военной защиты суверенитета и территории России высок. Военная политика России нуждается в усилении правовой, материальной и идеологической составляющей. Предложены меры по совершенствованию военной политики в соответствии с общественным запросом россиян.

Обсуждение и заключения. Выявлены проблемы политико-правового обеспечения военной безопасности Российской Федерации. Задачи военной политики в области обеспечения военной безопасности как составляющей национальной безопасности России по предотвращению распространения потенциальных конфликтов решаются в процессе укрепления правовой основы союзнических отношений с государствами-соседями, а также усиления ресурсной и идеологической составляющей системы военной безопасности.

Ключевые слова: военная безопасность, национальная безопасность, военная политика России, правовое регулирование военной сферы.

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензенту, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Кузина, С. И. Политико-правовое обеспечение военной безопасности Российской Федерации / С. И. Кузина, И. Г. Сагирян // Правовой порядок и правовые ценности. — 2023. — Т. 1, № 1. — С. 43–56. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-1-43-56

Original article

Political and Legal Provision of the Russian Federation Military Security

Svetlana I. Kuzina[1, 2], **Inga G. Sagiryan**[1]

[1] Don State Technical University, 1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, Russian Federation

[2] South-Russian Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 70, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ svivk@yandex.ru

Abstract

Introduction. The International System of States is currently facing a threatening political and military situation of a global danger. It is possible to restrain the growing threat only by using the qualitatively new methods, which complement to the diplomatic measures. The Russian Federation military security must be ensured by reaching the goal of military system improvement using various state administration methods, including the legal ones. The Russian Federation provides the state military security by means of the legal rules, however in the course of the Special Military Operation started on February 24, 2022 it has become evident that adjustment of the military policy and the legal regulation in the military sphere is required. To increase the efficiency of the national military security provision, the deep theoretical research into the essence and content of the military security is necessary. The aim of this research is to identify the challenging aspects in the system of political and legal provision of the Russian Federation military security.

Materials and Methods. The article analyses the political and legal basis for ensuring the military security of Russia. In the process of the study, the general scientific as well as special scientific methods were used, i.e. the cognitive analysis methods for studying the essence of the military security, the official legal documents analysis providing juridical definition of the categories framework of the military security as the object under research, sociological method of surveying the public opinion on the topic of military security and other methods.

Results. It has been proved that the level of support among population of the military defense of Russia's sovereignty and territory is high. The legal, material and ideological components of the Russian military policy need to be strengthened. Measures to improve the military policy in compliance with the public demand of the Russian citizens are proposed.
Discussion and Conclusions. The problems of political and legal provision of the Russian Federation military security have been identified. The military policy goals on provision of the military security in the frame of the Russian national security for prevention of potential conflicts expansion are being solved in the process of strengthening the legal basis for the allied relations with the neighboring states, as well as strengthening the resource and ideological components of the military security system.

Keywords: military security, national security, Russian military policy, legal regulation in the military sphere.

Acknowledgements. The authors express their gratitude to reviewer, whose critical assessment of the materials and suggestions for their improvement have considerably fostered the article's quality enhancement.

For citation. S. I. Kuzina, I. G. Sagiryan. Political and Legal Provision of the Russian Federation Military Security. Legal Order and Legal Values, 2023, vol. 1, no 1, pp.43–56. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-1-43-56

Введение. Военная безопасность как одно из актуальных направлений стратегии обеспечения национальной безопасности государства является предметом изучения как общественных, так и естественных наук. К общественным наукам как к смежным наукам, также изучающим область военной безопасности государства с точки зрения ее политико-правового значения и применяемой методологии, относят политологию, социологию, историю, теорию безопасности, юриспруденцию и др. Категориальный аппарат для теоретического анализа национальной безопасности предоставляют и военно-специальные науки. Значение принимаемых государственными органами власти стратегических решений по обеспечению национальной безопасности страны в настоящее время определяет укрепление ее военной составляющей. Цель исследования — выявить проблемные аспекты в системе политико-правового обеспечения военной безопасности Российской Федерации.

В систему механизмов укрепления военной безопасности входят: государственное управление системой обороноспособности страны, внешнеполитические отношения с другими странами. Важным параметром обеспечения военной безопасности является аналитическая деятельность по выявлению внутренних и внешних угроз национальной безопасности в оборонной сфере. К системе реагирования на угрозы и их парирование относятся не только материально-технические, научно-технические мероприятия, но и политико-правовые, морально-психологические меры предупреждения и отражения атак противника. Для их реализации необходима глубокая теоретическая проработка сущности и содержания военной безопасности, проблем, являющихся вызовами на пути повышения эффективности обеспечения военной безопасности, и разработка направлений обеспечения военной безопасности как части системы национальной безопасности российского государства.

Безусловно, военная безопасность обеспечивается системой государственного и военного управления, поэтому теоретическая и практическая составляющие данной деятельности находятся в тесной взаимосвязи. Военная безопасность во все исторические времена имела решающее значение для обеспечения суверенитета и сохранения любых государственных образований, но в настоящее время данная функция государства подкрепляется выделением ее информационного сопровождения, научного осмысления и обоснования. Этот аргумент становится важной составляющей процесса разработки теории военной безопасности и вклада в нее

правовой науки.

В действующей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 02.07.2021 в Разделе IV «Обеспечение национальной безопасности» в числе национальных приоритетов, подлежащих защите, в части «Оборона страны» военная безопасность представлена пунктами 38 и 39:

«38. Для подготовки к вооруженной защите и вооруженной защиты Российской Федерации, целостности и неприкосновенности ее территории организуется оборона страны.

39. Целями обороны страны являются создание условий для мирного социально-экономического развития Российской Федерации и обеспечение ее военной безопасности»[1]. Стратегия обеспечения военной безопасности России в настоящее время становится одной из важнейших приоритетов государственной политики.

Основы военной науки, отраслевые военные знания, военно-специальные науки составляют базис теории военной безопасности. В эти основы также входят теория вооружения и развития средств вооруженной борьбы, военно-техническая политика, компьютерные технологии в военном деле, военная педагогика, военная психология, военное право, военная история и многие другие. Но обеспечение национальной безопасности и ее составляющей — военной безопасности — является сложным, многоплановым процессом, требующим комплексного подхода.

Создание законодательной базы обеспечения военной безопасности России представляет собой сложный и трудозатратный процесс. От того, насколько полно будет проработано законодательство в области военной безопасности, зависит эффективность структур системы обеспечения в данном виде национальной безопасности. Не менее важное значение имеют механизмы реализации принятого законодательства, согласование деятельности государственных и иных органов, организаций всех видов собственности. Государство обеспечивает национальную безопасность совокупностью всех ресурсов — природных, человеческих, духовно-нравственным потенциалом общества, военной силой и пр.

Российское законодательство, регулирующее отношения в военной сфере, имеет три уровня: федеральные конституционные и федеральные законы, указы Президента РФ и акты Правительства РФ, подзаконные и ведомственные нормативные акты. Возможно, необходим кодифицированный акт как основополагающий документ в сфере военной безопасности, принятие которого позволит устранить имеющиеся нестыковки актов различных ведомств, касающихся военной сферы, о чем говорит ряд экспертов [1, 2]. К сожалению, предлагаемый и разработанный Федеральный закон «О вооруженных силах Российской Федерации» так и остался на проектной стадии[2].

Обеспечение военной безопасности Российской Федерации должно осуществляться на основе достижения цели совершенствования военной системы, военной организации для эффективного отражения угроз и ответа на вызовы современного мира. Критерием военной безопасности является строительство такой военной сферы, которая могла бы обеспечить обороноспособность России. Основным элементом системы обеспечения военной безопасности являются Вооруженные Силы России, в которые входит вся совокупность войск, находящихся на службе государства. Вооруженные силы выполняют внутренние и внешние функции: внутренние — это сохранение существующей общественно-политической системы, территориальной целостности, суверенитета, воспитание у молодежи готовности защищать свою Родину и др. Внешние — это сохранение границ государства

[1] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400. URL: https://base.garant.ru/401425792/ (дата обращения: 20.12.2022).
[2] О Вооруженных Силах Российской Федерации : Проект № 392028-3 Федерального закона. URL: https://docs.cntd.ru/document/901887089 (дата обращения: 12.09.2022).

неприкосновенными, отражение внешней агрессии, помощь союзническим государствам и пр.

Военной политике посвящены как отечественные, так и зарубежные исследования. Теоретический вклад в современную военную науку внесли российские ученые С. М. Аминов, М. С. Барабанов, Е. И. Жук, А. И. Карпов, А. И. Омелькин, А. И. Поздняков, В. И. Шерпаев [3–8] и другие. О военной безопасности писали В. К. Белозеров, О. А. Бельков, А. И. Владимиров, И. С. Даниленко и В. А. Двуреченских, И. Б. Кардашова, О. М. Михайленок [9–14] и другие. Вопросы военной безопасности исследовали зарубежные политики и ученые, такие как З. Бжезинский, Г. Киссинджер, Б. Клинтон, Р. Макнамара [15–18] и другие.

Материалы и методы. В исследовании использованы методы когнитивного анализа сущности военной безопасности, анализ официальных правовых документов, юридически закрепляющих категориальный аппарат исследуемого объекта — военной безопасности, социологический метод исследования общественного мнения на тему военной безопасности и другие.

Представляется логичным рассмотреть нормативную базу, которую приняло государство для защиты своих интересов в военной сфере. Законодательную базу, регулирующую деятельность элементов системы обеспечения военной безопасности государства, и в целом национальной безопасности Российской Федерации, наряду с Конституцией РФ[3] составляют следующие нормативные правовые акты:

– Военная доктрина Российской Федерации от 25.12.2014[4] (далее — Военная доктрина РФ);

– Стратегия национальной безопасности Российской Федерации от 02.07.2021[5];

– Концепция внешней политики Российской Федерации от 30.11.2016[6];

– Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006[7];

– Федеральный закон «Об обороне» от 31.05.1996[8];

– Закон РФ «О государственной тайне» от 21.07.1993[9];

– Федеральный закон «О безопасности» от 28.12.2010[10];

– Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» от 28.03.1998[11];

– Закон РФ «О Государственной границе Российской Федерации» от 01.04.1993[12] и другие.

В перечисленных документах зафиксированы также основные принципы и направления военной политики Российской Федерации. Согласно Военной доктрине РФ, «военная политика — деятельность государства по организации и осуществлению обороны и обеспечению безопасности Российской Федерации, а также интересов

[3] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 20.08.2022).

[4] Военная доктрина Российской Федерации : утв. Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172989/ (дата обращения: 20.08.2022).

[5] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400. URL: https://base.garant.ru/401425792/ (дата обращения: 20.08.2022).

[6] Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации : Указ Президента РФ от 30.11.2016 № 640. URL: https://base.garant.ru/71552062/ (дата обращения: 20.08.2022).

[7] Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 14.07.2022). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 20.08.2022).

[8] Об обороне: Федеральный закон от 31.05.1996 № 61-ФЗ (ред. от 04.11.2022). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10591/ (дата обращения: 20.11.2022).

[9] О государственной тайне : Закон РФ от 21.07.1993 № 5485-1 (ред. от 10.11.2002). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2481/ (дата обращения: 20.08.2022).

[10] О безопасности : Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 09.11.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/ (дата обращения: 20.08.2022).

[11] О воинской обязанности и военной службе : Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ (ред. от 14.07.2022). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18260/ (дата обращения: 20.08.2022).

[12] О Государственной границе Российской Федерации : Закон РФ от 01.04.1993 № 4730-1 (ред. от 30.12.2021) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3140/ (дата обращения: 20.08.2022).

ее союзников» (п. 8) [13].

Россия как субъект военной политики обладает достаточными реальными и потенциальными возможностями для защиты своих национальных интересов. Военная политика российского государства строится на основе анализа внешних и внутренних условий жизнедеятельности страны, работы социальных институтов, учета степени военной угрозы безопасности государства. Главными векторами государственной военной политики России, определяющими ее содержание и механизмы реализации, являются политические и экономические интересы нации, в том числе создание благоприятных экономических, культурных, научных и прочих отношений с другими странами, особенно с пограничными. А также установление такого мирового порядка, чтобы он действовал не по правилам одной страны (или военно-политического блока стран), даже с мощным военным потенциалом, а на основе взаимовыгодных и равноправных отношений с другими странами.

Военная политика включает в себя несколько составляющих. К основным, концептуальным элементам военной политики, определяющим ее стержневые принципы и стратегические цели, необходимо отнести Военную доктрину Российской Федерации.

Военно-политическая ситуация в мире меняется постоянно и с первого, поверхностного взгляда — непредсказуема. Между тем она затрагивает жизненно важные интересы народов государств, втянутых в военный конфликт, и всегда требует немедленного ответа путем принятия решительных мер реагирования и проведения военных действий в соответствии с военной политикой страны. В соответствии с Военной доктриной успешная военно-политическая деятельность России свидетельствует об эффективности доктринального документа.

Положения Военной доктрины РФ реализуются в практической деятельности через строительство военного потенциала страны во взаимосвязи с эффективной экономической и научно-технической политикой. На военную политику также влияют государственная демографическая, культурная, образовательная, идеологическая, социальная и другие отрасли политики властей всех уровней — от федеральной до местной.

В связи с осложнением военно-политической ситуации в последнее время в общественном дискурсе актуализировался вопрос об угрозе ядерной войны. По этому поводу необходимо процитировать п. 22 Военной доктрины РФ: «Российская Федерация оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против нее и(или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства.

Решение о применении ядерного оружия принимается Президентом Российской Федерации»[14].

В 2020 году вышел Указ Президента РФ «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания», где в п. 19 указаны условия применения российским государством ядерного оружия:

«а) поступление достоверной информации о старте баллистических ракет, атакующих территории Российской Федерации и(или) ее союзников;

б) применение противником ядерного оружия или других видов оружия массового поражения по территориям Российской Федерации и(или) ее союзников;

---

[13] Об обороне: Федеральный закон от 31.05.1996 № 61-ФЗ (ред. от 04.11.2022). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10591/ (дата обращения: 20.11.2022).

[14] Об обороне: Федеральный закон от 31.05.1996 № 61-ФЗ (ред. от 04.11.2022). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10591/ (дата обращения: 20.11.2022).

в) воздействие противника на критически важные государственные или военные объекты Российской Федерации, вывод из строя которых приведет к срыву ответных действий ядерных сил;

г) агрессия против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства»[15].

Данный Указ фиксирует, что Россия как ядерная держава провозглашает исключительно оборонительный характер применения ядерного оружия.

В мире сложилась угрожающая военно-политическая ситуация, несущая глобальную опасность для всей мировой системы государств. Сдержать нарастающую угрозу можно только качественно новыми средствами, дополняя дипломатические меры, которые в настоящее время показывают свою недостаточную эффективность. Международные документы об ограничении гонки вооружений, подписанные советским государством, стали игнорироваться некоторыми державами. Так, США в 2019 году в одностороннем порядке вышли из Договора о ракетах средней и меньшей дальности (ДРСМД), заключенного в 1987 г. между СССР и США и ограничивающего создание и распространение ракет с обычным и ядерным зарядом [24]. Такие факторы ставят перед руководством страны задачи создания принципиально новых подходов для решения возникающих военно-политических проблем.

Результаты исследования. Исследователи военной безопасности дают разные определения рассматриваемого термина. Так, по С. А. Вершилову, это «…состояние репрезентативной практики социума, регистрирующее его качественную жизнеспособность в границах устойчивого бытия, динамичного развития и продуктивного реагирования на предотвращение опасностей, вооружённого насилия, урона материальным и духовным ценностям мирными значениями, а также те обстоятельства, которые содействуют подобному» [19, с. 20].

Американо-швейцарский исследователь А. Уолферс считает безопасность отсутствием угроз интересам государства и страха перед этими угрозами [20]. И для обеспечения безопасности государства «…деятельность политиков, определяющих взаимоотношения своей страны с другими странами и действующих от лица государства, должна опираться на беспристрастную оценку национальных интересов…» [21, с. 348].

Военная безопасность — это умение государства защитить свои национальные интересы и предотвратить военную агрессию, считает Б. Бюзан [22].

И. К. Макаренко и В. С. Морозов дают определение военной опасности. Это «…состояние, характеризующееся существованием потенциальной возможности применения военной силы против государства для достижения политических и иных целей каким-либо субъектом военно-политических отношений» [23], и, соответственно, военная безопасность — это состояние защищенности государства от военной опасности. Стратегической целью военной безопасности авторы называют предотвращение, локализацию и нейтрализацию военных угроз, которые не допустят любое внешнее воздействие на Россию с целью ослабления ее положения в мировой системе государств, остановки развития страны, нанесение ущерба ее национальным интересам. При этом необходимо поддерживать политическое, международное и военно-стратегическое состояние страны на должном уровне. В военном терминологическом словаре дается следующее определение: «Безопасность военная (оборонная) — военная составляющая государственной безопасности, которая обеспечивается состоянием вооруженных сил и других институтов общества, поддерживающих оборонную мощь государства на

[15] Об Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания : Указ Президента Российской Федерации от 02.06.2020 № 355. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45562 (дата обращения: 20.09.2022).

необходимом (достаточном) уровне для установления благоприятных взаимоотношений с другими государствами и исключения конфронтации с использованием «аргумента силы». Гарантирует защищенность (способность к защите) жизненно важных интересов гражданина, общества, нации и государства от внутренних и внешних угроз применением военной силы или угрозой ее применения»[16].

Статья 8 Военной доктрины Российской Федерации содержит следующее толкование: «военная безопасность Российской Федерации — состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних военных угроз, связанных с применением военной силы или угрозой ее применения, характеризуемое отсутствием военной угрозы либо способностью ей противостоять»[17].

Существуют и другие определения военной безопасности как сформулированные в официальных документах, так и в научных трудах, но все они касаются государства и его национальной безопасности. Представляется, что наиболее расширенным является определение, данное в терминологическом словаре «Война и мир в терминах и определениях»[18].

Военная безопасность государства является важнейшей составляющей национальной безопасности и направлена на обеспечение защиты ресурсов государства (человеческих, природных, нравственных, исторических и др.) от внутренних и внешних угроз, агрессии, нанесения ущерба путем нанесения военного насилия со стороны других государств. Уровень военной безопасности определяется способностью государства, его Вооруженных сил противодействовать нанесению ущерба военными средствами, нейтрализовать военную угрозу, гарантированно ей противостоять.

Вооруженные силы, в том числе силовые структуры государства, являются главным фактором и гарантом обеспечения военной безопасности. Всероссийским центром общественного мнения (ВЦИОМ) 3 марта 2022 года проводился опрос по поводу отношения российских граждан к специальной военной операции (СВО) по демилитаризации и денацификации Украины[19]. Анализ результатов опроса показал, что 71% опрошенных россиян, т.е. подавляющее большинство поддерживают СВО, не поддерживает 21%, затруднились с ответом 8%[20]. Результаты опроса выявили преобладание духовно-нравственных начал в менталитете россиян над материальными благами, стремление к справедливому устройству мира, к защите своей родины. На вопрос о целях СВО респонденты назвали следующие цели: 40% из них — «Защитить Россию, разоружить Украину и не дать разместить военные базы НАТО на ее территории», 19% — «Изменить политический курс Украины, очистить ее от нацистов», 18% — «Защитить население Донбасса (ДНР и ЛНР)»[21].

[16] Война и мир в терминах и определениях / под ред. Д. Рогозина. М., 2004. С. 19.
[17] Военная доктрина Российской Федерации: утв. Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172989/ (дата обращения: 15.09.2022).
[18] Война и мир в терминах и определениях / под ред. Д. Рогозина. М., 2004. С. 19.
[19] 1600 опрошенных. В опросе приняли участие 1600 россиян в возрасте от 18 лет.
[20] Армия и общество на фоне Специальной военной операции / Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) // Сайт ВЦИОМ. Инициативный всероссийский опрос «ВЦИОМ-Спутник». URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/armija-i-obshchestvo-na-fone-specialnoi-voennoi-operacii (дата обращения: 01.10.2022).
[21] Армия и общество на фоне Специальной военной операции / Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) // Сайт ВЦИОМ. Инициативный всероссийский опрос «ВЦИОМ-Спутник». URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/armija-i-obshchestvo-na-fone-specialnoi-voennoi-operacii (дата обращения: 01.10.2022).

Левада-Центр[22] в ноябре 2022 года провел опрос общественного мнения[23] на тему «Российская армия»[24]. Один из вопросов был направлен на выяснение отношения к призыву на военную службу граждан России. Ответы даны в динамике за ряд лет, начиная с аналогичных опросов в 1997 году (рис. 1):

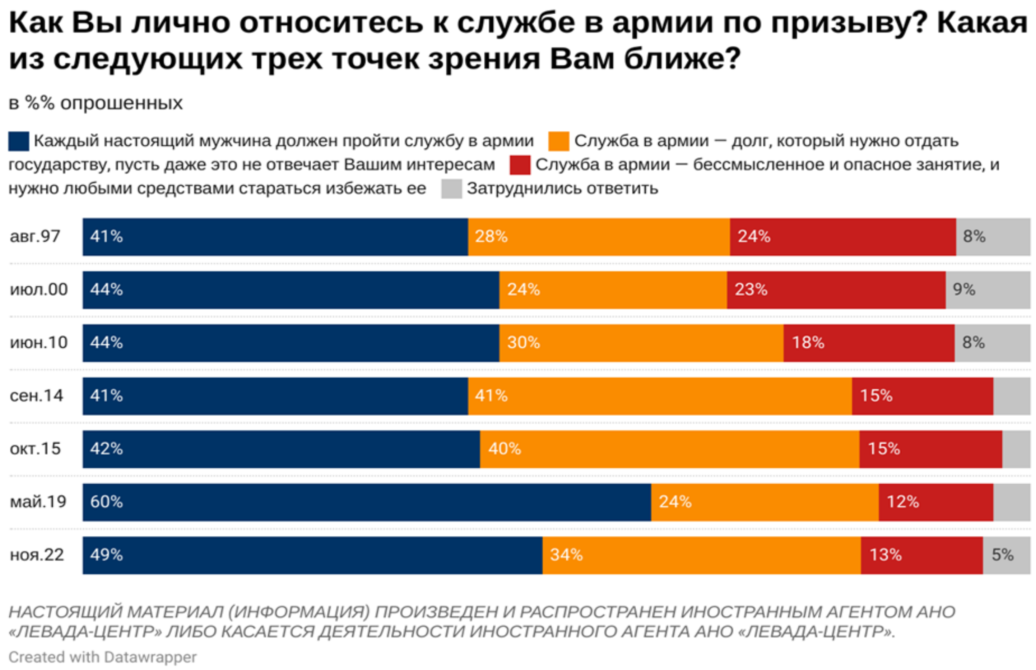

Рис. 1. Ответы на вопрос Левада-Центра о российской армии[25]

Как можно увидеть из результатов данного опроса, подавляющее большинство опрошенных считает, что настоящие мужчины должны отслужить в армии, отдать свой гражданский долг Родине, т.е. быть готовыми защищать свою страну, семью с оружием в руках в случае военной опасности.

Военная безопасность характеризует уровень обороноспособности страны и состояние внутригосударственной военно-политической сферы общества, обеспечивающих вооруженную защиту государства. На систему обеспечения военной безопасности влияют такие качественно-количественные характеристики системы государственного управления, как надежность защиты конституционного строя, социальной стабильности в государстве. Обеспечение военной безопасности является важнейшим направлением государственной политики правительства Российской Федерации. Целью российской государственной политики по обеспечению военной безопасности является предотвращение и парирование военных угроз государству.

Одной из задач, на решение которых направлена государственная политика по обеспечению военной безопасности, является соблюдение принципов равноправного партнерства в международных отношениях, формирование системы международной безопасности. Россия обеспечивает военную безопасность страны всеми

---

[22] АНО «Левада-Центр» внесена в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

[23] Общероссийский опрос Левада-Центра проведен 24 — 30 ноября 2022 года по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения объемом 1601 человек в возрасте от 18 лет и старше в 137 населенных пунктах, 50 субъектах РФ. Исследование проводится на дому у респондента методом личного интервью. Распределение ответов приводится в процентах от общего числа.
Статистическая погрешность при выборке 1600 человек (с вероятностью 0,95) не превышает:
3,4% для показателей, близких к 50%
2,9% для показателей, близких к 25% / 75%
2,0% для показателей, близких к 10% / 90%
1,5% для показателей, близких к 5% / 95%

[24] Российская армия / Опрос Левада-Центра 24-30.11.2022. URL: https://www.levada.ru/2022/12/09/rossijskaya-armiya4/?utm_source=mailpoet&utm_medium=email&utm_campaign=glavnye-publikacii-nedeli_85 (дата обращения: 11.12.2022).

[25] Российская армия / Опрос Левада-Центра 24-30.11.2022. URL: https://www.levada.ru/2022/12/09/rossijskaya-armiya4/?utm_source=mailpoet&utm_medium=email&utm_campaign=glavnye-publikacii-nedeli_85 (дата обращения: 11.12.2022).

имеющимися у нее ресурсами и средствами, в том числе наличием ядерного потенциала, гарантирующего отпор любому агрессору в любых условиях.

Политика может типологизироваться по разным основаниям. Одним из них является военная сфера: политика в этой сфере формулируется как военная политика, имеющая свою природу, структуру, факторы и условия реализации, нормативное регулирование, внутреннее и внешнее проявления, тенденции развития. Военная политика является частью государственной политики в военной области, проводимой во внутренней и внешней среде и непосредственно связанной с применением средств вооружений для достижения определенных целей. Назначение военной политики — применение военной силы для достижения политических целей (с учетом возможностей и необходимости), определение направлений развития военной отрасли, разработка методов применения военной силы для противодействия противнику, руководство военными действиями и др.

Военная политика интегрирует деятельность различных областей национальной экономики — производственной, оборонной, научно-технической, политической, законодательной и других, представляя собой сложный и многоуровневый комплекс, предназначенный для решения определенных задач по обеспечению военной безопасности государства. Для осуществления военной политики создаются специализированные государственные институты, решающие задачи и общегосударственной политики, и военной стратегии. Военная политика разрабатывает и реализует методы и средства вооруженной и невооруженной борьбы в условиях ведения войн и вооруженных конфликтов, а также их предупреждения. Военная политика — сложный комплекс жизнедеятельности любого государства.

Глобализация создала тесные взаимосвязи между государствами всего мира, что создало условия для превращения локального вооруженного конфликта в очередную мировую войну. Предпосылками такой угрозы является политическая интеграция в региональные коалиции, которые обладают большими военными и материальными ресурсами. Вступление в вооруженный конфликт все большего числа государств увеличивает риск применения оружия массового поражения. Сложившийся после окончания «холодной войны» и распада коалиции стран Варшавского договора однополярный мир во главе с лидером западноцентричного мира Соединенными Штатами Америки (США) одним из основных средств удержания своего лидерства использует военные действия. Наличие военной силы считается символом мощи государства, позволяющим вмешиваться во внутренние дела других государств, используя их в дальнейшем для прокси-войн в целях реализации агрессивной колониальной политики.

К примеру, США используют методы экономического и военного давления, поддерживают внутренние силы, находящиеся в оппозиции к правительству другого государства. Для обеспечения своих интересов используются и другие тактические механизмы, например, информационная война в форме «мягкой силы». Но основным методом США является государственный терроризм — вооружение антиправительственных сил в том или ином государстве. Для этого в США поддерживается высокий уровень военной мощи.

Таким образом, аналитические исследования правовой обеспеченности военной безопасности Российской Федерации нуждаются в комплексном, обширном подходе на фоне осложнившейся внешнеполитической ситуации. Военная безопасность страны обеспечивается за счет мобилизационных мер, принимаемых во всех сферах народного хозяйства: экономической, политической, информационной и прочих, и, конечно, в оборонной, и в сфере военно-промышленного комплекса. Меры эти должны включать не только меры реагирования на возникшую опасность, но и преэмптивные действия по уничтожению опережающим образом как самой военной угрозы, так и всех обстоятельств данной угрозы.

Обсуждение и заключения. Государственная военная политика и военная безопасность в государстве

взаимосвязаны. Государственная политика формулирует цели войны, определяет средства и ресурсы ведения войны. В современной системе национальных государств стремлению большинства ее участников к интеграции в рамках многополярного мира противостоит гегемонизм с его силовой политикой, разжигающей региональные и территориальные конфликты по всему миру с целью получения собственной выгоды, к примеру, от продажи оружия.

Гибкая военная политика российского государства позволит ему отстоять свой суверенитет, право на свой исторический путь, национальную идентичность, неприкосновенность границ, самостоятельную, независимую внешнюю политику. Межгосударственные отношения с внешним миром, особенно на дипломатическом уровне, играют важную роль в области военной политики России. Координация военной политики с политикой союзных государств при использовании совместных сил позволяет организовать решительное противодействие противнику, в том числе по предотвращению войны и стабилизации обстановки внутри союзных государств.

Военную политику можно определить, как систему руководящих идей, принимаемых властью общезначимых стратегических решений и действий, а также деятельность государственных институтов, направленную на создание и сохранение высокого военного потенциала страны для достижения политических целей военными средствами. Главным субъектом военной политики является государство. Оно готовит военные средства для достижения поставленных им стратегических целей. Соответствие военных средств поставленным целям определяет эффективность проводимой военной политики государства. При их несоответствии необходима корректировка целей или средств достижения целей. Дисбаланс между ними может привести к кризису не только системы обеспечения военной безопасности, но и к социально-политическому кризису государства в целом.

Под воздействием усложняющейся внешнеполитической обстановки в области военной политики и ее части — военно-технической политики России — происходят революционные изменения: пересматриваются все прежние положения военной стратегии и тактики. Изменение форм и методов ведения войн (в их числе — информационные, кибер-, прокси- и другие новые формы ведения войн, к числу которых можно отнести и «цветные революции») приводит к разработке новейших вооружений и прекращению процесса ограничения и сокращения военных арсеналов, увеличению значения оборонного, военно-промышленного комплекса во внешней политике иностранных государств. Реагирование на эти трансформации является важнейшей задачей России.

Некоторые государства и их союзы используют любой предлог для применения силы в случаях заявления каких-либо субъектов мировой системы о своем суверенитете и национальных интересах своего народа. По всему миру вспыхивают уже затухшие старые конфликты и возникают новые, стимулируемые желающими сохранить однополярный мир, построенный на управлении ослабленными войной остальными государствами.

Военная политика развивается в двух направлениях: внутреннем как деятельность государства по обеспечению обороноспособности страны и внешнем как использование военной силы во взаимоотношениях с другими государствами. Военная политика обеспечивается научно-аналитическим инструментарием в разработке перспектив и стратегий своего развития и практическими механизмами управления и организации военного обеспечения.

Социально-политические интересы России, потребности народностей, социальных групп, субъектов федерации, зафиксированные в официальных документах по обеспечению национальной и военной безопасности государства, определяются содержанием военной политики. Другими словами, суть, содержание и цели военной политики Российской Федерации определяются национальными интересами страны. Залогом успешной военной политики России становятся благоприятные экономические, политические, научные и другие условия,

взаимовыгодные отношения с другими странами, особенно с соседними.

Главные цели военной политики прописаны в Военной доктрине России. К ним относятся:

– нейтрализация военных провокаций, предотвращение по возможности вооруженных конфликтов между Россией и другими государствами;

– обеспечение военной безопасности, территориальной целостности, защита суверенитета России;

– выполнение военных обязательств перед союзными государствами;

– участие в миротворческих операциях;

– поддержка международных организаций по поддержанию безопасности в мире;

– обеспечение оборонного потенциала в стране и др.

Военная безопасность РФ по своему содержанию опирается на следующие принципы:

– проведение единой государственной политики по обеспечению военной безопасности;

– поддержание общественно-политической стабильности, защита суверенитета российского государства;

– союзнические отношения с государствами-соседями;

– укрепление обороноспособности страны;

– совершенствование вооружённых сил РФ, их готовности к противодействию внутренним и внешним угрозам;

– охрана государственной границы России и др.

Таким образом, повышение эффективности военной политики является жизненно необходимым условием обеспечения национальных интересов и военной безопасности российского государства, при этом наше государство может рассчитывать только на собственные ресурсы. Наличие потенциальных конфликтов по периметру границ российского государства ставит перед военной политикой новые задачи по обеспечению ее ресурсной, правовой и дипломатической поддержкой во имя сотрудничества между соседними державами. Успешная военная политика, высокий уровень военного потенциала являются действенными инструментами для сохранения суверенитета, территориальной целостности и обеспечения военной и национальной безопасности России.

Список литературы

1. Евтушенко, С. Г. Правовое обеспечение военной безопасности России : дис. … канд. юрид. наук / С. Г. Евтушенко. — Москва, 2000. — 199 с.

2. Алванян, Н. М. Теоретико-правовые основы военной безопасности РФ / Н. М. Алванян // Евразийский научный журнал. — 2016. — № 10. — С. 239–240.

3. Аминов, С. М. Чужие войны: новая парадигма / С. М. Аминов, М. С. Барабанов [и др.]. — Москва: Центр анализа стратегий и технологий, 2022. — 160 с.

4. Жук, Е. И. Военно-политические аспекты пилотируемой космонавтики / Е. И. Жук // Вестник Академии военных наук. — 2009. — № 1 (26). — URL: https://militaryarticle.ru/voenno-promishlennii-kurer/2009-vpk/10881-voenno-politicheskie-aspekty-pilotiruemoj (дата обращения: 12.12.2022).

5. Карпов, А. Н. Военно-политическая деятельность Российской Федерации в условиях глобализации : моногр. / А. Н. Карпов. — Москва: ВАГШ, 2004. — 176 с.

6. Омелькин, А. И. Политический механизм и сценарии развязывания войн и вооруженных конфликтов : моногр. / А. И. Омелькин. — Москва: ВАГШ, 2001. — 170 с.

7. Поздняков, А. И. Военная политика современных государств: сравнительный анализ содержания и

коренных целей / А. И. Поздняков. — Москва: ВАГШ, 1991. — 138 с.

8. Шерпаев, В. И. Военная политика в политическом процессе современной России : дис. … д-ра полит. наук / В. И. Шерпаев. — Екатеринбург, 2007. — 348 с.

9. Белозёров, В. К. Военная безопасность России как объект государственного регулирования / В. К. Белозёров // Безопасность Евразии. —2008. — № 1. — С. 456–462.

10. Бельков, О. А. О военной политике России / О.А. Бельков // Безопасность. — 1993. — № 6. — С. 27–31.

11. Владимиров, А. И. Концептуальные основы национальной стратегии России: военно-политический аспект: автореф. дис. … канд. полит. наук / А. И. Владимиров. — Москва, 2004. — 50 с.

12. Даниленко, И. С. Военная безопасность и проблемы военной политики государства / И. С. Даниленко, В. А. Двуреченских // Военная мысль. — 1992. —№ 1. — С. 27–30.

13. Кардашова, И. Б. Военная безопасность в системе национальной безопасности / И. Б. Кардашова // Военное право. — 2018. — №1 (47). — С. 26–31.

14. Михайленок, О. М. Военно-политические проблемы национальной безопасности России в переходный период : дис. … д-ра полит. наук / О. М. Михайленок. — Москва, 2003. — 290 с.

15. Бжезинский, З. Великая шахматная доска / З. Бжезинский. — Москва: Международные отношения, 2010. — 256 с.

16. Киссинджер, Г. Ядерное оружие и внешняя политика / Г. Киссинджер. — Москва: Издательство иностранной литературы, 1959. — 511 с.

17. Клинтон, Б. Стратегия национальной безопасности США для нового столетия. Предисловие / Б. Клинтон // НГ – Сценарий. — 1999. — № 2. — С. 9–13.

18. Макнамара, Р. С. Путем ошибок — к катастрофе: Опыт выживания в первом веке ядерной эры / Р. С. Макнамара. — Москва : Наука, 1988. — 149 с.

19. Вершилов, С. А. Военная безопасность государства (социально-философский анализ): автореф. дис. ... д-ра филос. наук / С. А. Вершилов. — Москва, 2016. — 49 с.

20. Wolfers, A. «National security» as an ambiguous symbol / A. Wolfers // Political Science Quarterly. — 1952. — Vol. 67, No. 4 (December). — P. 481–502.

21. Уолферс, А. Противоборство и сотрудничество: очерк международной политики // Теория международных отношений: Хрестоматия / сост., науч. ред. и коммент. П. А. Цыганкова. — Москва : Гардарики, 2002. — С. 338–348. — URL: http://grachev62.narod.ru/tmo/chapt32.html (дата обращения: 15.12.2022).

22. Buzan, B. People, states, and fear, an agenda for international security studies in the Post-cold War Era: 2nd edition / B. Buzan. — Colorado: Lynne Rienner Publishers Inc, 1991. — P. 277.

23. Макаренко, И. К. Военная безопасность государства: сущность, структура, пути обеспечения на современном этапе / И. К. Макаренко, В. С. Морозов. — Москва: РАГС, 2003. — 60 с.

24. США вышли из договора по ракетам. Чем важен ДРСМД и какие риски создаст его развал / РБК. 02.08.2019: [сайт]. — URL: https://www.rbc.ru/politics/02/08/2019/5d42b0929a794772e68c66ec (дата обращения: 21.12.2022).

Поступила в редакцию 15.01.2023.

Поступила после рецензирования 27.01.2023.

Принята к публикации 03.02.2023.

Об авторах:

Кузина Светлана Ивановна, профессор кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины» Донского государственного технического университета (344003, РФ, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), профессор кафедры политологии и этнополитики Южно-Российского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, РФ, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70), доктор политических наук, профессор, ORCID, svivk@yandex.ru

Сагирян Инга Григорьевна, доцент кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины» Донского государственного технического университета (344003, РФ, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), кандидат филологических наук, доцент, ORCID, sagiryan@yandex.ru

Заявленный вклад соавторов:

С. И. Кузина — формирование основной концепции, методология исследования, подготовка текста, формирование выводов. И. Г. Сагирян — анализ результатов исследования, доработка текста, корректировка выводов.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.5

https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-1-57-68

Основные направления государственной политики Российской Федерации в сфере интеллектуальной собственности

Т. В. Шатковская[1, 2]

[1] Южно-Российский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70

[2] Донской государственный технический университет, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1

✉ shatkovskaya.tv@gmail.com

Аннотация

Введение. Рост социальной активности в сфере инновационной деятельности отражает общемировой тренд на развитие сотрудничества в области коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности (далее — РИД) и их повсеместного распространения. Сбалансированное регулирование охраны и распространения интеллектуальной продукции предполагает государственное воздействие, что в свою очередь актуализирует создание системы органов властного управления национальной инновационной экономикой. Цель данного исследования — выявление основных направлений государственной политики, позволяющих обеспечить конкурентоспособность экономики РФ и роста валового внутреннего продукта, национальную безопасность, технологическую независимость в важных для государства и общества сферах.

Материалы и методы. Объектом исследования стала государственная политика РФ в сфере интеллектуальной собственности. В ходе исследования использован метод конкретных социологических исследований, методы анализа, синтеза и моделирования, а также статистический, системно-структурный, логический, исторический методы.

Результаты исследования. Автором выделены и охарактеризованы пять основных направлений государственной политики РФ в сфере интеллектуальной собственности. В статье сделаны выводы о том, что задача государства состоит в стимулировании социальной активности путем снятия чрезмерных законодательных барьеров и упрощения административных процедур регистрации и лицензирования РИД, открытия доступа к интеллектуальным продуктам, не пользующимся коммерческим спросом или не имеющим правообладателя, создания национальной информационно-коммуникационной платформы цифрового контента. Только государство, являясь основным источником права в XXI в., может обеспечить сбалансированный подход к непротиворечивому сосуществованию и взаимодействию материального и цифрового экономического пространства.

Обсуждение и заключения. Любой перекос в пользу как общественного интереса к доступному знанию и информации, так и приоритетной защиты креативных субъектов усугубляет конфликт интересов, рождает состояние неопределенности в системе законодательства и препятствует созданию благоприятных условий для

воспроизводства культуры и технологического прогресса. При этом креативные субъекты — это субъекты, создающие новые знания и технологии, представляющие публичный интерес к обороту интеллектуальной собственности как наиболее коммерчески ценной информации. Вследствие этого основополагающим принципом государственной политики в сфере интеллектуальной собственности следует признать принцип разумного баланса законных интересов и справедливого использования РИД правообладателями, пользователями и потребителями, выраженный в адекватной правовой форме.

Ключевые слова: государственная политика, интеллектуальная собственность, цифровая экономика, функции государственных органов, правовое регулирование, информационное общество.

Благодарности. Автор выражает благодарность рецензенту, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Шатковская, Т. В. Основные направления государственной политики Российской Федерации в сфере интеллектуальной собственности / Т. В. Шатковская // Правовой порядок и правовые ценности. — 2023. — Т. 1, № 1. — С. 57–68. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-1-57-68

Original article

The Main Directions of the Russian Federation State Policy in the Field of Intellectual Property

Tatiana V. Shatkovskaya[1, 2]

[1] South-Russian Institute of Management — a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, 70, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, Russian Federation

[2] Don State Technical University, 1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ shatkovskaya.tv@gmail.com

Abstract

Introduction. The growth of social engagement in innovation activity reflects the global trend for developing cooperation in the field of commercialisation of the Intellectual Activity Results (hereinafter — IAR) and their throughout dissemination. The balanced regulation of the intellectual products protection and dissemination implies the interference from behalf of the state, including establishment of the system of governing bodies managing the national innovation-driven economy. The purpose of this study is to identify the main directions of the state policy ensuring the Russian economy competitiveness and growth of the gross domestic product, national security, technological sovereignty in the areas important for the state and society.

Materials and Methods. The object of the study is the Russian Federation state policy in the field of intellectual property. In the research the methods of sociological case-study, analysis, synthesis and modeling, as well as statistical, system-structural, logical, historical methods have been used.

Results. The author highlights and characterises five main directions of the Russian Federation state policy in the field of intellectual property. In the article the conclusions are made about the mission of the state to stimulate social engagement by removing the excessive legislative barriers and simplifying the administrative procedures for IAR registration and licensing, by opening access to the intellectual products that are not in commercial demand or do not have a copyright

holder, by creating the national information and communication platform of digital content. Only the state, being the main source of law in the 21st century, can provide the balanced approach to the harmonious coexistence and interaction of the material and digital economic environment.

Discussion and Conclusions. Any disbalance in favour of either public interest in open access knowledge and information or prioritised protection of the creative subjects aggravates the conflict of interests, creates the condition of the legislative system uncertainty and obstructs the formation of beneficial conditions for reproduction of culture and technological progress. At the same time, the creative subjects are defined as subjects creating the new knowledge and technologies that represent the public interest to the intellectual property turnover as the most commercially valuable information. As follows from the above, the principle of reasonable balance between the legitimate interests and fair use of IAR by copyright holders, users and consumers, expressed in the adequate legal form, should be recognised as the fundamental principle of the state policy in the field of intellectual property.

Keywords: state policy, intellectual property, digital economy, state authorities' functions, legal regulation, information society.

Acknowledgements. The author is grateful to the reviewer for critical assessment of the materials and suggestions on their enhancement which contributed significantly to improvement of the article's quality.

For citation. T. V. Shatkovskaya. The Main Directions of the Russian Federation State Policy in the Field of Intellectual Property. Legal Order and Legal Values, 2023, vol. 1, no. 1, pp. 57–68. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-1-57-68

Введение. Сфера интеллектуальной собственности в современном мире представляет собой трансграничное пространство новых идей, продуктов и услуг, обладающих реальной или потенциальной коммерческой ценностью. Деятельность производителей инновационных продуктов отличается динамичностью, высокой конкурентоспособностью и прибыльностью, нацеленностью на постоянно меняющиеся потребности социума. Об этом свидетельствуют статистические данные, собираемые и анализируемые Всемирной организацией интеллектуальной собственности (ВОИС), объединяющей 193 государства мира. Данные ВОИС отражают формирование общих подходов к правовой охране, урегулирование споров, создание сбалансированной нормативной правовой базы и организацию беспрепятственного оборота интеллектуальных продуктов.

Так, в период COVID-19, отличающийся замедлением темпов промышленного производства, наблюдался рост активности в сфере инновационной экономической деятельности. В частности, в 2021 г. рекордного значения достигло количество поданных патентных заявок по процедуре PCT (277500 заявок). При этом лидерство в рассматриваемой области окончательно перешло к азиатским государствам. Например, Республика Корея подала в 2021 г. патентных заявок на 3,2% больше, чем в 2020 г., а Сингапур увеличил количество заявок на 23%[1].

Основными направлениями инновационного развития за последнее десятилетие стали фармацевтика, биотехнологии, медицинские технологии, а также производство компьютерных технологий, программного

[1] Международные патентные заявки в разбивке по стране происхождения (система PCT). URL: https://www.wipo.int/export/sites/www/pressroom/ru/documents/pr_2022_886_annexes.pdf#page=1 (дата обращения: 25.12.2022).

обеспечения, средств цифровой связи, электромеханического и контрольно-измерительного оборудования [1]. Количественное, качественное и территориальное расширение масштабов инновационной деятельности и круга ее участников демонстрирует общемировой тренд на развитие сотрудничества в области коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности (далее — РИД) и их повсеместного распространения [2].

Цель исследования — выявление основных направлений государственной политики в сфере интеллектуальной собственности, позволяющих обеспечить конкурентоспособность экономики РФ и роста валового внутреннего продукта, национальную безопасность, технологическую независимость в важных для государства и общества сферах.

Особая социальная значимость новых технологий требует для их сбалансированного регулирования не только международного, но и государственного воздействия, в том числе создания системы органов властного управления национальной инновационной экономикой. Так, в Российской Федерации (далее — РФ) сформирована нормативно-правовая база государственного регулирования отношений в сфере интеллектуальной собственности. Она включает конституционные нормы, федеральное законодательство[2], подзаконные акты[3].

Следует отметить, что согласно ст. 44 Конституции РФ охрана интеллектуальной собственности в РФ осуществляется только законом. Подзаконными актами определяется порядок использования и распоряжения исключительными правами [3]. В соответствие с п. о) ст. 71 Конституции РФ правовое регулирование интеллектуальной собственности относится к исключительному ведению РФ. Для единообразной реализации федеральных законов на уровне субъектов РФ Министерством экономического развития РФ разработан ряд методических рекомендаций. К примеру, Рекомендации по управлению правами на РИД и средства индивидуализации[4].

Материалы и методы. Государственная политика в сфере интеллектуальной собственности базируется на таких конституционных положениях, как гарантия свободы всех видов творчества и использования своих способностей для осуществления законных видов экономической деятельности в РФ [4], охрана интеллектуальной собственности законом. Ограничение гарантируемых в Конституции РФ прав и свобод человека и гражданина допускается только законом и в целях сохранения основ конституционного строя[5].

В российском законодательстве регламентированы правотворческие и правоприменительные полномочия федеральных органов исполнительной власти в сфере интеллектуальной собственности. В частности, органы исполнительной власти по ст. ст. 1232, 1246 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), а именно: федеральный орган исполнительной власти по интеллектуальной собственности (Роспатент) с подведомственными ему организациями: Федеральный институт промышленной собственности (ФИПС), Палата по патентным спорам (ППС), Российский государственный институт интеллектуальной собственности (РГИИС), Информационный издательский центр (ИНИЦ), а также федеральный орган исполнительной власти по селекционным достижениям (формально Министерство сельского хозяйства РФ, фактически Государственная комиссия Российской Федерации по испытанию и охране селекционных достижений (ФГБУ «Госсорткомиссия») осуществляют государственную регистрацию РИД и средств индивидуализации, права на которые по ГК РФ

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // СЗ РФ. 2006. № 52 (часть I). Ст. 5496.

[3] См.: О вознаграждении за свободное воспроизведение фонограмм и аудиовизуальных произведений в личных целях : Постановление Правительства РФ от 14.10.2010 № 829 (ред. от 23.11.2022). URL: https://base.garant.ru/12179510/ (дата обращения: 23.12.2022).

[4] Рекомендации по управлению правами на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации в регионах Российской Федерации // Администратор образования. 2019. № 3.

[5] По запросу Суда по интеллектуальным правам о проверке конституционности подпункта 3 пункта 6 статьи 1483 и статьи 1508 Гражданского кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 19.09.2019 № 2145-О». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72736480/ (дата обращения: 23.12.2022).

возникают и переходят в регистрационном порядке.

В соответствии со ст. 1240.1 ГК РФ Правительство РФ определяет порядок управления, формирования и ведения реестра РИД, созданных при выполнении государственных программ, оборонного заказа и контракта, а также муниципального контракта, права на которые принадлежат РФ, субъектам РФ и муниципальным образованиям. В п. 2 указанной статьи дается исчерпывающий перечень РИД, отнесенных к непосредственно связанным с обеспечением обороны и безопасности государства.

Уполномоченные федеральные органы исполнительной власти выполняют контрольные функции в сфере интеллектуальной собственности. К примеру, деятельность аккредитованных организаций по коллективному управлению авторскими и смежными правами контролирует Министерство культуры РФ [5]. Министерство науки и высшего образования РФ, наряду с другими государственными органами, осуществляющими правотворческие полномочия в сфере интеллектуальной собственности, осуществляет выработку, реализацию и правовое регулирование государственной политики в рассматриваемой сфере[6]. Исключение составляют вопросы правовой охраны, контроля, надзора и оказания услуг в сфере патентного права, а также программ для ЭВМ, баз данных и топологий интегральных микросхем.

В полномочия Правительства РФ входит установление минимальных ставок авторского вознаграждения за служебные изобретения, полезные модели и промышленные образцы, порядок и сроки его выплаты. Данные правила действуют в случае отсутствия соответствующего договора между автором-работником и работодателем. Правительство РФ также устанавливает минимальные ставки вознаграждения правообладателям, порядок его сбора, распределения и выплаты как в отдельных случаях использования авторских произведений, исполнений и фонограмм с согласия и с выплатой вознаграждения правообладателю, так и в случаях законного использования перечисленных объектов без согласия, но с выплатой правообладателю вознаграждения.

Важным сегментом правотворческой деятельности органов исполнительной власти является разработка методических указаний, способствующих упорядочению гражданского оборота интеллектуальной собственности. Так, методические рекомендации Минимущества РФ по определению рыночной стоимости интеллектуальной собственности содержат конкретные методы оценки интеллектуальной собственности с использованием доходного, затратного и сравнительного подходов[7].

Результаты исследования. Перспективные цели, поставленные в стратегиях развития РФ, позволяют выделить основные направления государственной политики в сфере интеллектуальной собственности. Общая цель, сформулированная Правительством РФ, представлена в следующей редакции. Это — «повышение конкурентоспособности экономики РФ и обеспечение роста валового внутреннего продукта, национальной безопасности, технологической независимости в важных для государства и общества сферах путем развития сферы интеллектуальной собственности»[8].

Реализация данной цели происходит в следующих направлениях.

Первое направление: совершенствование нормативно-правовой базы путем преодоления имеющихся в ней дефектов, а также создания правовых условий для разработки, охраны и внедрения в производство высоких технологий. Современные проблемы права интеллектуальной собственности не могут быть решены только

---

[6] О структуре федеральных органов исполнительной власти : Указ Президента РФ от 21.01.2020 № 21 (ред. от 20.10.2022) // СЗ РФ. 2020. № 4. Ст. 346.

7 Методические рекомендации по определению рыночной стоимости интеллектуальной собственности (утв. Минимуществом РФ 26.11.2002 № СК-4/21297) // Патенты и лицензии. 2003. № 3.

8 Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по реализации механизма управления системными изменениями нормативно-правового регулирования предпринимательской деятельности «Трансформация делового климата» «Интеллектуальная собственность» : Распоряжение Правительства РФ от 03.08.2020 № 2027-р (ред. от 28.07.2022) // СЗ РФ. 2020. № 33. Ст. 5412.

поправками в действующее законодательство, так как они связаны с необходимостью пересмотра доктринальных основ, принципов и понятий [6].

Континентальная модель права интеллектуальной собственности, принятая и в РФ, до сих пор акцентирована на привилегиях автору и иным правообладателям, что поощряет активность правообладателей и инвестиционную привлекательность производства интеллектуальной продукции, но сдерживает научно-технический прогресс [7]. Так, широкий перечень личных неимущественных прав автора авторского произведения, закрепленный в ст. 1255 ГК РФ, не может быть обеспечен. Во-первых, он существенно ограничивает права пользователей и товарные свойства интеллектуальных продуктов. Во-вторых, отсутствует фактическая возможность их защиты, особенно в сети Интернет. Речь идет о праве автора на обнародование и на неприкосновенность в отношении сложных объектов интеллектуальных прав, служебных авторских произведений, программ для ЭВМ и др. Реализация данных прав вызывает ряд трудностей и в работе библиотек при переводе авторских произведений в цифровую форму.

Объем государственного регулирования в сфере интеллектуальной собственности закреплен в ст. 1246 ГК РФ, а именно: издание нормативных правовых актов, определяющих правила и порядок осуществления юридически значимых действий при регистрации, передаче и защите исключительных прав, а также регулирование иных отношений, связанных с интеллектуальной собственностью. В ГК РФ распределены правотворческие и правоприменительные полномочия между различными органами исполнительной власти по управлению и охране интеллектуальной собственности.

Попытки законодателя сохранить в ГК РФ проприетарную доктрину интеллектуальной собственности и при этом обеспечить потребности реального сектора экономики в свободном коммерческом использовании интеллектуальных продуктов приводят к коллизиям в законодательстве.

Как представляется, только государство своей политической волей может расширить свободный доступ к информационным ресурсам, содержащим РИД ведущих ученых мира, накопленные научно-технические достижения и иные продукты культуры, формирующие тот самый человеческий капитал, без которого невозможно развитие высокотехнологичной инновационной экономики. И вознаграждения за творческий труд и доступ к его результатам должен осуществляться на равных правовых основаниях и принципах добросовестности, справедливости и разумности.

Реализация данного направления невозможна без участия общества, организующего и регулирующего открытое использование творческих продуктов, прежде всего, в сети Интернет. Однако задача государства состоит в стимулировании социальной активности путем снятия чрезмерных законодательных барьеров и упрощения административных процедур регистрации и лицензирования РИД, открытия доступа к интеллектуальным продуктам, не пользующимся коммерческим спросом или не имеющим правообладателя, создания национальной информационно-коммуникационной платформы цифрового контента.

В РФ принята государственная программа «Информационное общество»[9], включающая комплекс мероприятий, в том числе развитие и модернизацию информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, отрасли информационных технологий, обеспечение равных возможностей доступа к современным телекоммуникационным сервисам. Статистические данные подтверждают успешность принимаемых государством мер. Так, в РФ почти 86% домохозяйств имеют доступ к сети Интернет. В мировом экспорте

[9] Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество : Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 (ред. от 25.11.2022) // СЗ РФ. 2014. № 18 (часть II). Ст. 2159.

компьютерных и информационных услуг доля РФ составляет 0,9% и демонстрирует устойчивый рост.

Второе направление — это создание благоприятных условий для добросовестной конкуренции, коммерциализации, международного имущественного оборота РИД, подготовка высококвалифицированных научных кадров и специалистов в сфере патентования и управления интеллектуальной собственностью. Целью данного направления государственной политики стало включение науки в инновационные процессы в экономике, сближение фундаментальной науки и практики. Однако его реализация натолкнулась на несовершенство правовой модели коммерциализации науки, а именно: противоречия положений Федерального закона от 02.08.2009 № 217-ФЗ нормам ГК РФ о праве распоряжения имуществом учреждений.

Общий тренд на коммерциализацию интеллектуальных продуктов имеет такой значимый сегмент, как коммерциализация вузовского научного знания [8]. С начала 80-х годов прошлого века коммерциализация научно-технических исследований вузов получила законодательное закрепление во многих странах мира [9]. В РФ данное направление государственной политики закреплено в Федеральном законе от 02.08.2009 № 217-ФЗ[10] и ряде подзаконных актов[11].

Третье направление: поддержание баланса интересов авторов и иных правообладателей, общества и государства в сфере интеллектуальной собственности. Динамика общественных изменений затрудняет сохранение баланса интересов и требует усилий со стороны государства [10]. Данное состояние осложняется расширением сферы влияния информационно-телекоммуникационных сетей, которые не только сформировали новую экономическую инфраструктуру, но и стали коммуникативным пространством, построенным на принципе свободного обмена информацией. Поэтому Интернет не может представлять собой только коммерческую среду, обеспечивающую для правообладателя исключительные возможности контроля над оборотом интеллектуальных продуктов.

Переход от концепции безусловной защиты правообладателя интеллектуальной собственности к концепции обеспечения общественного блага при разработке основ государственной политики является одним из условий для сбалансированного развития творческой сферы, содействия в занятии творчеством и одновременно реализации права использования заинтересованными лицами полученных в результате научно-технического творчества интеллектуальных продуктов в образовательных, культурных, научных, коммерческих и иных целях.

В праве интеллектуальной собственности данный баланс особенно важен по причине его доктринальной ориентированности на приоритет интересов автора как слабой стороны интеллектуальных правоотношений. Проприетарный подход, господствующий в континентальной модели права интеллектуальной собственности и ставший основой его международной регламентации, нарушает баланс индивидуальных и общественных интересов в пользу авторов и иных правообладателей. Именно поэтому ст. 44 Конституции РФ о праве личности на свободное творчество дополнена таким противовесом, как право каждого на доступ к культурным ценностям как результату творческой деятельности авторов, что создает нормативную основу для формирования сбалансированного подхода в законодательстве. Никто не может творить на пустом месте. Чем шире научно-техническое пространство, находящееся в общественном достоянии, тем более продуктивной окажется

[10] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности : Федеральный закон от 02.08.2009 № 217-ФЗ (ред. от 29.12.2012) // СЗ РФ. 2009. № 31. Ст. 3923.

[11] Об утверждении Правил предоставления субсидий на развитие кооперации российских образовательных организаций высшего образования, государственных научных учреждений и организаций реального сектора экономики в целях реализации комплексных проектов по созданию высокотехнологичных производств : Постановление Правительства РФ от 09.04.2010 № 218 (ред. от 15.02.2021) // СЗ РФ. 2010. № 16. Ст. 1905; О государственной поддержке развития инновационной инфраструктуры в федеральных образовательных учреждениях высшего профессионального образования : Постановление Правительства РФ от 09.04.2010 № 219 (ред. от 25.05.2016) // СЗ РФ. 2010. № 16. Ст. 1906.

интеллектуальная деятельность будущих авторов.

Наиболее полное и емкое правовое закрепление рассматриваемое направление получило в системе принципов Стратегии развития информационного общества в РФ[12]. Они регламентированы в п. 3 и включают такие нормы, как гарантированное обеспечение прав граждан на доступ к информации, свободный выбор средств получения знаний при работе с информацией, сохранение альтернативных цифровым форм получения товаров и услуг, использование традиционных российских духовно-нравственных ценностей в качестве основы правил поведения при работе с информационными и коммуникационными технологиями, соблюдение законности и разумной достаточности при использовании персональных данных и информации об организациях, государственная защита интересов россиян в информационной среде.

Перечисленные нормы должны стать правовой основой государственной политики в сфере интеллектуальной собственности, так как они, с одной стороны, поощряют творческую деятельность и защищают творческий труд авторов, с другой стороны, позволяют адаптировать охрану интеллектуальной собственности к новым экономическим и культурным потребностям общества.

Четвертое направление: разработка системы средств управления и охраны РИД, имеющими непосредственное отношение к обороне и безопасности, определение порядка передачи таких РИД пользователям, а также принятие иных мер, обеспечивающих публичные и национальные интересы в соответствии со стратегическими задачами государственной политики РФ, в том числе в области международного и регионального сотрудничества.

В качестве нормативной основы данного направления может быть использован Модельный закон СНГ «О реализации прав государства на объекты интеллектуальной собственности в сфере науки и технологий»[13]. В законе не только определен порядок использования исключительных прав на РИД, созданных за счет бюджетного финансирования, но и указана цель государственной политики в отношении РИД в сфере науки и технологий и пути ее реализации. В качестве цели в законе указано полное обеспечение использования бюджетных средств, инвестированных в научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические разработки и поощрение передачи полученных результатов двойного назначения для внедрения в гражданском секторе экономики малым бизнесом.

В законе обозначены и пути реализации вышеназванной цели государственной политики как на федеральном, так и на региональном уровне. Прежде всего — четкое определение национальных приоритетов в области интеллектуальной собственности. Данное полномочие возлагается на главу государства и высший законодательный орган. В этой связи стоит напомнить об обсуждаемой около 10 лет и одобренной Советом по вопросам интеллектуальной собственности при Председателе Совета Федерации Стратегии по интеллектуальной собственности, в проекте которой данные интересы получили юридическое оформление.

Кроме того, в законе предусмотрено создание совместных центров сотрудничества науки и бизнеса при участии государства. Одним из путей реализации прав государства на объекты интеллектуальных прав названо создание исполнительного органа власти при Правительстве РФ, изучающего спрос на национальные технологии, определяющего приоритетные направления, разрабатывающего государственные программы, учитывающего опытно-конструкторские и технологические разработки по международным стандартам для предотвращения их дублирования и содействующего передаче полученных РИД для последующего внедрения в

[12] О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.
[13] О реализации прав государства на объекты интеллектуальной собственности в сфере науки и технологий : Модельный закон [принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 7 декабря 2002 г. № 20-13] // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств. 2003. № 30.

производство. Это тем более важно, что в РФ имеются конкурентоспособные области технологических разработок.

Традиционно сильными в плане инновационных разработок является оборонный комплекс, космическая техника, технологии атомной промышленности. Только Росатом за год зарабатывает на продаже лицензий около 1 млрд рублей[14]. Не менее значима и защита национальных интересов при осуществлении международного оборота интеллектуальных продуктов как основы государственной политики.

Реализация прав государства на РИД, созданные на бюджетные средства, осуществляется как с использованием государственного (парламентского, судебного, финансового и специального), так и общественного контроля.

В рамках четвертого направления особую актуальность сегодня приобрела регламентация параллельного импорта [11]. С 2006 г. законом «О защите конкуренции»[15] установлен запрет на недобросовестную конкуренцию, связанную с незаконным использованием РИД (ст. 14.5), в том числе на деяния, связанные с незаконным использованием сходных до степени смешения и тождественных со средствами индивидуализации иных правообладателей (ст. 14.6).

Вместе с тем, ряд статей ГК РФ (ст. ст. 1293, 1325, 1344, п. 6 ст. 1359, п. 6 ст. 1422, п. 3 ст. 1456, ст. 1487) содержат правила о национальном (действующем на территории РФ) исчерпании исключительного права на отдельную РИД, что дает возможность лицам, приобретшим на законных основаниях вещь (материальный носитель), содержащую РИД или средство индивидуализации, использовать ее без согласия правообладателя.

В условиях международных санкций в отношении РФ с марта 2022 г. государство меняет политику в отношении параллельного импорта в направлении ее либерализации. В целом расширение перечня оригинальных товаров, маркированных товарным знаком, в отношении которых импортёр освобожден от гражданско-правовой ответственности (по общим правилам предусмотрена ст. 1515 ГК РФ) при введении их в гражданский оборот на территории РФ без согласия правообладателя соответствует общемировой тенденции на смягчение запретов в отношении параллельного импорта.

Пятое направление: расширение и охрана сферы интеллектуальной собственности в условиях качественных изменений имущественного оборота, развития информационных и цифровых технологий.

С конца XX в. качество технологий и их эффективность стали одним из основных показателей конкурентоспособности экономики государства. Ее долгосрочное развитие последнее двадцатилетие связывают с технологическими инновациями и новой динамичной цифровой средой, что требует построения особого типа экономики знаний [12]. Регулирование производства инноваций и технологий происходит посредством права интеллектуальной собственности. Последнее защищает права авторов и иных правообладателей и при этом ослабляет национальный суверенитет, так как сопряжено с таким явлением, как глобализация.

Обсуждение и заключения. Для предотвращения ослабления контроля государства на своей территории и соблюдения интересов государства в международных экономических отношениях требуются нестандартные меры государственного регулирования [13]. Их разработка осложняется противоречием между иерархически организованной государственной правовой системой и децентрализованными виртуальными отношениями.

С 1998 г. российское правительство решает антимоничные задачи по обеспечению баланса интересов

---

[14] Реализация государственной политики в области интеллектуальной собственности (интернет-интервью с И. А. Близнецом, ректором Российской государственной академии интеллектуальной собственности). URL: http://www.consultant.ru/law/interview/bliznets2/ (дата обращения: 23.12.2022).

[15] О защите конкуренции : Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // Российская газета. 2006. № 162. 27 июля.

личности, общества и государства и вместе с тем защите и закреплению прав РФ на инновационные продукты, полученные за счет средств федерального бюджета и формированию информационного суверенитета государства[16]. Важно, что информационный суверенитет государства необходимо сочетать с информационной автономией личности. Для этого, как справедливо отметила Е. А. Войниканис, необходимо создание для личности следующих условий: доступа к информации, возможности ее критического осмысления и использования [14].

Перечисленные условия закреплены в действующем российском законодательстве. В частности, Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ устанавливает возможность передачи, своевременного получения и использования достоверной информации посредством информационно-телекоммуникационных сетей без ограничений. Ограничение доступа к информации возможно только на основаниях, определенных в законах[17]. Решение подобных задач по аналогии, с помощью традиционных юридических инструментов, сложившихся в индустриальную эпоху, как правило, приводит к неадекватной оценке ситуации, так как речь идет о двух различных системах правового регулирования. Инструменты, адаптированные к материальному миру, не всегда работают в виртуальном пространстве.

Технологии порождают проблемы для государства (по статистике каждое четвертое преступление в РФ в 2021 г. совершалось с использованием информационных технологий) [15]. Они снимают пространственные ограничения, нарушают территориальный принцип действия национального законодательства и тем самым снижают действенность законодательных норм. Вместе с тем они создают условия для оборота разнообразных нематериальных продуктов и способы их надежной защиты, составляющие правовой режим технической защиты инновационных продуктов.

Таким образом, взаимодействие юридической и информационно-технологической культуры приводит к усложнению структуры правового регулирования, что находит отражение в государственной политике в отношении интеллектуальной собственности. Только государство, как основной источник права в XXI в., может обеспечить сбалансированный подход к непротиворечивому сосуществованию и взаимодействию материального и цифрового экономического пространства.

Любой перекос в пользу как общественного интереса к доступному знанию и информации, так и приоритетной защиты креативных субъектов усугубляет конфликт интересов, рождает состояние неопределенности в системе законодательства и препятствует созданию благоприятных условий для воспроизводства культуры и технологического прогресса. При этом креативные субъекты понимаются как субъекты, создающие новые знания и технологии, представляющие публичный интерес к обороту интеллектуальной собственности как наиболее коммерчески ценной информации. Вследствие этого основополагающим принципом государственной политики в сфере интеллектуальной собственности следует признать принцип разумного баланса законных интересов и справедливого использования РИД правообладателями, пользователями и потребителями, выраженный в адекватной правовой форме.

[16] О государственной политике по вовлечению в хозяйственный оборот результатов научно-технической деятельности и объектов интеллектуальной собственности в сфере науки и технологий : Указ Президента РФ от 22.07.1998 № 863 // СЗ РФ. 1998. № 30. Ст. 3756.
[17] Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // СЗ РФ. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3448.

Список литературы

1. Антипин, В. В. Организационный аспект учета интеллектуальной собственности при создании современных технологий / В. В. Антипин, В. В. Антипина // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. — 2022. — № 10. — С. 4–14.

2. Барабашев, А. Г. Модернизация правового регулирования Российской Федерации в области охраны результатов научной деятельности и научной информации на основе анализа зарубежного опыта / А. Г. Барабашев, Д. В. Пономарева // Право и цифровая экономика. — 2022. — № 1. — С. 52–60.

3. Гаврилов, Э. П. Подзаконные нормативные акты по интеллектуальной собственности и их легитимность / Э. П. Гаврилов // Патенты и лицензии. — 2017. — № 2. — С. 2–10.

4. Еременко, В. И. Вопросы авторского права в разъяснениях Конституционного Суда Российской Федерации / В. И. Еременко // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2020. — № 4. — С. 17–30.

5. Хуртин, Д. О. О полномочиях Министерства культуры Российской Федерации по выработке государственной политики в сфере авторского и смежных прав / Д. О. Хуртин // Культура: управление, экономика, право. — 2016. — № 4. — С. 41–46.

6. Цивилистическая концепция интеллектуальной собственности в системе российского права: моногр. / А. А. Богустов, В. Н. Глонина, М. А. Рожкова [и др.]; под общ. ред. М. А. Рожковой. — Москва : Статут, 2018. — 271 с.

7. Щербак, Н. В. Эволюция структуры авторских прав в современном гражданском законодательстве / Н. В. Щербак // Вестник гражданского права. — 2020. — № 1. — С. 133–145.

8. Рузакова, О. А. Коммерциализация интеллектуальной собственности: проблемы регулирования / О. А. Рузакова, С. Ю. Фабричный // Патенты и лицензии. — 2017. — № 7. — С. 41–48.

9. Грудцына, Л. Ю. Создание инновационных предприятий при образовательном учреждении / Л. Ю. Грудцына // Новый юридический журнал. — 2013. — № 3. — С. 62–78.

10. Epifanova, T. V. Correlation of private and public legal interests as theoretical and scientific and practical problem of modern law / T. V. Epifanova, T. V. Shatkovskaya // Journal of Advanced Research in Law and Economics. — 2016. — Vol. 7. — P. 625–643.

11. Комиссарова, Е. В. Актуальные вопросы параллельного импорта в современных условиях / Е. В. Комиссарова // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. — 2021. — № 2. — С. 54–58.

12. Вовченко, Н. Г. Трансформация структуры механизма правового регулирования в условиях цифровой экономики / Н. Г. Вовченко, Т. В. Епифанова, Т. В. Шатковская // Проблемы экономики и юридической практики. — 2018. — № 3. — С. 142–146.

13. Шугурова, И. В. Территориальный принцип действия прав интеллектуальной собственности: основные тенденции развития / И. В. Шугурова // Современное право. — 2010. — № 10. — С. 76–81.

14. Войниканис, Е. А. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: парадигма баланса и гибкости / Е. А. Войниканис. — Москва : ИД «Юриспруденция», 2014. — 552 с.

15. Шатковская, Т. В. Правовые проблемы государственного регулирования инновационной деятельности и инфраструктуры в Российской Федерации / Т. В. Шатковская // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2016. — № 5. — С. 40–43.

Поступила в редакцию 16.01.2023.

Поступила после рецензирования 27.01.2023.

Принята к публикации 01.02.2023.

Об авторе:

Шатковская Татьяна Владимировна, заведующий кафедрой «Теория и история права и государства» ФГБОУ ВО «Южно-Российский институт управления — филиал РАНХиГС при Президенте РФ» (344002, РФ, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70), профессор кафедры «Теория и история государства и права» Донского государственного технического университета (344003, РФ, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), доктор юридических наук, профессор, ScopusID, ORCID, shatkovskaya.tv@gmail.com

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.5

https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-1-69-78

Правовые основы регулирования в сфере таможенной деятельности

М. А. Бетилгириев[1], **Е. А. Филимонова**[2], **Г. И. Чекмарева**[2, 3]

[1] Грозненский государственный нефтяной технический университет имени академика М. Д. Миллионщикова, Российская Федерация, г. Грозный, пр-кт Хусейна Исаева, 100

[2] Донской государственный технический университет, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1

[3] Ростовский государственный университет путей сообщения, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, 2

✉ lenarnd1008@mail.ru

Аннотация

Введение. На современном этапе международных экономических отношений особенно остро стоит вопрос эффективного правового регулирования таможенной деятельности. За последние несколько лет Россия столкнулась с вызовом со стороны ряда недружественных стран в виде экономических санкций. Прозрачность нормативной базы и скрупулезная проработка основных положений норм таможенного права позволит четко и эффективно построить взаимодействие между таможенными органами Российской Федерации и участниками внешнеэкономической деятельности (далее — ВЭД), российскими компаниями и таможенными органами стран-участниц Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС). Цель данного исследования — это анализ правовых основ регулирования в сфере таможенной деятельности и выявление проблемных аспектов. Рабочая гипотеза основана на системе теоретико-методологических положений и научных познаний, согласно которым современные подходы к регулированию взаимоотношений между участниками процессов таможенного оформления и контроля требуют дальнейшей проработки правовых документов в сфере таможенного дела.

Материалы и методы. В ходе исследования использовались общенаучные и частнонаучные методы, в частности, метод диалектического материализма, метод системного анализа, логический метод, статистический метод и метод сравнительного правоведения.

Результаты исследования. Проведенный анализ нормативной правовой базы в сфере таможенного дела позволяет констатировать недостаточную проработку отдельных вопросов как на уровне компетенции Федеральной таможенной службы, так и в целом в рамках сотрудничества стран-участниц ЕАЭС в сфере таможенного дела.

Обсуждение и заключения. В ходе исследования выявлены следующие проблемные аспекты. Поскольку недостаточно внимания в научных кругах уделяется рассмотрению форм взаимодействия налоговых и таможенных органов Российской Федерации, акцентировано внимание на их отличительных особенностях и рекомендовано продолжить работу Федеральной таможенной службы (далее — ФТС России) и Федеральной

налоговой службы (далее — ФНС России) по созданию единого банка данных, подтверждающего совершение участниками ВЭД экспортно-импортных операций. В связи с тем, что в современных условиях особое внимание со стороны таможенных органов уделяется вопросам постконтроля в рамках проводимых камеральных проверок, выявлена потребность приведения в соответствие норм таможенного и налогового законодательства по результатам камеральных проверок. Следует доработать нормативно-правовую базу, связанную с использованием таможенной процедуры «временный ввоз (допуск)» для физических лиц, имеющих двойное гражданство, а также правовую основу предоставления участниками ВЭД дополнительно запрашиваемых документов в ходе таможенного контроля. Необходима проработка вопроса эффективного взаимодействия таможенных органов с органами по стандартизации и сертификации при предварительном таможенном декларировании. Целесообразно продолжить формирование цифрового пространства ЕАЭС, цифровых инфраструктур и внедрение передовых информационных технологий.

Ключевые слова: внешнеэкономическая деятельность, правовое регулирование в сфере таможенной деятельности, таможенные органы, таможенный контроль, цифровое пространство.

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензенту, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Бетилгириев, М. А. Правовые основы регулирования в сфере таможенной деятельности / М. А. Бетилгириев, Е. А. Филимонова, Г. И. Чекмарева // Правовой порядок и правовые ценности. — 2023. — Т. 1, № 1. — С. 69–78. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-1-69-78

Original article

Legal Framework for Regulating Customs Activity

Maula A. Betilgiriev[1], **Elena A. Filimonova**[2], **Gelera I. Chekmareva**[2, 3]

[1] Grozny State Oil Technical University named after Academician M. D. Millionshchikov, 100, Isaeva Ave., Grozny, Russian Federation

[2] Don State Technical University, 1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, Russian Federation

[3] Rostov State Transport University, 2, Rostovskogo Strelkovogo Polka Narodnogo Opolcheniya Sq., Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ lenarnd1008@mail.ru

Abstract

Introduction. At the present stage of international economic relations, the issue of efficient legal regulation of customs activity is particularly acute. Over the past few years, Russia has faced the challenge of economic sanctions on behalf of a number of unfriendly countries. Transparency of the regulatory framework and thorough elaboration of the fundamental provisions of the customs law will allow building a clear and efficient interaction between the customs authorities of the Russian Federation and the participants of the international economic activity (hereinafter - IEA), the Russian companies and the customs authorities of the Eurasian Economic Union (hereinafter - EEU) member states. The aim of this study is to analyse the legal framework for regulating customs activity and to find out the challenging aspects. The working

hypothesis relies on the system of theoretical and methodological provisions and scientific knowledge, indicating the need in further elaboration of the customs legal documentation to ensure the modern approaches regulating the relations between the customs clearance and control processes participants.

Materials and Methods. In the course of the research, general scientific and specific scientific methods were used, in particular, the method of dialectical materialism, the system analysis, logical, statistical methods and the method of comparative jurisprudence.

Results. The carried out analysis of the regulatory legal framework in the field of customs activity entitles to state the insufficient elaboration of the certain issues, both the ones falling within competence of the Federal Customs Service and the ones generally referring to cooperation with the EEU member states in the field of customs activity.

***Discussion and Conclusions*.** In the course of the study, the following problematic aspects were identified. Since insufficient attention is paid in scientific circles to studying the forms of interaction between the tax and the customs authorities of the Russian Federation, the attention is focused on their distinctive features and the recommendation is given to continue collaboration of the Federal Customs Service of Russia (hereinafter – FCS of Russia) and the Federal Tax Service of Russia (hereinafter – FTS of Russia) on creation of the unified data bank designated to testify performance of the export-import operations by the international economic activity participants. Due to the fact that under current conditions, the special attention is paid by the customs authorities to the post-control issues in the frame of the in-office audits, the need to bring the customs and tax legislation into compliance taking into account the results of the in-office audits has been identified. It is necessary to accomplish the regulatory framework enabling implementation of the customs procedure "temporary import (admission)" for individuals with dual citizenship, and to refine the legal basis for the international economic activity participants to provide the documents additionally requested during the customs control. The issue of efficient interaction between the customs authorities and the standardisation and certification authorities during the preliminary customs declaring procedure should be elaborated. It is expedient to continue formation of the EEU digital space and digital infrastructures along with implementation of the advanced information technologies.

Keywords: international economic activity, legal regulation of customs activity, customs authorities, customs control, digital space.

Acknowledgements. The authors express their gratitude to the reviewer, whose critical assessment of the materials and suggestions for their improvement have enabled the significant enhancement of the article's quality.

For citation. M. A. Betilgiriev E. A. Filimonova1, G. I. Chekmareva. Legal Framework for Regulating Customs Activity. Legal Order and Legal Values, 2023, vol. 1, no. 1, pp. 69–78. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-1-69-78

Введение. Международное сотрудничество в различных сферах общественных отношений как на межгосударственном уровне, так и с иными субъектами международного права — основной фактор благополучного существования и развития государства. В условиях происходящих глобальных процессов, которые оказывают влияние как на весь мир, так и на отдельные страны, экономика является одной из важнейших сфер международного сотрудничества. Поэтому на современном этапе международных экономических отношений особую актуальность и значимость приобретают вопросы, касающиеся правового регулирования в сфере таможенной деятельности, учитывая к тому же вызовы со стороны ряда недружественных стран в виде экономических санкций. В целях создания эффективного регулирования в рассматриваемой сфере необходимо

осуществить комплекс мероприятий, направленных на реализацию такого важнейшего документа, как Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года. С этой целью было принято Распоряжение Совета Евразийской экономической комиссии от 5 апреля 2021 г. № 4 «О плане мероприятий по реализации Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года»[1], предусматривающее в первую очередь полное устранение барьеров и максимальное сокращение изъятий и ограничений для свободного передвижения товаров, услуг, капитала и рабочей силы на внутреннем рынке Евразийского экономического союза (далее — Союз), а также совершенствование таможенного регулирования в рамках Союза, в том числе совершенствование Таможенного кодекса Евразийского экономического союза[2] (далее — ТК ЕАЭС) с учетом практики его применения.

Прозрачность нормативной базы и скрупулезная проработка основных положений норм таможенного права позволит четко и грамотно построить взаимодействие между таможенными органами РФ и участниками внешнеэкономической деятельности (далее — ВЭД), а также российскими компаниями и таможенными органами стран-участниц ЕАЭС. Одной из приоритетных задач государственных органов РФ всех уровней является максимальное смягчение воздействий санкций на бизнес, на экономику страны через методологический инструментарий, способствующий росту товарооборота России со странами ЕАЭС и дружественными странами за пределами Союза.

Вопросам правового регулирования таможенной деятельности посвящены как отечественные, так и зарубежные исследования. Значительный вклад внесли такие ученые, как О. Ю. Бакаева [1, 2], А. А. Голубь [3], Т. А. Матвеева [4], Н. Э. Очирова [5], А. И. Стахов [6], И. В. Тимошенко [7], С. О. Шохин [8] и другие.

Вместе с тем большой объем правовых вопросов регулирования в сфере таможенного дела недостаточно проработан. Проведенный анализ нормативной правовой базы в сфере таможенного дела позволяет констатировать недостаточную проработку отдельных вопросов как на уровне компетенции ФТС России, так и в целом в рамках сотрудничества стран-участниц ЕАЭС в сфере таможенного дела.

Целью исследования является анализ правовых основ регулирования в сфере таможенной деятельности и выявление проблемных аспектов.

Материалы и методы. Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся в ходе реализации правовых норм, составляющих правовые основы регулирования в сфере таможенной деятельности. Предметом исследования являются правовые нормы, регламентирующие взаимодействие таможенных органов и участников внешнеэкономической деятельности, а также материалы правоприменительной практики, в частности нормативные правовые акты ЕАЭС в сфере таможенного дела, нормативные правовые акты ФТС России и др.

Методической основой исследования явились общенаучные и частнонаучные методы познания. Метод диалектического материализма и метод системного анализа позволили изучить и проанализировать нормативные правовые акты в сфере таможенного дела. Системно-структурный метод стал средством анализа регламента деятельности и соподчиненности таможенных органов и их взаимодействия с другими федеральными государственными органами и организациями. Применение логического метода позволило сформулировать выводы, статистический метод помог провести анализ данных, отражающих динамику изменений на выбранном

[1] О плане мероприятий по реализации Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года : Распоряжение Совета Евразийской экономической комиссии от 05.04.2021 № 4. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400674454/ (дата обращения: 03.02.2023).
[2] Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) (ред. от 29.05.2019). URL: https://base.garant.ru/71652992/ (дата обращения: 03.02.2023).

отрезки времени. Метод сравнительного правоведения использовался для анализа нормативных правовых актов и сопоставления правовых статусов таможенных органов, контент-анализ способствовал анализу отдельных положений законодательных актов и научных публикаций в контексте темы исследования.

Результаты исследования. ФТС России осуществляет свою деятельность по многим направлениям, в том числе и посредством международного таможенного сотрудничества. Ключевое место занимает взаимная административная помощь. Порядок ее осуществления закреплен в ст. 373 Таможенного кодекса ЕАЭС[3]. В Таможенном кодексе ЕАЭС установлены принципы административной взаимопомощи между таможенными органами-участницами Союза. Согласно статье 4 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 03.08.2018 № 289-ФЗ (далее — Федеральный закон), «отношения в области таможенного дела в Российской Федерации регулируются международными договорами и актами в сфере таможенного регулирования, а также Договором о Союзе и законодательством Российской Федерации о таможенном регулировании»[4].

В современных реалиях большую роль играет возможность выхода государств на международную арену, в том числе посредством их прямого сотрудничества. В условиях активной интернационализации экономики взаимодействия государств представляются особенно актуальными. ФТС России создана в том числе в целях обеспечения экономических интересов России и благоприятных условий для ВЭД [9]. Во исполнение поставленных целей не последнюю роль играют международные соглашения, ратифицированные РФ, распространение правил и обычаев, принятых во внешней торговле на национальном уровне, внедрение международных стандартов безопасности и пр. Российская Федерация является крупным игроком международного рынка товаров и услуг, четко и последовательно следующая принципам международного сотрудничества и международной торговли [10].

Согласно части 1 статьи 221 Федерального закона, «таможенные органы осуществляют свои функции как самостоятельно, так и во взаимодействии с иными государственными органами»[5]. Из данной дефиниции представляется возможным сделать вывод о том, что существуют как минимум два направления взаимодействия — внутригосударственное и международное.

Законодательно закреплено, что взаимодействие ФТС России, федеральных органов исполнительной власти и коммерческих организаций (относящихся к околотаможенной инфраструктуре) направлено на повышение эффективности осуществления внешнеторговых операций. На основании вышеизложенного можно сделать вывод о значимости и актуальности сотрудничества всех участников внешнеэкономической деятельности и необходимости дальнейшего совершенствования нормативно-правовой базы в сфере таможенного регулирования внешней торговли.

Согласно плану мероприятий на период 2021 – 2024 годов по реализации Стратегии развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 23 мая 2020 г. № 1388-р[6], одним из направлений совершенствования таможенной политики РФ является обеспечение сотрудничества и взаимопомощи в таможенных делах с иностранными государствами.

---

[3] Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) (ред. от 29.05.2019). URL: https://base.garant.ru/71652992/ (дата обращения: 03.02.2023).
[4] О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ (ред. от 19.12.2022). URL: https://base.garant.ru/72005502/ (дата обращения: 03.02.2023).
[5] О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ (ред. от 19.12.2022). URL: https://base.garant.ru/72005502/ (дата обращения: 03.02.2023).
[6] Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года : Распоряжение Правительства РФ от 23.05.2020 № 1388-р. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74078959/ (дата обращения: 03.02.2023).

Таким образом, возможно второе направление взаимодействия — межгосударственное. На данный момент между ФТС России и различными органами государственной власти, иными организациями Российской Федерации заключено более 50 соглашений о взаимодействии. Кроме того, на международном уровне таможенные органы РФ сотрудничают с около 70 странами и организациями.

ФТС России занимает значимую позицию на международной арене посредством участия и активного сотрудничества в рамках ВТамО / СТС (Всемирной таможенной организации / Совет таможенного сотрудничества). Россия в 2020 году председательствовала в БРИКС. К сожалению, все усилия, направленные ФТС России в 2020 г. на активизацию взаимодействия с Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) по вопросам анализа правового инструментария ОЭСР, на приведение российской нормативно-правовой базы в соответствие с ее нормами, а также на гармонизацию подходов к ведению статистики и верификации сведений, содержащихся в базах данных ОЭСР по РФ, в настоящее время сведены к нулю. Однако работа в рамках Экономической и социальной комиссии для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО), начатая в допандемийный период, в рамках специальной рабочей группы по упрощению документооборота между такими странами, как Российская Федерация, Китайская Народная Республика, Южная Корея и Монголия, продолжает свою работу и видны уже первые результаты. Так, в частности, ФТС России опубликовала официально методические рекомендации по принятию в качестве доказательной базы экспортную таможенную декларацию с признанием особенностей ее заполнения. Это является важным шагом для поддержания добросовестных участников ВЭД, которые на протяжении нескольких десятилетий предоставляли по требованию таможенных органов таможенные декларации, оформленные на экспорт в КНР, с указанием условий поставки, отличных от указанных в контракте и товаросопроводительных документах, но при этом с указанием контрактной стоимости вывозимых товаров. Данный факт являлся причиной проведения корректировки таможенной стоимости таможенными органами РФ и доначисления таможенных платежей.

Огромная работа проводится Россией и в рамках ЕАЭС. В октябре 2022 г. в Ереване прошел Евразийский межправительственный совет, на котором присутствовали все главы правительств членов ЕАЭС. В рамках этого Совета было рассмотрено 23 вопроса, в том числе и вопросы, непосредственно затрагивающие сферу взаимной торговли и выработки стратегии международного сотрудничества и импортозамещения.

Таким образом, ФТС России успешно сотрудничает как на внутригосударственном, так и международном уровнях. Результатом такой активной деятельности является заключение массива нормативных правовых актов, используемых российскими таможенными органами в своей повседневной работе, которые образуют самостоятельный и целостный предмет исследования правового регулирования в сфере таможенного дела.

Согласно положениям статьи 221 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», «таможенные органы осуществляют свои функции самостоятельно и во взаимодействии с иными государственными органами»[7]. Рассматривая внутригосударственное сотрудничество, стоит отметить широкий спектр направлений, например, информационное взаимодействие, правоохранительное, а также совместную работу при проведении таможенного контроля.

Законодательно закреплено, что таможенные органы вправе делегировать отдельные полномочия в рамках своих компетенций другим государственным структурам. А в ряде случаев и отдельные функции таможенных

[7] О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ (ред. от 19.12.2022). URL: https://base.garant.ru/72005502/ (дата обращения: 03.02.2023).

органов могут быть переадресованы на иные федеральные органы исполнительной власти, о чем напрямую указывает законодательная база РФ. В итоге образуется массив нормативных правовых актов, регламентирующих порядок осуществления отдельных функций должностных лиц таможенных органов иными органами и организациями Российской Федерации.

Стоит отметить, что взаимодействие между ФТС России с иными органами исполнительной власти складывается исходя из схожести полномочий. В целях структуризации работы должностных лиц ФТС России отдельными соглашениями исключается дублирование определенных полномочий путем передачи их в совместное ведение. Особо отчетливо это прослеживается на примере взаимодействия ФТС России и ФНС России. Следует согласиться с мнением К. О. Семенова, что под взаимодействием налоговых и таможенных органов понимается комплекс урегулированных нормами права согласованных действий налоговых и таможенных органов, проявляющихся в различных формах их совместной деятельности и осуществляемых в целях эффективного выполнения возложенных на них функций и задач, пополнения централизованных денежных фондов государства, а также обеспечения национальной безопасности государства [11]. В таблице 1 представлен сравнительный анализ функций ФТС России и ФНС России.

Таблица 1

Сравнительный анализ функций ФТС России и ФНС России

ФТС России	ФНС России
Функции по контролю и надзору в области таможенного дела	Контроль соблюдения резидентами (за исключением кредитных и некредитных финансовых организаций) и нерезидентами валютного законодательства РФ
Функции органа валютного контроля	Налоговый контроль
Функции по проведению в части проведения проверки документов в специализированных пунктах пропуска	Контроль соответствия проводимых валютных операций, не связанных с перемещением товаров через таможенную границу Союза, с ввозом товаров в Российскую Федерацию и их вывозом из Российской Федерации, условиям лицензий и разрешений
Функции по выявлению, предупреждению и пресечению административных правонарушений	Контроль соблюдения резидентами, не являющимися уполномоченными банками, обязанности уведомлять налоговые органы по месту своего учета об открытии (закрытии, изменении реквизитов) счетов (вкладов) в банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, и представлять отчеты о движении средств по таким счетам (вкладам)

Если соотнести нормативные положения статусного характера о данных федеральных органах исполнительной власти, то прослеживаются явные черты сходства в функциональной составляющей их деятельности. У двух этих административных органов есть общее поле приложения предоставленных им распорядительных полномочий — сбор фискальных платежей. Очевидно, что и таможенные, и налоговые органы играют важнейшую роль в системе органов государственной власти, поскольку от качества выполняемой ими работы зависит пополнение бюджета.

Однако существуют и другие направления взаимодействия. В большинстве случаев оно основано на взаимодополняемости полномочий одними государственными органами другими. Например, большое значение

в пресечении отдельных категорий правонарушений и(или) преступлений имеет тесное взаимодействие таможенных органов с другими государственными органами, в первую очередь, к ним можно отнести: прокуратуру РФ, структурные подразделения Следственного комитета РФ, ФСБ России и МВД России. Непосредственно работа по взаимодействию и обмену информацией строится на основе соответствующих Соглашений, а также в рамках реализации таких межведомственных проектов, как технологические / дорожные карты.

Отдельное внимание следует уделить внутриведомственному взаимодействию ФТС России. В рамках этого направления между таможенными органами по специальной системе внутриведомственного документооборота могут направляться запросы и поручения.

Отдельный способ взаимодействия — передача отчетности по определенным направлениям. В нормативной правовой базе в сфере таможенного дела особое внимание уделяется срокам и способам предоставления отчетности отдельными категориями участников ВЭД и коммерческими организациями, непосредственно оказывающими услуги в околотаможенной сфере, а именно:

а) лицами, помещающими товар в зону таможенного контроля на временное хранение в местах временного хранения товаров;

б) лицами, поместившими товары под таможенную процедуру «таможенный склад», «свободный склад», а также лицами, получившими разрешение на ответственное хранение товаров на местах, определенных законодательством, как места временного хранения под таможенным контролем. Например, при хранении отдельных категорий товаров на складах декларанта, если товары требуют особых условий, которые невозможно создать на СВХ (живые животные или негабаритные тяжеловесные товары, при разгрузке/погрузке которых требуется специальная техника);

в) лицами, получившие разрешение на использование таких таможенных процедур, как «переработка на таможенной территории», «переработка для внутреннего потребления»;

г) владельцами: складов временного хранения, свободных складов, таможенных складов;

д) лицами, получившими статус уполномоченного экономического оператора;

е) владельцами магазинов дьюти фри, помещающими товары под таможенную процедуру «беспошлинная торговля»;

ж) лицами, владеющими и/или пользующимися товарами, имеющими статус «условно выпушенный товар»;

з) лицами, оформившими товары под таможенную процедуру «свободная таможенная зона»;

и) лицами, входящими в реестр таможенных перевозчиков на территории РФ.

Правовое регулирование взаимодействия таможенных органов РФ с государственными органами и организациями Российской Федерации представляет собой массив нормативных правовых актов, образующих законодательство о таможенном регулировании.

Таким образом, рассмотрев особенности правового регулирования взаимодействия таможенных органов с государственными органами РФ и таможенными органами ЕАЭС, следует подчеркнуть значимость организации на высоком уровне информационного взаимодействия и обмена информацией, унификации электронного документооборота между таможенными органами и участниками внешнеэкономической деятельности.

Обсуждение и заключения. Как справедливо заметил С. А. Хапилин, «существующая система таможенных органов России, обеспечившая на первоначальном этапе создание основы функционирования механизма таможенного регулирования ВЭД, в современных условиях не соответствует намеченным темпам развития информационных таможенных технологий, тем самым являясь сдерживающим фактором развития

интеграционных процессов» [12, с. 17]. Поэтому в ходе исследования были выявлены следующие проблемные аспекты. В связи с тем, что в современных условиях особое внимание со стороны таможенных органов уделяется вопросам постконтроля в рамках проводимых камеральных проверок, выявлена потребность приведения в соответствие норм таможенного и налогового законодательства по результатам камеральных проверок. Необходима дальнейшая работа ФТС России и ФНС России по созданию единого банка данных, подтверждающего совершения участниками ВЭД экспортно-импортных операций. Следует доработать нормативно-правовую базу, связанную с использованием таможенной процедуры «временный ввоз (допуск)» для физических лиц, имеющих двойное гражданство. Требует доработки нормативно-правовая база в сфере таможенного дела, регламентирующая порядок единовременного предоставления участниками ВЭД дополнительно запрашиваемых документов в ходе таможенного контроля. Необходима проработка вопроса эффективного взаимодействия таможенных органов с органами по стандартизации и сертификации при предварительном таможенном декларировании. Современные подходы к регулированию взаимоотношений между участниками процессов таможенного оформления и контроля, требуют дальнейшей проработки правовых документов в сфере таможенного дела. Целесообразно продолжить формирование цифрового пространства ЕАЭС, цифровых инфраструктур и внедрение передовых информационных технологий [13, 14].

Список литературы

1. Бакаева, О. Ю. Основные направления применения цифровых методов и технологий в таможенной сфере: правовые вопросы / О. Ю. Бакаева, А. В. Устинова // Вопросы экономики и права. — 2019. — № 2 (128). — С. 27–39.

2. Бакаева, О. Ю. Правовые аспекты таможенного администрирования: понятие и признаки / О. Ю. Бакаева // Государство и право. — 2009. — № 11. — С. 94–98.

3. Голубь, А. А. Правовой статус таможенных органов на современном этапе / А. А. Голубь // Таможенное дело. — 2006. — № 4. — С. 2–7.

4. Матвеева, Т. А. Таможенное право : учеб. пособие для вузов / Т. А. Матвеева. — Москва: Юрайт, 2021. — 224 с.

5. Очирова, Н. Э. Международное таможенное право: учеб. пособие для вузов / Н. Э. Очирова, А. В. Зубач. — Москва: Юрайт, 2019. — 298 с.

6. Стахов, А. И. Административное право России: учеб. пособие для вузов / А. И. Стахов. — Москва: Юрайт, 2021. — 484 с.

7. Тимошенко, И. В. Таможенное право России : учеб. пособие / И. В. Тимошенко; под ред. Б. В. Россинского. — Ростов-на-Дону, 2001. — 512 с.

8. Шохин, С. О. Взаимодействие таможенных и правоохранительных органов при расследовании и раскрытии налоговых преступлений / С. О. Шохин // Налоги. — 2018. — № 4. — С. 24–27.

9. Сошников, Р. А. Правовое регулирование внешнеэкономической деятельности : учеб. пособие / Р. А. Сошников. — Самара, 2019. — 76 с.

10. Скурко, Е. В. Принципы права: моногр. / Е.В. Скурко. — Москва, 2008. — 189 с.

11. Семенов, К. О. Правовое регулирование взаимодействия налоговых и таможенных органов в Российской Федерации (финансово-правовой аспект) : дис. … канд. юрид. наук / К. О. Семенов. — Саратов, 2020. — 246 с.

12. Хапилин, С. А. Развитие Евразийской экономической интеграции на основе модернизации механизма таможенного регулирования : дис. … д-ра экон. наук / С. А. Хапилин. — Ростов-на-Дону, 2015. — 510 с.

13. Ермилов, И. С. Передовые информационные технологии в таможенном деле / И. С. Ермилов, Г. В. Игнатьева // Информационная безопасность регионов. — 2016. — № 1 (22). — С. 31–35.

14. Аксенов, И. А. Информационные технологии в таможенной деятельности : учеб.-практ. пособие / И. А. Аксенов. — Владимир, 2019. — URL: https://dspace.www1.vlsu.ru/bitstream/123456789/8385/1/01984.pdf (дата обращения: 03.02.2023).

Поступила в редакцию 05.02.2023.

Поступила после рецензирования 20.02.2023.

Принята к публикации 01.03.2023.

Об авторах:

Бетилгириев Маула Абдурахманович, профессор кафедры «Экономика и управление на предприятии» Грозненского государственного нефтяного технического университета имени академика М. Д. Миллионщикова (364051, РФ, г. Грозный, пр-кт Хусейна Исаева, 100), доктор экономических наук, профессор, ORCID, betilgiriev@mail.ru

Филимонова Елена Александровна, доцент кафедры «Теория и история государства и права» Донского государственного технического университета (344003, РФ, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), кандидат юридических наук, доцент, ORCID, lenarnd1008@mail.ru

Чекмарева Гэлера Ибрагимовна, профессор кафедры «Мировая экономика и международные экономические отношения» Донского государственного технического университета (344003, РФ, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), профессор кафедры «Логистика и управление транспортными системами» Ростовского государственного университета путей сообщения (344038, РФ, г. Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, 2), доктор экономических наук, профессор, ORCID, g.chekmareva@gmail.com

Заявленный вклад соавторов:

М. А. Бетилгириев — формирование основной концепции, определение цели и методологии исследования. Е. А. Филимонова — анализ результатов исследования, подготовка текста, корректировка выводов. Г. И. Чекмарева — методология исследования, подготовка текста, выводы.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342
https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-1-79-89

Цель и эффективность государственного управления в области охраны и использования животного мира: правовые ценности административного права

С. В. Иванова
Оренбургский институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50
✉ servis-05@list.ru

Аннотация

Введение. В соответствии с государственной политикой Российской Федерации в сфере экологического развития сохранение биоразнообразия провозглашается одним из условий обеспечения охраны окружающей среды и экологической безопасности. Животный мир является неотъемлемой частью биологического разнообразия и соответственно является одним из условий решения задач и достижения целей экологически ориентированного развития. При этом основами национальной экономической политики в качестве рисков экономического развития названо установление избыточных экологических требований. Таким образом, охрана окружающей среды не является абсолютной ценностью, и экологические требования должны устанавливаться на уровне, не препятствующем экономическому росту. Цель исследования состоит в анализе объективной и субъективной природы цели правового регулирования и эффективности государственного управления в области охраны и использования объектов животного мира. Для достижения указанной цели осуществлено формулирование понятия и выделение особенностей целей правового регулирования как правовой ценности административного права.

Материалы и методы. В статье методологическая основа представлена совокупностью философских, общенаучных и частнонаучных (анализ, синтез, конкретно-исторический, логический метод и др.) методов познания.

Результаты исследования. Основными результатами исследования являются формулирование доктринального определения цели правового регулирования в области фаунистических правоотношений, а также разработка критериев оценки эффективности государственного управления в сфере охраны и использования объектов животного мира.

Обсуждение и заключения. Область применения статьи — образовательная деятельность юридических вузов и факультетов и деятельность органов исполнительной власти субъектов РФ. Разработанные автором в ходе научного исследования предложения и рекомендации предлагается использовать в качестве теоретической

основы для проведения и организации научных проектов в сфере государственного управления охраны и использования животного мира.

Ключевые слова: государственное управление, правовые ценности, животный мир, правовое регулирование, эффективность, интересы, потребности.

Благодарности. Автор выражает благодарность рецензенту, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Иванова, С. В. Цель и эффективность государственного управления в области охраны и использования животного мира: правовые ценности административного права / С. В. Иванова // Правовой порядок и правовые ценности. — 2023. — Т. 1, № 1. — С. 79–89. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-1-79-89

Original article

The Purpose and Efficiency of State Governance in the Area of Protection and Use of the Animal World: Legal Values of Administrative Law

Svetlana V. Ivanova

Orenburg Institute (branch) of O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 50, Komsomolskaya St., Orenburg, Russian Federation

✉ servis-05@list.ru

Abstract

Introduction. In accordance with the Russian Federation state policy on environmental development, the preservation of biodiversity is declared one of the conditions for ensuring environmental protection and environmental safety. The animal world is an integral part of biological diversity and, accordingly, is one of the essentials for solving the tasks and achieving the goals of pro-ecological development. At the same time, according to the basic principles of the national economic policy, the establishment of excessive environmental requirements is determined as the risk for the economic progress. Thus, environmental protection is not an ultimate value and environmental requirements should be set at the level that does not hinder the economic growth. The study aims to analyse the objective and subjective nature of the purpose of legal regulation and the administrative law efficiency in the area of protection and use of the animal world objects. To reach the above aim the definition of concept and distinguishing the features of the purposes of legal regulation, as the legal value of the administrative law, was made; the same as the specification of the legal support efficiency criteria of the animal world objects' protection and use.

Materials and Methods. The methodological framework used in the article includes a set of philosophical, general scientific and specific scientific methods of cognition (analysis, synthesis, concrete historical, logical method, etc.).

Results. The main result of the study is provision of the doctrinal definition of the purpose of legal regulation of faunal legal relationships and the evaluation criteria of the state governance efficiency in the area of protection and use of the animal world objects.

Discussion and Conclusions. The article is useful for educational activity of law universities and faculties and for the activity of executive authorities of the subjects of the Russian Federation. The proposals and recommendations developed by the author in the course of research are advised to be used as the theoretical basis for conducting and organising the scientific projects on the topic of state governance in the area of protection and use of the animal world.

Keywords: state governance, legal values, animal world, legal regulation, efficiency, interests, needs.

Acknowledgements. The author expresses gratitude to the reviewer, whose critical assessment of the materials and suggestions to improve thereof, to a large extent helped to enhance the quality of the article.

For citation. S. V. Ivanova. The Purpose and Efficiency of State Governance in the Area of Protection and Use of the Animal World: Legal Values of Administrative Law. Legal Order and Legal Values, 2023, vol. 1, no. 1, pp. 79–89. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-1-79-89

Введение. В соответствии с государственной политикой Российской Федерации в сфере экологического развития сохранение биоразнообразия провозглашается одним из условий обеспечения охраны окружающей среды и экологической безопасности. Животный мир является неотъемлемой частью биологического разнообразия и соответственно является одним из условий решения задач и достижения целей экологически ориентированного развития. При этом основами национальной экономической политики в качестве рисков экономического развития названо установление избыточных экологических требований. Таким образом, охрана окружающей среды не является абсолютной ценностью, и экологические требования должны устанавливаться на уровне, не препятствующем экономический рост. Такие политические ориентиры создают новые параметры правового регулирования экологических отношений в целом и сохранения биоразнообразия в частности, в рамках которых экономические интересы должны быть сбалансированы с экологическими и иными публичными интересами.

Для обеспечения устойчивого управления в области сохранения животного мира должны быть разработаны и утверждены действующим законодательством научно обоснованные пределы использования животного мира, которые приобретают правовой статус юридических критериев устойчивого управления. При этом действующее национальное законодательство не закрепляет показатели эффективности государственного фаунистического управления. Особое значение в этой ситуации приобретает разработка показателей эффективности государственного управления и определение особенностей их реализации относительно объектов животного мира на территории России.

Материалы и методы. Методологическая основа представлена совокупностью философских, общенаучных и частнонаучных методов познания. Научное исследование основывается на философских идеалах и ценностях, включая правовое государство, обеспечение реализации правовых мер в целях достижения баланса публичных интересов. Данная методология включает исследование генезиса и состояния разработанности темы, применение метода догматической обработки и толкования действующего законодательства в области охраны и использования объектов животного мира.

Результаты исследования. В настоящее время правовые ценности включают в себя новое содержание, поскольку зависят от изменяющихся социальных, экономических, политических факторов. Поэтому они приобретают новый динамичный характер. По мнению С. В. Михайлова, к правовым ценностям отнесены

правовые цели и средства их достижения, которые в свою очередь выполняют роль юридических норм [1].

Для более углубленного изучения проблемы правовых ценностей необходимо провести их классификацию, что позволит «достичь онтологическую сущность права, определить место ценностей права в структуре иных социальных ценностей» [2, с. 190]. В соответствии с положениями утилитарно-потребностной концепции, правовые ценности обусловлены интересами людей и их потребностями [3]. Представители рассматриваемой концепции отмечают, что к критериям оценки права следует отнести интересы и потребности граждан, «идеально осознанные и переработанные как принципы, цели и идеалы» [4, с. 130]. По мнению Н. Неновски, правовые ценности изначально формируются в правосознании, затем закрепляются в законе и только потом объективируются в правовом поведении. В итоге автор выделяет следующие правовые цели: ценности-цели и ценности-средства. Именно с помощью них обеспечивается достижение поставленных целей. Напротив, А. Н. Бабенко выделяет среди правовых ценностей только ценности-цели и относит их к абсолютным правовым ценностям. Только ценности-цели имеют общие для всех высшее значение [5]. С точки зрения С. Н. Лебедева, среди правовых ценностей следует выделить ценности-идеалы, ценности-цели и ценности-средства [6].

По мнению Р. Иеринга, цель является творческой силой целого права, «нет правового положения, которое не было бы обязано своим происхождением какой-либо цели» [7, с. 12]. Значение цели как правовой ценности определяется ее свойством определять сущность процесса правового регулирования, приоритетные направления развития государства и права. В пределах процесса правового регулирования каждому действию предопределяется цель, которая позволит достичь определенного результата и, соответственно, удовлетворить потребности общества.

Согласно мнению Л. Д. Чулюкина, в идеальном виде цель предопределяет будущую ценность. Это значит, что необходимо осуществить оценку самой цели, а именно, определить, отражаются в ней интересы и потребности общества и «насколько моделируемая в цели будущая ценность способна содействовать их достижению» [8, с. 86]. Именно данную точку зрения рассматривают в качестве критерия эффективности юридической нормы. С данной позицией автора следует согласиться, поскольку ценности и эффективность юридических норм напрямую зависят от точного и полного отражения интересов и потребностей общества. В юридической литературе отмечается, что такие правовые ценности указываются «уже не просто как желаемое, значимое, а служат одним из важнейших факторов устойчивости общественной системы» [9, с. 31].

С точки зрения современной философии и юриспруденции, цель как правовую категорию следует рассматривать в тесной взаимосвязи с мышлением человека и социальной практикой, поскольку «ничто не делается без сознательного намерения, без желаемой цели» [10, с. 305]. На субъективный характер цели указывает в своих работах И. С. Кон. Автор считает, что любая цель предопределяет субъекта, «иначе мы скатимся на позиции телеологии» [11, с. 87]. Следует согласиться с мнением ученого, поскольку у человека сначала формулируется цель, а потом он же обеспечивает результат с помощью правовых, идеологических и других средств. В связи с этим, цель можно определить как субъективное понятие, так как «действительность отражена в цели специфически, в ее субъективном осмыслении, всегда связанном с определенной оценкой реальности с позиции человеческих потребностей» [12, с. 41]. С объективной точки зрения, цель возникает исходя из сложившихся в обществе интересов и потребностей. Следовательно, необходимо учитывать, что любая цель формируется под влиянием субъективных и объективных факторов.

Анализ научных взглядов ученых по вопросу эффективности управления позволил сделать вывод о комплексности и многоаспектности рассматриваемого понятия. Так, эффективность управления определяется:

– «как уровень достижения целей» [13, с. 3];

– как возможность средства правового характера воздействовать на общественные отношения посредством правовой нормы и содействовать достижению цели [14];

– как особенность юридической нормы разрешать экономические, правовые и социальные проблемы с учетом мер государственного воздействия [15].

Тем самым, понятие эффективность включает в себя следующие категории: «потребности», «результат», «цель», «способность», «соотношение», «степень» [16, с. 57].

В соответствии с действующим законодательством, устойчивое использование, устойчивое существование и сохранение генетического фонда объектов животного мира является целями правового регулирования и как основной ориентир для настоящего и будущего поколений. Указанные цели правового регулирования имеют качественный характер, поскольку они воздействуют на определение показателей их эффективности. Формулирование показателей эффективности целей правового регулирования, по справедливому мнению Ю. А. Тихомирова, обусловлены определенными целями юридических норм. Данные показатели рассматриваются в «количественном выражении в единицах, переведенных в операциональное определение» [13, с. 3]. С позиции широкого междисциплинарного значения, эффективность следует определить как соотношение цели, результата и использованных ресурсов [17]. В связи с этим, цель и эффективность рассматриваются как взаимообусловливающие элементы.

В юридической литературе сформулированы существенные признаки правовой цели. Среди них: цель закрепляется государством в юридических нормах в качестве четкой модели поведения; отражает приоритетные интересы общества и государства; носит неперсонифицированный характер; обеспечивается силой государства; реализуется посредством правовых средств [12].

Опираясь на теоретические положения по вопросам изучения отличительных признаков цели, необходимо рассмотреть отдельные особенности, которые присущи целям правового регулирования в области охраны и использования объектов животного мира.

Во-первых, цели правового регулирования направлены на отражение интересов государства и общества. К числу основных причин и условий возникновения цели следует отнести потребность, как первоначальный этап создания цели. Весь процесс осознания потребности как необходимости: чего либо, определяется как своеобразный этап создания цели. С точки зрения С. С. Алексеева, цели включают в себя приоритетные публичные интересы и потребности [18]. В итоге, закрепленные в Федеральном законе «О животном мире»[1], нормы о необходимости сохранения исторического ареала для воспроизводства объектов животного мира, поддержания биоразноообразия, обеспечения устойчивого существования отражают публичные интересы. Взаимодействие общественных и государственных интересов в сфере использования и охраны объектов животного мира имеет приоритетное экологическое и социальное содержание. Данное содержание включает в себя факторы устойчивого, стабильного развития и функционирования государства и общества. Конвенция о биологическом разнообразии[2] также указывает на осознание необходимости сохранения биоразнообразия объектов животного мира, на повышение численности популяций диких животных в естественной среде обитания, на обязательность применения принципа устойчивого использования. Следует отметить, что и судебная практика направлена на осознание значимости публичных интересов по устойчивому использованию и

[1] О животном мире : Федеральный закон от 24.04.1995 № 52-ФЗ (ред. от 11.06.2021). URL: https://base.garant.ru/10107800/ (дата обращения: 03.02.2023).

[2] Конвенция о биологическом разнообразии (Рио-де-Жанейро, 5 июня 1992 г.) // СЗ РФ. 1996. № 19. Ст. 2254.

сохранению охотничьих ресурсов. Так, судом был удовлетворен иск прокурора Беляевского района Оренбургской области в полном объеме по защите государственных и экологических интересов. Исковые требования были предъявлены о возмещении ущерба, причиненного вследствие незаконной добычи объектов животного мира[3].

Тем не менее, важным является механизм и условия реализации поставленных целей. Поэтому закрепление устойчивого существования и использования в качестве основного приоритета еще недостаточно. Рассматриваемые цели в данной ситуации превращаются в популистские лозунги, в «благие пожелания государства» [19, с. 39]. Действительно, установление на законодательном уровне комплекса организационных, экономических, экологических, правовых мер будет недостаточно для достижения результата. Необходимо закрепить в механизм реализации подобные меры. В частности, посредством реализации экономических, правовых и иных мер возможно обеспечить экологический баланс в природе через увеличение численности популяции диких животных и их сохранение. Действительно, даже если закрепить в законодательстве комплекс правовых, экономических, организационных мер, но при этом не предусмотреть механизм их реализации, результат не будет достигнут. Обеспечение экологического баланса в природе посредством поддержания численности диких животных и охраны среды их обитания является именно тем результатом, который получается посредством реализации правовых и иных мер.

Во-вторых, устойчивое использование и устойчивое существование определены законодателем как модели поведения для участников правоотношений в области охраны и использования объектов животного мира. В данной ситуации только государство определяет тот юридический ориентир, к которому должны стремиться и следовать субъекты фаунистических правоотношений. Отсюда цель правового регулирования в рассматриваемых правоотношениях носит нормативных характер.

В-третьих, цель достигается посредством комплекса различных способов. В частности, устойчивое использование и существование диких животных обеспечивается посредствам экономических, организационных и правовых мер. При условии отсутствия правового механизма рассматриваемых мер правового обеспечения, можно констатировать факт обесценивания значения цели.

Многими авторами в юридической культуре обосновывается понятие «цель в праве». Данное понятие означает, что установленная законодателем цель не достигает своего результата. По справедливому мнению, Д. А. Керимова, понятие «цель в праве» необходимо рассматривать как переходный этап от возможности к реальности. С точки зрения автора, до тех пор, пока процесс не реализовался на практике, подобная действительность может не наступить [20]. М. М. Бринчук считает, что «важным моментом является не только закрепление цели, но и формирование механизма реализации мер по сохранению природы» [21, с. 5]. Следовательно, для обеспечения государственного управления в сфере охраны и использования объектов животного мира определяются правовые, организационные и экономические меры, посредством которых достигается экобаланс в природе. К подобным мерам относятся: определение мер юридической ответственности, установление запретов, ограничений и другие меры правового обеспечения. Поэтому устойчивое использование объектов животного мира носит общеобязательный характер. Именно государство определяет обязательную модель поведения участников фаунистических отношений для достижения результатов. В результате отклонения субъектами правоотношений в области охраны и использования диких животных от установленной законом

[3] Решение Беляевского районного суда Оренбургской области от 10.01.2014 по делу № 2-648/2013 М-653/2013 2-30/2014(2-648/2013) // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). URL: http://sudact.ru/regular (дата обращения: 03.02.2023).

модели поведения, принимаются меры государственного принуждения. В итоге цели правового регулирования в области охраны объектов животного мира можно определить как основанные на нормах международного законодательства, закрепленные национальным законодательством, обеспеченные мерами государственного принуждения модели поведения участников правоотношения, достижение которых реализуется с помощью правовых, организационных, экономических мер и направленная на установление публичных интересов.

Главным инструментом оценки эффективности государственного управление в области охраны и использования объектов животного мира является набор индикаторов. Индикатором является показатель, который опирается на исходные данные. С позиции отдельных авторов, данный показатель не рекомендуют применять для объяснения изменений, которые позволяют говорить о состоянии или изменении экономических, социальных или экологических аргументов [22].

Особенность и специфика отношений в рассматриваемой сфере правового регулирования предопределяется сложностью показателей и критериев оценки эффективности. Для всесторонней оценки эффективности государственного фаунистического управления применяют отдельные критерии, посредством которых формулируют положения об эффективности действий субъектов фаунистических правоотношений.

С точки зрения Г. В. Атаманчука, к числу критериев и показателей эффективности относятся грани, признаки и состояние проявления управления «анализируя которые возможно определять фактор и состояние управления, его соотношение основным потребностям и интересам граждан и общества» [23, с. 480]. По мнению В. Г. Игнатова и Л. Н. Албастовой, показатели эффективности указывают качество, характерное для конкретного процесса, явления, с помощью которых они отличаются друг от друга. Ряд других авторов высказывают мнение о том, что критерии эффективности устанавливают количественные показатели [24]. Таким образом, определение критериев эффективности государственного фаунистического направления можно обозначить как приоритетное направление практической деятельности, которое в свою структуру включает количественные и качественные показатели, направленные на обеспечение баланса публичных интересов.

В юридической литературе отсутствует единство мнений по вопросу о показателях эффективности. Наряду с многообразием доктринальных позиций законодателем также не сформулировано единообразное мнение по вопросу о критериях эффективности государственного фаунистического управления. В частности, Указом Президента РФ[4] был изменен перечень показателей для оценки эффективности работы органов исполнительной власти субъектов РФ. Для реализации рассматриваемого Указа Президента РФ было принято Постановление Правительства РФ[5], нормами которого устанавливаются методические указания по расчетам показателей оценки эффективности государственных органов субъектов РФ. При этом вопрос об оценке эффективности деятельности данных органов до настоящего времени не урегулирован. Данный вопрос по-прежнему остается дискуссионным. Многие положения о показателях, индикаторах эффективности рассматриваются на доктринальном и практическом уровнях [25].

Согласно ряду документов стратегического планирования в области рыбного хозяйства, высокие административные барьеры и бюрократические ограничения отнесены к числу основных проблем. Эти обстоятельства препятствуют быстрому развитию рыбного хозяйства и сдерживают устойчивое ведение

[4] Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации : Указ Президента РФ от 25.04.2019 № 193 // СЗ РФ. 2019. № 17. Ст. 2078.

[5] Об утверждении методик расчета показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации, а также о признании утратившими силу некоторых актов Правительства РФ : Постановление Правительства РФ от 17.07.2019 № 915 // СЗ РФ. 2019. № 30. Ст. 4301.

деятельности в данной отрасли. В результате наблюдаются низкие показатели эффективности государственной деятельности в сфере рыбного хозяйства. Поскольку в документах стратегического планирования отсутствуют показатели критериев эффективности, то и осуществить оценку эффективности Стратегии развития рыбного хозяйства Российской Федерации на период до 2030 года[6] не представляется реальной и возможной [26]. Исследователи Н. Г. Жаворонкова и Г. В. Выпханова также обращают внимание на отсутствие закрепленных критериев оценки выполненных положений документов стратегического планирования. К сожалению, отсутствие критериев оценки не позволяет всесторонне дать положительную или отрицательную оценку деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ, которые реализовывали положения соответствующих документов в сфере охраны и использования объектов животного мира. Также представляется сложным оценить результат, достигнутый в итоге реализации подобных документов [27].

В целях увеличения численности популяции охотничьих ресурсов с сохранением экосистем и обеспечения доступности граждан для осуществления охоты разработан также ряд документов стратегического планирования[7]. Для достижения указанных целей, необходимо развитие предпринимательства в области охотничьего хозяйства, поддержание видового разнообразия популяций охотничьих ресурсов в экосистемах и реализация приоритетных направлений в рассматриваемой сфере правового регулирования. Законодатель устанавливает показатели эффективности целей, закреплённых в документах стратегического планирования[8]. В частности, для оценки эффективности функции планирования в области использования и сохранения объектов животного мира используют следующие критерии: «доля площади охотничьих угодий в субъекте РФ; число охотничьих хозяйств; показатели проверок государственных проверок государственного фаунистического надзора; ведение процесса естественного воспроизводства объектов животного мира» [28, с. 269]. Перечисленные обстоятельства относятся к числу критериев, определяющих экологическую составляющую оценки эффективности. Одновременно наблюдается отсутствие экономических и социальных факторов оценки деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ. На данное обстоятельство указывается в доктрине административного права [29]. Подобный узкий подход не дает возможности достигнуть поставленных задач, поскольку отсутствует комплексный подход, основанный на балансе экологических, экономических и социальных интересов. Односторонний подход также противоречит сущности устойчивого использования объектов животного мира [30]. Анализ рассмотренных критериев, закрепленных в документах стратегического планирования, свидетельствует о несовершенстве методических указаний по оценке эффективности деятельности органов государственной власти и требует совершенствования.

Наряду с экологическими критериями необходимо разрабатывать социальные показатели эффективности государственного управления. На это обстоятельство обращает внимание Г. В. Атаманчук, указывая на их важное значение, раскрывающее результаты организации системы государственного управления. По справедливому мнению автора, социальные критерии позволяют определить взаимодействие органов государственного управления и общества посредством согласованности и разрешения конфликтов [23]. Безусловно, важным является обеспечить баланс интересов государства и общества. Уровень активности граждан в процессе обсуждения, принятия решений по вопросам охраны и использования объектов животного мира «является

---

[6] Об одобрении Концепции развития рыбного хозяйства Российской Федерации на период до 2020 года : Распоряжение Правительства РФ от 02.09.2003 № 1265-р // СЗ РФ. 2003. № 36. Ст. 3557.
[7] Об утверждении Стратегии развития охотничьего хозяйства в Российской Федерации до 2030 года : Распоряжение Правительства РФ от 03.07.2014 № 1216-р // СЗ РФ. 2014. № 28. Ст. 4107.
[8] Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Воспроизводство и использование природных ресурсов» : Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 322 (ред. от 18.12.2021). URL: https://base.garant.ru/70640950/ (дата обращения: 03.02.2023).

определяющим в оценке эффективности государственного фаунистического управления» [31, с. 121]. Ряд авторов отмечает, что деятельность органов государственной власти следует признать эффективной только тогда, когда будут активно и своевременно решать вопросы по защите интересов общественности в целом и каждого человека в частности [32].

На необходимость применения социального критерия указывается в Орхусской конвенции[9]. Согласно нормам Конвенции, национальное законодательства должно быть направлено на обеспечение открытости деятельности органов исполнительной власти для контроля со стороны граждан и их объединений. При этом основная задача органов государственной власти заключается в том, чтобы реализовать на практике интересы общества. Однако решения общественности должны оцениваться в соответствии с поддающимися измерению критериями для предотвращения злоупотребления полномочиями государственных органов.

Для оценки эффективности любой деятельности необходимо соотнести результат с целями, закрепленными в действующем законодательстве. Если целевой уровень повышен, то можно говорить об отличном результате. Если цель достигла эффекта, то результат хороший. Результат плохой при не достижении поставленной цели. Некоторые авторы в юридической литературе выделяют неожиданный результат, который сложно предвидеть [33].

В результате осуществления различных функций важно обеспечить баланс экономических и социальных интересов государства и граждан. Одновременно, эффективность государственного фаунистического управления определяется посредством узкого подхода с использованием только экологических показателей. При этом социальные и экономические показатели не принимаются во внимание или учитываются редко. В итоге, обеспечение государственного управления в области охраны и использования объектов животного мира существующими мерами осуществляется неполно. Следовательно, поставленные законодателем меры не достигают своего результата. Поэтому предлагается использовать для оценки эффективности государственного управления в области охраны и использования объектов животного мира следующие доктринальные критерии:

1) уровень численности диких животных, нормативы допустимого изъятия, число исчезающих видов диких животных от общего числа видового разнообразия объектов животного мира;

2) поддержание биобаланса между элементами экосистемы, регулирование численности объектов отдельных популяций, состояние экосиситемы;

3) состояние среды обитания, способность объектов животного мира к естественному воспроизводству и устойчивому существованию;

4) объем расходов на финансирование программ по экологическому воспитанию и образованию, размер инвестиций на проведение научных работ, процент занятости местного населения в процессе охраны и использования животного мира.

Реализация предлагаемых доктринальных критериев эффективности позволит обеспечить баланс основных задач Конвенции устойчивого развития. В частности, положения Конвенции закрепляют устойчивое использование, сохранение и справедливое распределение финансовых выгод от использования объектов животного мира.

Обсуждение и заключения. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что на практике эффективность правового обеспечения охраны и использования объектов животного мира определяется только

[9] Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды (Орхус, 25 июня 1998 г.). URL: https://base.garant.ru/2570739/ (дата обращения: 03.02.2023).

посредством экологических показателей без учета социальных и экономических показателей эффективности. Отсюда можно сделать вывод о том, что правовое обеспечение охраны и использования объектов животного мира происходит не в полной мере, а значит цели, определенные законодателем, не достигаются. Учитывая отсутствие единой системы критериев эффективности правового обеспечения охраны и использования объектов животного мира в доктрине административного и природоресурсного права, предлагается решить поставленную задачу посредством разработки доктринальных критериев, основанных на теоретических положениях, закрепляющих устойчивое использование биологического разнообразия в течение длительного времени.

Список литературы

1. Михайлов, С. В. Правовые ценности: теоретико-правовой аспект : дис. … канд. юрид. наук / С. В. Михайлов. — Москва, 2011. — 200 с.

2. Цинцадзе, Н. С. Классификация и иерархия правовых ценностей в теории права / Н. С. Цинцадзе // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2014. — № 2 (130). — С. 189–194.

3. Рабинович, П. М. Социалистическое право как ценность / П. М. Рабинович. — Львов, 1985. — 167 с.

4. Неновски, Н. Право и ценности / Н. Неновски. — Москва, 1987. — 245 с.

5. Бабенко, А. Н. Правовые ценности и освоение их личностью : дис. … д-ра юрид. наук / А. Н. Бабенко. — Москва, 2002. — 395 с.

6. Лебедев, С. Н. Теория ценности и ценности права: история и методология / С. Н. Лебедев // История государства и права. — 2011. — № 21. — С. 6–10.

7. Иеринг, Р. Избранные труды / Р. Иеринг. — Самара, 2003. — 618 с.

8. Чулюкин, Л. Д. Природа и значение цели в советском праве / Л. Д. Чулюкин. — Казань, 1984. — 104 с.

9. Макаров, М. Г. Категория «цель» в марксистской философии и критика телеологии / М. Г. Макаров. — Ленинград, 1977. — 188 с.

10. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. — Москва, 1961. — Т. 21. — 745 с.

11. Кон, И. С. Обсуждение вопроса об основном экономическом законе феодализма / И. С. Кон // Вопросы истории. — 1954. — № 4. — С. 87–95.

12. Малько, А. В. Цели и средства в праве и правовой политике / А. В. Малько, К. В. Шундиков. — Саратов, 2003. — 293 с.

13. Тихомиров, Ю. А. Эффективность закона: от цели к результату / Ю. А. Тихомиров // Журнал российского права. — 2009. — № 4. — С. 3–9.

14. Шмалий, О. В. К вопросу и правовой природе критериев эффективности исполнительной власти / О. В. Шмалий // БИЗНЕС В ЗАКОНЕ. — 2010. — № 1. — С. 154–156.

15. Черногор, Н. Н. Правовой мониторинг: актуальные проблемы теории и практики : моногр. / под ред. Н. Н. Черногора. — Москва, 2010. — 232 с.

16. Шаргородский, М. Д. Наказание, его цели и эффективность / М. Д. Шаргородский. — Москва, 1973. — 160 с.

17. Рысина, Е. П. Значение цели с точки зрения эффективности правовых норм / Е. П. Рысина // Современное право. — 2011. — № 1. — С. 3–5.

18. Алексеев, С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения / С. С. Алексеев. — Москва : НОРМА, 2001. — 752 с.

19. Шундиков, К. В. Цели и средства в праве (общетеоретический аспект) : дис. ... канд. юрид. наук /

К. В. Шундиков. — Саратов, 1999. — 182 с.

20. Керимов, Д. А. Философские проблемы права / Д. А. Керимов. — Москва, 1972. — 471 с.

21. Бринчук, М. М. Экологическое право в правовой системе / М. М. Бринчук // Астраханский вестник экологического образования. — 2013. — № 1 (23). — С. 4–20.

22. Тарасова, Н. Т. Индексы и индикаторы устойчивого развития / Н. Т. Тарасова, Е. Б. Кручина. — URL: http://www.cawater-info.net/ecoindicators/pdf/tarasova_kruchina.pdf (дата обращения: 10.12.2022).

23. Атаманчук, Г. В. Теория государственного управления: курс лекций / Г. В. Атаманчук. — Москва : Омега-Л, 2005. —579 с.

24. Игнатов, В. Г. Теория управления: учеб. пос. / В. Г. Игнатов, Л. Н. Албастова. — Москва ; Ростов-на-Дону : МарТ, 2010. — 478 с.

25. Ivanova, S. V. Legal Problems Concerning Implementation of Sustainable Ecotourism in Russia / S. V. Ivanova // Problemy Ecorozwoju. — 2021 — Vol. 16 (2). — P. 209–216.

26. Ivanova, S. V. Role of public in protection and of wildlife: problems and solutions. Russian Federation, Trans-Baical territory, Republic of Armenia, Georgia, Kazakhstan / S. V. Ivanova // Actualidad Juridica Ambiental. — 2021. — No. 115. — P. 12–36.

27. Выпханова, Г. В. Государственная экологическая политика и документы стратегического планирования / Г. В. Выпханова, Н. Г. Жаворонкова // Экологическое право. — 2016. — № 3. — С. 24–29.

28. Ivanova, S. V. Economic Incentive Mechanisms for the Protection and Use of Biological Diversity in the Russian Federation / S. V. Ivanova // Environmental Policy and Law. — 2020. — Vol. 50(3). —P. 269–277.

29. Андреев, М. Н. Федеральная государственная политика в сфере охоты и охотничьего хозяйства / М. Н. Андреев, Н. В. Краев, В. Н. Краева // Экологическое право. — 2013. — № 3. — С. 27–33.

30. Игнатов, В. Г. Кадровое обеспечение государственной службы / В. Г. Игнатов, В. А. Сулемов, А. И. Радченко, А. И. Ивлев. — Ростов-на-Дону, 1994. — 207 с.

31. Ivanova, S. V. Indicators of sustainable use of wildlife: Problems of formation and implementation in the Russian Federation / S. V. Ivanova // Problemy Ecorozwoju. — 2020. — Vol. 15 (2). — P. 121–130.

32. Ivanova, S. V. Sustainable Use of Wildlife Indicators: Formation and Implementation Issues in the Russian Federation / S. V. Ivanova // Environmental Claims Journal. — 2018. — Vol. 30. — Issues 3. — July 3. — P. 237–250.

33. Тихомиров, Ю. А. Правовое регулирование: теория и практика / Ю. А. Тихомиров. — Москва : Формула права, 2008. — 400 с.

Поступила в редакцию 05.02.2023.
Поступила после рецензирования 20.02.2023.
Принята к публикации 20.02.2023.

Об авторе:

Иванова Светлана Витальевна, и.о. заведующего кафедрой теории государства и права Оренбургского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) (460000, РФ, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50), доктор юридических наук, доцент, ORCID, servis-05@list.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.15

https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-1-90-101

Россия как государственно-правовая и теоретико-историческая категория

Г. Г. Небратенко[1, 2, 3], С. В. Студеникина[1]

[1] Донской государственный технический университет, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1

[2] Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83

[3] Таганрогский институт управления и экономики, Российская Федерация, г. Таганрог, ул. Петровская, 45

✉ gennady@nebratenko.ru

Аннотация

Введение. Обеспечение правового порядка и культивирование правовых ценностей является сложным многогранным процессом, требующим сосредоточения усилий государства, общества и личности, которые интегрируются в емком термине «обеспечение национальной безопасности», редакционно дополняемом в юридических науках до категории «правовое обеспечение национальной безопасности». На пути к достижению задач, направленных на соблюдение национальных интересов, не существует малозначительных или несущественных проблем, равно как до сих пор не сформулирован перечень мер по их достижению, которые могут быть признаны исчерпывающими. Поэтому в предложенной научной статье исследованы проблемы, имеющие непосредственное отношение к терминологии, используемой в наименовании государства «Россия» в государственно-правовом и теоретико-историческом смыслах. Кроме того, затрагиваются вопросы, связанные с использованием государственного герба, гимна и флага как официальных государственных символов Российской Федерации, правовой статус которых регулируется федеральным законодательством, а также международными нормативными правовыми актами. Применение на практике вышеобозначенных символов имеет непосредственное отношение к такому признаку государства, как правовой суверенитет, в части, касающейся его визуального и фонетического демонстрирования на международной арене, а также внутри государства. Отношение к государственным символам и трактовка наименования государства являются маркером правового статуса страны, ее фактических возможностей на мировой арене, а также отношения собственного народа и иностранных граждан к России как цивилизационному, культурному и государственно-правовому феномену. Поэтому для повышения эффективности правового обеспечения национальной безопасности целесообразна детализация правового статуса государственных и национальных символов России. Цель данного исследования заключается в государственно-правовом и теоретико-историческом изучении вербального и визуального обозначения Российской Федерации как суверенного субъекта международного права.

Материалы и методы. В настоящей научной статье исследованы актуальные проблемы обеспечения национальной безопасности, сопряженные с вербальным, фонетическим, а также нейролингвистическим обозначением России как суверенного субъекта международного права. Использованы формально-юридический, историко-правовой и конкретно-исторический методы, а также политико-правовой метод осуществления юридических исследований.

Результаты исследования. Доказано, что конституционно-правовая норма о тождественности категорий «Россия» и «Российская Федерация» на уровне научной доктрины не имеет однозначно тождественного смыслового содержания, и первая категория по отношению ко второй относится как общее и частное. Авторами обращено внимание, что «Российская Федерация» как наименование государства, сформировавшегося в 1918–1991 гг., не является единственной этимологической разновидностью, используемой для обозначения Российского государства. Термин «Россия» является греческой интерпретацией категории «Русь», в исторической и историко-правовой доктрине конкретизированный до формы «Древняя Русь». Поэтому к первым памятникам права обоснованно относится «Русская Правда», а также упоминавшийся в договорах с Византией «Закон Русский». Одновременно обращается внимание на необходимость ужесточения мер, направленных на пресечение фактов некорректного, тем более оскорбительного отношения к наименованию Российского государства, а также к официальным государственным символам. К таким случаям, по мнению авторов, относится участие граждан Российской Федерации в международных соревнованиях, где демонстрируются государственные символы иностранных государств в статусе «нейтральных атлетов». Лишение России суверенного права официальной демонстрации государственных символов является незаконным, не должно допускаться ни при каких обстоятельствах под угрозой отказа в участии в дискриминирующих многонациональный российский народ мероприятиях его официальных представителей. Кроме того, само участие спортсменов из России в «нейтральном статусе» по умолчанию является согласием с применением незаконных дискриминирующих государство мер русофобской направленности. В настоящее время такое участие не является нарушением законодательства Российской Федерации, но, очевидно, неэтично и непатриотично, но в дальнейшем законодатель может изменить отношение к соответствующему «проступку».

Обсуждение и заключения. Выявлены проблемы государственно-правового и теоретико-исторического характера, связанные с закрепившимся в правосознании представлением о категориях «Россия» и «Российская Федерация». Задача конкретизации на уровне доктрины содержания этих понятий решена в полном объеме, что позволяет уточнить объективное представление как о государствогенезе, так и современном уровне развития российской государственности, а также миссии Отечества на международной арене.

Ключевые слова: Россия, Российская Федерация, наименование государства, государственные символы, национальная безопасность, ксенофобия, русофобия, борьба с политическим экстремизмом.

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензенту, чья положительная оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали углублению смыслового наполнения научной статьи.

Для цитирования. Небратенко, Г. Г. Россия как государственно-правовая и теоретико-историческая категория / Г. Г. Небратенко, С. В. Студеникина // Правовой порядок и правовые ценности. — 2023. — Т. 1, № 1. — С. 90–101. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-1-90-101

Original article

Russia as the State-Legal and Theoretical-Historical Category

Gennady G. Nebratenko[1, 2, 3], Svetlana V. Studenikina[1]

[1] Don State Technical University, 1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, Russian Federation

[2] Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 83, Eremenko St., Rostov-on-Don, Russian Federation

[3] Taganrog Institute of Management and Economics, 45, Petrovskaya St., Taganrog, Russian Federation

✉ gennady@nebratenko.ru

Annotation

Introduction. Ensuring the legal order and fostering the legal values constitute the complex multifaceted process requiring concentration of efforts on behalf of the state, society and personality, all integrated in an overarching term "provision of national security", that is being supplementary edited in legal sciences into the category "legal provision of national security". There are no minor or insignificant problems on the way to achieving the objectives aimed at respecting the national interests, the same as not yet compiled is the list of measures considered exhaustive enough to achieve them. In the present scientific article the problems directly referring to the terminology used in the name of the state "Russia" are investigated in the state-legal and theoretical-historical sense. In addition, the issues related to the use of the state emblem, anthem and flag as official state symbols of the Russian Federation, the legal status of which is regulated by the federal legislation and the international regulatory legal acts, are addressed. The use of the above symbols in practice refers directly to such an attribute of a state as the legal sovereignty in terms of its visual and phonetic demonstration on the international arena and within the state. The attitude to the state symbols as well as the interpretation of the name of the state are the markers of the legal status of the country, its actual capacities on the world arena and attitude of its own people and foreign citizens towards Russia as a civilisational, cultural and state-legal phenomenon. Thus in order to increase the efficiency of the legal provision of the national security, it is expedient to detail the legal status of the state and the national symbols of Russia. The aim of this study is to carry out the state-legal and theoretical-historical research of the verbal and visual designation of the Russian Federation as a sovereign subject of the international law.

Materials and Methods. This scientific article investigates the topical problems of the national security provision in correlation with the verbal, phonetic and neuro-linguistic designation of Russia as a sovereign subject of the international law. The legalistic, the historical-legal and the concrete-historical methods, as well as the political-legal method of juridical research have been used.

Results. It has been proved that the constitutional-legal norm stating the identity of the categories "Russia" and "Russian Federation" does not have a completely identical semantic meaning at the level of scientific doctrine and the former refers to the latter as the general to the specific. The authors draw attention to the fact that the name "Russian Federation" being the name of the state formed in 1918-1991 is not the only etymological variant of denoting the Russian state. The term "Russia" is a Greek interpretation of the category "Rus", which has been specificated as "Ancient Rus" in the historical and historical-legal doctrine. Therefore the “Russkaya Pravda (Russian Truth)” is entitled to be referred to the first monuments of law, as well as the "Zakon Russkij (Russian Law)" mentioned in the treaties with Byzantium. At the same time, attention is paid to the need to toughen the measures preventing cases of incorrect or, not to mention it, offensive attitude to the name of the Russian state, as well as to the official state symbols. According to the authors, participation of the Russian Federation citizens in the status of "neutral athletes" in the international competitions, where the state

symbols of foreign states are demonstrated corresponds to such cases. Depriving Russia of the sovereign right to officially demonstrate the state symbols is illegitimate and should not be permitted in any circumstances under the threat of refusal of the official representatives from participation in the events where the multinational Russian people is discriminated against. Moreover, the very participation of athletes from Russia in the "neutral status" is regarded "by default" as a consent with implementation of the illegitimate Russophobically tended measures discriminating against the state. At present, such participation is not considered to be a violation of the Russian Federation legislation, but it is obviously unethical and unpatriotic, but in future the law-makers may change the qualification of the respective "misdeed".

Discussion and Conclusions. The state-legal and theoretical-historical type of problems related to understanding of the categories "Russia" and "Russian Federation" fixed in the legal consciousness have been revealed. The objective to specificate the meaning of these notions at the level of a doctrine has been fully achieved, which enables to clarify the unbiased understanding of the state genesis as well as the current level of development of the Russian statehood and the mission of the Fatherland on the international arena.

Keywords: Russia, the Russian Federation, the name of the state, state symbols, national security, xenophobia, Russophobia, fight against political extremism.

Acknowledgements. The authors express their gratitude to the reviewer, whose critical assessment of the materials and suggestions for their improvement contributed to significant enhancement of the quality of the article.

For citation. G. G. Nebratenko, S. V. Studenikina. Russia as the State-Legal and Theoretical-Historical Category. Legal Order and Legal Values, 2023, vol. 1, no. 1, pp. 90–101. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-1-90-101

Введение. Этимология термина «Россия» имеет многогранное гуманитарное объяснение. В исследованиях по истории, культурологии, политологии, психологии, социологии, филологии, философии и юриспруденции термин «Россия» обозначает государство, имеющее международное влияние и более 1000-летнюю историю, являющееся постоянным членом Совета Безопасности ООН, обладающее одной из двух сильнейших армий мира с ядерным вооружением и его носителями в любую точку мира. Данные обстоятельства, невзирая на закрепленный в международном праве принцип суверенного равенства государств, детерминирует особую роль Российской Федерации в урегулировании международных отношений, которая присуща двум–трем современным государствам. По этим причинам любые константы, связанные с искомым субъектом международного права, относятся к сфере национальных и международных интересов, подлежат правовому урегулированию, в том числе статус наименования «Россия», являющийся одним из символов государства[1].

С учетом того, что наименование государства имеет филологическое нейролингвистическое влияние на правосознание, запрет на участия спортсменов из России и Белоруссии в официальных международных соревнованиях и их приглашение как «нейтральных атлетов» обусловлено попыткой «отменить Россию» на идеологическом и психологическом уровне, вычеркнув из правового сознания как «аморальную и нелицеприятную». В дополнение к этому на национальном уровне допускается неуместное использование наименования государства, как и официальных государственных символов с коммерческой целью. Продавать

[1] Об утверждении Правил включения в фирменное наименование юридического лица официального наименования «Российская Федерация» или «Россия», а также слов, производных от этого наименования : Постановление Правительства Российской Федерации от 03.02.2010 № 52 (ред. от 03.12.2022). URL: https://www.garant.ru/hotlaw/federal/229932/ (дата обращения: 02.02.2023).

флаг России или его реплику едва ли сочетаемо с представлением о Родине и ее героях–защитниках, умиравших под национальными стягами, даже перед Днем Победы в Великой Отечественной войне, равно как вызывает недоумение принадлежность локальных брендов «Россия — щедрая душа», шоколад «Российский», используемый кондитерской фабрикой «Россия», принадлежавшей швейцарской фирме «Нестле». Проблема, вовсе, состоит не в том, что Швейцария находится в «Перечне недружественных стран[2], но любая упаковка товара после его употребления подлежит мусорной утилизации, в том числе обертка шоколада с надписью «Россия — щедрая душа». Поэтому фривольное отношение к названию страны как национальной святыне нельзя признать несущественным, поскольку в случае с оберткой товара «Россия…» выбрасывается в корзину, причем, просто так, согласно требованиям обращения граждан с мусором.

Само по себе название государства представляет общегуманитарную и правовую ценность, и оно, естественно, используется в Конституции Российской Федерации, где закреплена тождественность наименований «Россия» и «Российская Федерация»[3], ставшая детерминантой национальной правовой идеологии. Данная норма, зафиксированная в пункте 2 статьи 1 главы 1 «Основы конституционного строя», зародилась на закате существования РСФСР, была призвана закрепить представление о распаде общесоюзной государственности. В постсоветской реальности «под Россию» отводилась крупнейшая, но единственная республика, что закрепляло утрату иных субъектов Союза ССР, в прежние времена являвшихся единой Россией (страной). В данном ключе Леонидом Кучмой, возглавлявшим одну из постсоветских республик в 1994–2005 гг., была издана книга под броским наименованием «Украина — не Россия» [1].

Между тем настойчивая постановка вопроса об атомизации «общероссийской государственности» как следствие деконструкции общесоюзной — не учитывала мнение миллионов русских и русскоязычных граждан, считавших русскую культуру родной, для которых бывшие союзные республики являлись местом коренного проживания в «единой стране». Большинство соотечественников 17 марта 1991 г. на Всесоюзном референдуме СССР высказались за сохранение общесоюзной государственности, но с их мнением не посчитались, значит, события, происходившие в декабре 1991 г., имели антидемократический характер, причем конституционная оценка событий 1988–1991 гг. актуальна не только для научной доктрины, но и юридической практики.

К настоящему времени конституционно-правовая норма о тождественности «Российской Федерации» и «России» морально устарела, что предопределяется пунктом 1 статьи 67.1 главы 3 «Федеративное устройство. В действующей редакции правовой нормы закреплено правопреемство Российской Федерации от Союза ССР на своей территории, а также за границей государства в контексте продолжения правосубъектности в международно-правовых отношениях. Действительно Российская Федерация имеет государственно-правовую преемственность от Советского Союза, но и он в свое время оказался продолжателем Российской империи, сформированный в результате стремления многих народов к политическому, социально-экономическому и культурному единству [2]. Поэтому Российская Федерация расплачивалась по кредитным обязательствам, возникшим в период существования и Российской империи, и Союза ССР, а международные партнеры признавали преемство в финансово-экономической сфере, значит, и политической[4].

---

[2] Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 05.03.2022 № 430-р (ред. от 29.10.2022). URL: https://base.garant.ru/403615676/ (дата обращения: 02.02.2023).

[3] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 02.02.2023).

[4] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Французской Республики об окончательном урегулировании взаимных финансовых и имущественных требований, возникших до 9 мая 1945 года (Париж, 27 мая 1997 г.). URL: https://base.garant.ru/2556786/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/ (дата обращения: 03.02.2023).

Правовому статусу государственных символов, в том числе в филологическом и фонетическом выражении посвящены различные научные исследования. Теоретический вклад в изучение связанных с ним правовых ценностей внесли Г. С. Працко [3], Т. В. Шатковская [4], С. П. Федоренко [2], при этом проблематику обеспечения правового порядка рассматривали А. В. Варданян, Е. В. Безручко, С. Н. Назаров, А. И. Овчинников, Т. А. Фетисов [5] и другие авторы.

Материалы и методы. В настоящей научной статье используются методы конкретно-исторического компаративистского анализа сущности государственно-правовой и теоретико-исторической детерминированности России как уникального феномена во всемирной истории государства и права со времени средневековья до сегодняшнего дня. Авторами проведено исследование конституционно-правовых норм Российской Федерации, связанных с формально-юридической природой официального наименования государства, а также его исторической преемственностью от Союза ССР и Российской империи, на уровне доктрины — от Русского царства, Московского великого княжества и от Древней Руси.

Метод логического анализа библиографической базы непосредственно сопряжен с историко-правовой методологией, дающей представление о причинах формирования современного российского государства и права, связанных с субъективными и объективными факторами хронологической действительности на различных стадиях ее развития. Кроме того, важное место отводится политико-правовой методологии, в том числе в публичной деятельности органов исполнительной власти, использованием которой обосновывается закрепленное в Конституции Российской Федерации отождествление категорий «Россия» и «Российская Федерация», причем последнее наименование государства размещено раньше первого, хотя и зафиксирована позиция об их тождественности. Кроме того, в научной статье анализируется нормативный договор 1997 г. — Соглашение между Россией и Францией, в котором закреплено обязательство по выплатам долгов, накопленных еще Российской империи, причем обеспечение денежными средствами было осуществлено в конце XX в. (по царским долгам). Этот факт сам по себе означает, что правопреемство от нашего государства вне зависимости от монархической или республиканской формы правления имеет официальное международное признание.

Нормативно-правовую базу настоящей научной статьи составляют следующие акты:

- Конституция Российской Федерации[5];
- Постановление Правительства Российской Федерации от 03.02.2010 № 52 (ред. от 03.12.2022) «Об утверждении Правил включения в фирменное наименование юридического лица официального наименования «Российская Федерация» или «Россия», а также слов, производных от этого наименования»[6];
- Распоряжение Правительства Российской Федерации от 05.03.2022 № 430-р (ред. от 29.10.2022) «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц»[7];
- Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Французской Республики об окончательном урегулировании взаимных финансовых и имущественных требований, возникших до 9 мая

[5] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 02.02.2023).

[6] Об утверждении Правил включения в фирменное наименование юридического лица официального наименования «Российская Федерация» или «Россия», а также слов, производных от этого наименования : Постановление Правительства Российской Федерации от 03.02.2010 № 52 (ред. от 03.12.2022). URL: https://www.garant.ru/hotlaw/federal/229932/ (дата обращения: 02.02.2023).

[7] Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 05.03.2022 № 430-р (ред. от 29.10.2022). URL: https://base.garant.ru/403615676/ (дата обращения: 02.02.2023).

1945 года (Париж, 27 мая 1997 г.)[8].

Искомые правовые акты позволяют получить объективное представление о существовании формально-юридического тождества Российской Федерации и России, которое входит в противоречие с научной доктриной на уровне истории и логики, поскольку категория «Россия» шире, чем «Российская Федерация». Очевидно, что каждое упоминание о Российской Федерации является упоминанием о России, но не каждое упоминание о России относится к Российской Федерации, например, может быть присуще Российской империи, что указывает на «логическую коллизионность» положения, закрепленного в статье 1 Конституции Российской Федерации (п. 2).

Научно-теоретическое рассмотрение проблематики обозначения отечественной государственности актуально в связи с тем, что вместе с официальными государственными символами составляет комплекс правовых ценностей, лежащих в основе правосознания российского общества. Ненадлежащее отношение к данным ценностям, тем более их осквернение, нередко допускаемое за пределами Российской Федерации, является серьезным правонарушением, требующим правовой оценки со стороны компетентных органов. Поэтому рассмотрение конституционно-правовых норм в настоящей статье продолжено анализом некоторых подзаконных актов, касающихся сути объекта и предмета научного исследования.

Результаты исследования. С точки зрения логики, категории «Россия» и «Российская Федерация» не могут быть тождественными, поскольку из более чем тысячелетней истории образования Древней Руси только чуть более ста лет существует федеративная государственность. В 1918 г. была принята Конституция РСФСР, а остальные годы Отечество имело унитарное устройство. Россия возникла в 863 г., а Российская Федерация в данной форме — в 1991 г., и экстраполяция на последнюю исторического прошлого за пределами 1918 г. представляется фикцией, актуальной во время деконструкции Союза ССР в качестве скрепы складывавшейся политической реальности с прошлым, но не более того. Хотя, исследуя историю государства и права России, изучают в определенный период государственный и общественный строй, например, Польши [6] и Финляндии [7], поскольку эти субъекты международного права длительное время входили в состав Российского государства (Российской империи, но не Федерации). Российская империя прекратила существование в результате трех революций начала XX в., не была дегуманистическим государством, а навязываемая извне демонизация призвана сформировать на уровне правосознания неблагоприятный облик государства в русле «Россия — тюрьма народов, а император — тюремщик одной трети земного шара» [8]. Тем более, что в настоящее время общеизвестно о финансировании революционных организаций из-за границы, в первую очередь — Великобритании, Германии и Японии, в том числе занимавшихся террористической деятельностью.

Аналогичным образом Союз ССР был деконструирован вовсе ни по причине того, что не смог существовать как социалистическое государство, прозванное Рональдом Рейганом «империей зла». Русофобия в западном политическом этикете столетиями культивировалась как явление психопатологического характера, являясь разновидностью ксенофобии, в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. выразившейся в физическом уничтожении населения на оккупированной территории Советского Союза. В геноциде соотечественников виновны представители немецкого нацизма и фашистских государств, отчасти Великобритании и США, перечеркнувшие ограничивающий Веймарскую Германию обременительный Версальский мир 1919 г. и ссудившие в 1933–1939 гг. доллары для предвоенного «экономического чуда» Адольфа Гитлера. Преступления против человечества, мира и безопасности были осуждены на Нюренбергском процессе, но действия

[8]Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Французской Республики об окончательном урегулировании взаимных финансовых и имущественных требований, возникших до 9 мая 1945 года (Париж, 27 мая 1997 г.). URL: https://base.garant.ru/2556786/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/ (дата обращения: 03.02.2023).

«коллективного Запада» в Ираке, Сирии, Ливии и Югославии, на Украине, в Грузии, Прибалтике, допускавшиеся в конце XX – начале XXI вв., заслуживают пристального внимания правоохранительных органов Российской Федерации и международного сообщества [9]. В этой связи также отрицательной оценки заслуживает политика США и Великобритании, а также их сателлитов, связанная с введением незаконных экономических ограничений в отношении России и некоторых ее партнеров [10].

Дело в том, что ксенофобия для Западной Европы — обычное явление: в Средневековье в отношении евреев и греков; в последнем случае в адрес Византии и Православной церкви. Византия являлась единственной наследницей Древнего Рима после падения Западно-Римской империи в 476 г., а православные не признавали верховенства римско-католического понтифика, до сих пор осуществляя суверенную религиозную политику как следствие разрыва в 1054 г. с Римско-католической церковью [5]. В 988 г. Древняя Русь, благодаря великому князю Владимиру, приняла православие. После падения Византийской империи в 1453 г. Московское великое княжество взяло на себя ее культурную миссию, при этом глава государства стал защитником христиан, что в совокупности было концептуализировано в «Послании старца Елеазарова монастыря Филофея великому князю Василию III» [11].

Название нашего государства «Россия» греко-византийского происхождения (произношения), естественным образом подменившее коренное наименование «Русь», хотя между собой оба термина синонимичны, что актуализируется возможностью применения исторического метода в современном правотворчестве [4]. Произошла замена благодаря священнослужителям, прибывшим из Византии после крещения восточных славян, когда церковь взяла на себя функцию обучения грамоте, заодно и хранения архивов, распространения кириллического алфавита. Значимую роль в принятии греко-византийской культуры сыграл великий князь Иван III, женившийся на племяннице последнего византийского императора Софии Палеолог, принесшей с собой «золотого двуглавого орла» как государственный герб, а заодно императорский дипломатический протокол, создав условия для провозглашения концепта «Москва — третий Рим и четвертому не бывать!» [12].

Между тем появление категории «Русь» как первоначального наименования государства связано с харизматичной персоной Рюрика, как первого из многих отечественных правителей, твердой волей и здравым рассудком спаявших многоголосый облик Российского государства, что детерминировало патернализм как особую форму взаимодействия русского народа и общенационального лидера, в настоящее время с многонациональным народом Российской Федерации. С братьями Синеусом и Трувором, с дружиной и дружинниками Рюрик стал «первым русским» в Новгородской земле, куда племенные вожди–князья Славии пригласили варягов на правление [13]. «Повесть временных лет» сохранила также имена князя–регента Олега при малолетнем Игоре, старших дружинников Аскольда и Дира, с целью самовольного правления в Киеве покинувших соплеменников русско-варяжского происхождения. Князь Олег завершил начатый Рюриком процесс зарождения Русского государства, и в результате восточнославянские племена, признававшие великокняжескую власть Рюриковичей, стали русскими народом [14].

Дело в том, что в этнонимах и топонимах восточных славян отсутствует местная терминология с корнем «рус», зато она встречается на южном побережье Балтийской моря, до XII в. называвшегося Варяжским [15], где проживали балтийские славяне, утратившие идентичность в результате Вендского и Северных крестовых походов, проходивших в XII-XV столетиях. Объединения союзов племен бодричей, лютичей, поморян (кашубов) и руянов, не смогли отстоять своего суверенитета, подверглись «онемечиванию» и насильственному принятию католицизма, другие погибли в борьбе, оказались уничтожены из-за верности языческой вере, славянскому языку и обычаям. Иные были вынуждены эмигрировать как мифологизированный предок династии Романовых — Иван

Камбилла Дивонович, «вышедший на Русь из пруссов» в начале XIV столетия [16]. Ведь «догерманская Пруссия» являлась местом расселения западных славян–язычников. Крестовые походы против славян, а вместе с ними против литовцев, также длительное время исповедовавших язычество, являются постыдным пятном в истории Западной Европы. Многие современники предпочли бы об этом забыть, не принеся извинений, а также то, что Первый крестовый поход в Палестину начался с погрома в Рейнской долине, где в 1096 г. были разорены и сожжены тысячи евреев. Благодаря талантам Александра Невского и храбрым его последователям русский народ отстоял политический суверенитет и наименование государства, национальную ментальность и культуру. В отличие от балтийских жителей, русские исповедовали христианство, а крестоносцы являлись носителями ксенофобской идеологии не только по отношению к иудеям, мусульманам и язычникам, но и к православным христианам, этим объясняются истоки русофобии. Военно-политическое противостояние России с «рыцарями» происходило до окончания Ливонской войны (1558-1583), затем продолжалось конфликтами со Шведским королевством, завершившимся в 1809 г. вхождением в состав Российской империи Финляндского великого княжества, в рамках которого на правах автономии произошло становление правовой и политической культуры самодостаточной Суоми [17]. Аналогичные «крестовые походы против варваров славян» были взяты на вооружение и предпринимались Наполеоном Бонапартом и Адольфом Гитлером, возомнившим, что Россия владеет европейскими землями и недрами не по праву.

Правовое мышление в русле «крестовых походов» по отношению к России никуда не делось в XXI столетии, и со сменой поколений, помнивших злодеяния «воинства христова» и его позорные поражения, возрождается вновь. В XX–XXI столетии к культивации русофобской идеологии подключились США и «младоевропейские государства», часть которых имеет западнославянские корни (Польша, Чехия и Словакия) [7]. Впрочем, русофобия как разновидность ксенофобии вне зависимости от численности ее респондентов является экстремисткой идеологией, сопряженной с преступлениями в виде геноцида (этноцида), прежде осужденными на Нюрнбергском процессе. Поэтому политические режимы, использующие в официальной политике концепты русофобии, автоматически приобщаются к фашизму. В результате как ответная мера в России возобладает представление о том, что защита национальных интересов является не правом, а обязанностью государства, общества и личности, направленной на сохранение русского народа, идентичности, правового менталитета и культуры, чтоб передать Отечество потомкам более сильным, чем получили современники от предков. В решении данной задачи непосредственно задействуется юридическая наука.

Обсуждение и заключения. На уровне доктрины следует признать, что категории «Российская Федерация» и «Россия», хотя отождествлены в Конституции Российской Федерации, в общегуманитарной области, в первую очередь истории и логике, не являются равнозначными. Термин «Россия» имеет «видовое значения» по отношению к ряду разновидностей: Русь, Московское великое княжество, Русское царство, Российская империя, Союз ССР или Российская Федерация. Обозначенное утверждение не имеет нормативно-правовых последствий, но может учитываться на уровне стратегий и концепций в настоящее время, а на государственно-правовом уровне и в будущем. В современности Россия выполняет масштабную международную и национальную миссию, связанную с установлением заслона экстремистским ксенофобским воззрениям (нацизму и фашизму), и цивилизационное влияние понятия «Отечество», пожалуй, шире понятия Российская Федерация. Однако единственной этимологическим тандемом, который подлинно может быть выверенным и правильным, является сочетание «Русь — Россия». Иные возникшие в результате исторического развития государства более сложные наименования одновременно персонифицируют и характеризуют форму государства, поэтому не являются универсальными для отождествления с категориями «Русь» и «Россия».

Вопросы, связанные с правовым регулированием статуса названия Российского государства и официальных государственных символов (герб, гимн, флаг) в отечественном законодательстве проработаны должным образом. Однако в дальнейшем может потребоваться их детализация, связанная с ненадлежащим использованием или запретом «государственных святынь» нашего Отечества «недружественными странами» или юридическими лицами, находящимися в их юрисдикции. Кроме того, любой запрет на демонстрацию государственных символов России на международных мероприятиях, где официально используются государственный герб, гимн и флаг других стран, должен на национальном нормативно-правовом уровне означать запрет на участие граждан Российской Федерации в таких мероприятиях. Ужесточение законодательства в данной части может быть обосновано тем, что запрет на использование государственных символов является первым шагом к «отмене России» в целом как субъекта международного права, причем вместе с тысячелетней историей и культурой [10].

Россию первоначально планируют запретить на уровне правосознания (нейролингвистическом и визуальном), а в дальнейшем уничтожить на тотальном уровне (по примеру Византии или Югославии как ее «культурного прообраза»), чего допустить нельзя. Высказывания официальных политических деятелей «стран коллективного Запада» говорят об этом красноречиво, например, слова главы МИД ФРГ Анналены Бербок на заседании Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ): «Мы ведем войну против России, а не друг против друга…» [19]. Для борьбы с русофобией следует использовать не только дипломатию и вооруженные силы, но и нормотворческие механизмы, тем самым законодатель может внести свой вклад в обеспечение национальной безопасности России. Поэтому для повышения эффективности правового обеспечения национальной безопасности целесообразна детализация правового статуса государственных и национальных символов, а также разработка правового механизма по неукоснительному обеспечению защиты национальных святынь, в первую очередь самой России!

Список литературы

1. Кучма, Л. Д. Украина — не Россия / Л. Д. Кучма. — Москва : Время, 2004. — 559 с.

2. Федоренко, С. П. Трансформация российской имперской государственности в проект «СССР»: геополитический аспект / С. П. Федоренко // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР) : материалы XIX Междунар. науч.-теор. конф. : в 2 ч. (Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2022 г.). — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. — Ч. 1. — С. 142–146.

3. Працко, Г. С. Правовые ценности в структуре современной постполитики коллективного Запада / Г. С. Працко // Модернизация российского общества и образования: новые экономические ориентиры, стратегии управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров : сб. тр. конф. (Таганрог, 15-16 апреля 2022 г.). — Таганрог : Таганрогский институт управления и экономики, 2022. — С 604–607.

4. Шатковская, Т. В. Применение исторического метода как непременное условие действенности современного законотворчества / Т. В. Шатковская // Историко-правовая наука в условиях современных социальных трансформаций: сборн. науч. ст. по итогам Всероссийского форума историков права (Санкт-Петербург, 10–11 июня 2022 г.). — Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2022. — С. 96–105.

5. Овчинников, А. И. Государство и его правопорядок с точки зрения христианского богословия / А. И. Овчинников, Т. А. Фетисов // Философия права. — 2021. — № 3 (98). — С. 20–26.

6. Трояк, И. С. Издания по истории России в Царстве Польском (1815-1915) / И. С. Трояк // Книжное дело в России в XIX – начале XX века: сб. науч. тр. Выпуск 18. — Санкт-Петербург : Российская национальная

библиотека, 2016. — С. 163–173.

7. Бурков, В. Г. К истории геральдики и вексиллологии Великого княжества Финляндского / В. Г. Бурков // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. — 2006. — № 7. — С. 334–339.

8. Кюстин, А. Россия в 1839 году / Астольф де Кюстин; [пер. с фр. В. Мильчиной, И. Стаф]. — Москва: ТЕРРА, 2000. — Т. 1. — 637 с.

9. Верлуп, С. В. Некоторые военно-политические концепции Запада как демонстрация государственной политики определения военных угроз миру и международной безопасности / С. В. Верлуп // Гуманитарные проблемы военного дела. — 2018. — № 2 (15). — С. 18–24.

10. Veinbender, T. L. The Impact of the Sanctions Regime on the Transport and Logistics Activities in Russia / T. L. Veinbender, P. G. Kolupaeva // Regional Economics: Theory and Practice. — 2017. — Vol. 15. — No 2 (437). — P. 296–302.

11. Из истории русской гуманистической мысли : хрест. / [сост., авт. вступ. ст. и примеч. А. Ф. Малышевский]. — Москва : Просвещение, 1999. – 270 с.

12. Ларионов, В. Е. Цветовая символика гербового двуглавого орла в свете идейной парадигмы «Москва — Третий Рим» / В. Е. Ларионов // Культурное наследие России. — 2017. — № 4. — С. 12–20.

13. Исаев, И. А. История государства и права России : полн. курс лекций / И. А. Исаев. — Москва : Юрист, 1994. — 447 с.

14. Небратенко, Г. Г. Славянское происхождение Древнерусского государства // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. — 2016. — № 1. — С. 18–23.

15. Гильфердинг, А. Ф. История балтийских славян : в трех частях с прил. / А. Ф. Гильфердинг ; Ин-т российской истории Российской Акад. наук. — Москва: Русская панорама; Санкт-Петербург: Русско-Балтийский информ. центр «Блиц», 2013. — 702 с.

16. Жданова, С. В. Династия Романовых: тайны и истина / С. В. Жданова // Молодой ученый. — 2016. — № 23 (127). — С. 377–379.

17. Поляков, Ю. А. Финляндская автономия в Российской империи / Ю. А. Поляков // Вопросы истории. — 2008. — № 8. — С. 94–99.

18. Ильин, А. Русофобия в Польше / А. Ильин // Информационные войны. — 2019. — № 2(50). — С. 52–59.

19. Глава МИД ФРГ Бербок признала, что страны Европы ведут войну против России / Российская газета. 24.01.2023: [сайт]. — URL: https://rg.ru/2023/01/24/glava-mid-frg-berbok-priznala-chto-strany-evropy-vedut-vojnu-protiv-rossii.html (дата обращения: 06.02.2023).

Поступила в редакцию 10.02.2023.

Поступила после рецензирования 27.02.2023.

Принята к публикации 02.03.2023.

Об авторах:

Небратенко Геннадий Геннадиевич, профессор кафедры «Процессуальное право» Донского государственного технического университета (344003, РФ, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), профессор кафедры теории государства и права Ростовского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации (344015, РФ, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83), профессор кафедры уголовного права и процесса Таганрогского института управления и экономики (347900, РФ, г. Таганрог, ул. Петровская, 45),

доктор юридических наук, профессор, ORCID, gennady@nebratenko.ru

Студеникина Светлана Викторовна, заведующая кафедрой «Процессуальное право» Донского государственного технического университета (344003, РФ, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), кандидат юридических наук, доцент, ORCID, stud.svetlana@yandex.ru

Заявленный вклад соавторов:

Г. Г. Небратенко — формирование основной концепции, методология исследования, подготовка текста, формирование выводов. С. В. Студеникина — анализ результатов исследования, доработка текста, корректировка выводов.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

УДК 349.6

https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-1-102-114

Научная статья

Актуальные проблемы перехода к «зеленой» экономике в строительстве, промышленности и на транспорте: правовой аспект[1]

А. Я. Рыженков[1], **А. Н. Садков**[2]

[1] Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова,
Российская Федерация, г. Элиста, ул. Пушкина, 11

[2] Волгоградский государственный университет, Российская Федерация, г. Волгоград, пр-кт Университетский, 100

✉ 4077778@list.ru

Аннотация

Введение. Важнейшая задача перехода к «зеленой» экономике применительно к России означает, в первую очередь, разработку последовательной стратегии движения к этой цели. Поэтому для начала необходимо определить основные направления приложения экономических, правовых, организационных и иных усилий. Сам по себе переход к «зеленой» экономике не предполагает каких-либо концептуальных прорывов (в отличие, например, от концепции устойчивого развития). Это означает, что экологизации должны подвергнуться все основные сферы жизнедеятельности человека, включая промышленность, строительство, транспорт и т.д. Цель — исследование современного правового регулирования охраны окружающей среды в промышленности, транспорте и в сфере строительства, выявление проблем и перспектив совершенствования законодательства в целях определения направлений их дальнейшей экологизации и уточнения стратегии перехода России к «зеленой» экономике. Задачами исследования являются рассмотрение особенностей перехода России на стандарты «зеленой» экономики применительно к трем сферам жизнедеятельности человека, выявление современного правового регулирования данной деятельности.

Материалы и методы. В статье использованы общепринятые в России методы научного познания: общенаучные (диалектический метод) и частнонаучные (анализ, синтез, конкретно-исторический, логический метод и др.).

Результаты исследования. Основным результатом исследования является систематизация современных экологических проблем в сфере промышленности, транспорта и строительства, обсуждение основных направлений их экологизации как одного из условий перехода России на стандарты «зеленой» экономики.

Обсуждение и заключения. Область применения статьи — научно-образовательная деятельность, совершенствование российского экологического законодательства. Выводы исследования состоят в том, что для перехода России к «зеленой» экономике требуется экологизация всех секторов экономики. Однако в настоящий момент внедрение в них новых экологических требований идет неравномерно. В связи с этим возникает

[1] Статья выполнена в рамках проекта «Волга — Каспий: Право и зеленая экономика» Программы развития Калмыцкого государственного университета им Б. Б. Городовикова на 2021–2030 годы.

необходимость поиска нормативного ответа на современные угрозы экологической безопасности, требующего развития «зеленых» технологий в сфере промышленности, строительства и на транспорте.

Ключевые слова: «зеленая» экономика, промышленность, транспорт, строительство, окружающая среда, правовое регулирование.

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензенту, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Рыженков, А. Я. Актуальные проблемы перехода к «зеленой» экономике в строительстве, промышленности и на транспорте: правовой аспект / А. Я. Рыженков, А. Н. Садков // Правовой порядок и правовые ценности. — 2023. — Т. 1, № 1. — С. 102–114. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-1-102-114

Original article

Topical Problems of Transition to the “Green” Economy in Construction, Industry and Transport: Legal Aspect

Anatoly J. Ryzhenkov[1], Andrey N. Sadkov[2]

[1] Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov, 11, Pushkin St., Elista, Russian Federation

[2] Volgograd State University, 100, Universitetskiy Av., Volgograd, Russian Federation

✉ 4077778@list.ru

Abstract

Introduction. With regard to Russia the most important task in transition to the "green" economy is first of all the development of a consistent strategy for moving towards this goal. Therefore, initially it is necessary to determine the mainstreams for applying the economic, legal, organisational and other efforts. The transition to the "green" economy in itself does not imply any conceptual breakthroughs (unlike, for example, the concept of sustainable development). This means that all the main spheres of human activity, including industry, construction, transport, etc., should undergo “greening”. The aim is to investigate the contemporary legal regulation on the environmental protection in industry, transport and construction, to identify the problems and prospects of the legislation improvement for determining the directions of these spheres further “greening” and clarifying Russia’s strategy of transition to the "green" economy. The objectives of the study are: to consider the specifics of Russia's transit to the "green" economy standards within three spheres of human activity, to identify the contemporary legal regulation for this process.

Materials and Methods. In the article the generally accepted in Russia methods of scientific knowledge are used: general scientific methods (dialectical method) and specific scientific methods (analysis, synthesis, concrete historical, logical methods, etc.).

Results. The main result of the study is systematisation of the contemporary environmental problems in industry, transport and construction, discussion of the mainstreams in “greening” these spheres as one of the conditions of Russia's transit to the standards of "green" economy.

Discussion and Conclusions. The article is useful for scientific and educational activity, for improvement of the Russian environmental legislation. The conclusions made in the work indicate on the need to “green” all sectors of economy in

order to ensure the transit of Russia to the "green" economy, however at present the implementation of the new environmental requirements into different sectors is going at a different pace. With this regard, there arises the acute need to find the legislative response to the modern threats to the environmental safety, which requires the development of "green" technologies in industry, construction and transport.

Keywords: “green” economy, industry, transport, construction, environment, legal regulation.

Acknowledgements. The authors express their gratitude to the reviewer for critical assessment of the materials and suggestions on their improvement that have significantly enhanced the quality of the article.

For citation. A. J. Ryzhenkov, A. N. Sadkov. Topical Problems of Transition to the “Green” Economy in Construction, Industry and Transport: Legal Aspect. Legal Order and Legal Values, 2023, vol. 1, no. 1, pp. 102–114. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-1-102-114

Введение. Концепция «зеленой» экономики впервые была обнародована в 1989 г. и опиралась на итоги работы Комиссии Брундтланд, учрежденной Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций для изучения взаимосвязи между окружающей средой и развитием. Более четко задача перехода к «зеленой» экономике (в современном ее понимании) была поставлена лишь в 2009 году, когда Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций в своей резолюции A/64/236 постановила созвать в 2012 году Конференцию ООН по устойчивому развитию и приняла решение о том, что одной из главных ее тем станет «зеленая» экономика в контексте устойчивого развития и искоренения нищеты. С точки зрения программы Организации Объединенных Наций по окружающей среде (ЮНЕП), «зеленая» экономика — это экономика, которая повышает благосостояние людей и обеспечивает социальную справедливость, при этом существенно снижая риски ухудшения состояния окружающей среды.

Применительно к России задача перехода к «зеленой» экономике означает, в первую очередь, разработку последовательной стратегии движения к этой цели. Экологизации должны подвергнуться все основные сферы жизнедеятельности человека, включая промышленность, связь, строительство, транспорт, энергетику, сельское хозяйство и т.д. В каждом таком секторе экономики следует принять меры, уменьшающие давление человека на экологические системы. Так, в энергетике это может быть постепенный переход на возобновляемые источники энергии и повышение энергоэффективности; в сельском хозяйстве — увеличение производства органической (экологически чистой) продукции и т.д.

Исходя из этого, целью настоящей статьи является исследование современного правового регулирования охраны окружающей среды в промышленности, транспорте и в сфере строительства, выявление проблем и перспектив совершенствования законодательства в целях определения направлений их дальнейшей экологизации и уточнения стратегии перехода России к «зеленой» экономике. Указанная цель определяет постановку следующих исследовательских задач: определение основных направлений экологизации промышленности; выявление современных проблем охраны окружающей среды на транспорте; установление основных направлений экологизации строительного сектора.

Материалы и методы. Для достижения обозначенной цели и решения поставленных задач использовались общенаучные и специальные методы познания — диалектический, формально-логический (догматический), сравнительно-правовой, историко-правовой, логико-юридический, метод моделирования. Диалектический метод

как общенаучный метод познания был применен при рассмотрении основных направлений экологизации транспорта, промышленности и строительства, для выявления общих трендов и отдельных особенностей в этом процессе, определяющих возможность перехода страны к зеленой экономике. Формально-логический (догматический) метод использован для анализа понятий и терминов, используемых в нормах действующего законодательства РФ, регулирующих правоотношения по использованию транспортных средств, организации деятельности объектов промышленности и строительства. С помощью сравнительно-правового метода проведен сравнительный анализ правового регулирования строительства объектов недвижимости по законодательству РФ и законодательству зарубежных стран (на примере США). Историко-правовой метод использован для анализа опыта прошлых периодов развития правового регулирования отношений по охране окружающей среды в отдельных сферах деятельности человека. Логико-юридический метод позволил выявить недостатки действующего земельного и экологического законодательства и доказать необходимость усовершенствования его предписаний. Метод моделирования был применен при конструировании и модификации правовых норм, которые предлагаются для внесения изменений в действующее экологическое законодательство Российской Федерации.

Результаты исследования. В современной научной правовой литературе уделяется достаточно много внимания как общим проблемам перехода России к «зеленой» экономике [1], так и отдельным направлениям такого перехода [2, 3], однако три сектора (промышленность, транспорт, строительство) исследованы в наименьшей степени, что требует корректировки. Выскажем ряд соображений по каждому из указанных секторов.

1. Промышленность. В настоящий момент российский законодатель предпринял ряд успешных шагов, направленных на повышение уровня экологизации промышленного производства в стране. Не пытаясь дать принятым мерам исчерпывающую оценку, все же заметим, что, во-первых, в ст. 4.2 Федерального закона «Об охране окружающей среды» предусмотрено деление объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, на четыре категории. Соответственно, для объектов I и II категории предусмотрены дополнительные требования как в части платы за негативное воздействие на окружающую среду, так и обеспечения экологической безопасности. Во-вторых, в Федеральном законе «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ указан ряд дополнительных мер по регулированию их деятельности, включая экспертизу и декларацию промышленной безопасности, требования к эксплуатации, производственному контролю и т.д. В-третьих, Приказ Министерства охраны окружающей среды и природных ресурсов РФ от 21.11.1995 № 469 «Об учете экологического фактора при приватизации государственных и муниципальных предприятий, организаций» предписывает учитывать фактор экологической опасности предприятия при его приватизации. Приказ содержит ряд критериев, позволяющих считать предприятие экологически опасным (превышение нормативов предельно-допустимых выбросов (сбросов), загрязнение почв и др.).

Вместе с тем, многие ученые отмечают, что существует ряд нерешенных проблем применительно к эксплуатации нефтегазовых производств, для которых существующих экологических требований и ограничений недостаточно. Дело в том, что кроме угроз от аварий, воздействие нефтегазового комплекса на окружающую среду проявляется в загрязнении почв в ходе обычных работ по добыче нефти, загрязнении атмосферы при сжигании попутного газа, загрязнении водных объектов (особенно подземных вод). Наличие этих и других экологических проблем в нефтегазовом комплексе «показывает особую актуальность разработки соответствующего правового механизма, способного повысить эффективность государственной экологической

политики в целях минимизации негативного воздействия объектов нефтегазового комплекса на окружающую среду» [4, с. 3–4].

В числе мер по дальнейшей экологизации промышленности России (включая нефтегазовую) можно выделить рост ее ресурсоэффективности; увеличение инвестиций в развитие экологически чистых технологий в целях предотвращения загрязнения биосферы выбросами вредных веществ [5].

Статья 17 Федерального закона «Об охране окружающей среды» предусматривает меры государственной поддержки мероприятий по снижению негативного воздействия на окружающую среду. Однако необходимо сделать менее декларативными формулировки, наполнить их реальным содержанием. Включить принятие комплекса мер по сокращению объема образования опасных отходов; разработку дополнительных мер по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций техногенного характера (особенно в части предотвращения аварий в хранилищах нефти, а также на нефте- и газопроводах). Принять меры по обеспечению безопасности законсервированных скважин; дополнительные меры безопасности к нефтепроводам, проходящим через ценные территории (высокопродуктивные сельскохозяйственные угодья, защитные леса, особо охраняемые природные территории); предусмотреть замену старого технического оснащения буровых установок на более современные технологии. Отдельно выделим человеческий фактор, являющийся одной из причин экологических загрязнений, низкую квалификацию и дисциплину отдельных исполнителей буровых работ, небрежное хранение ими химреагентов [6].

2. Транспорт. Выделяется несколько видов транспорта, имеющих разную степень и характер опасности для состояния окружающей среды: железнодорожный; воздушный транспорт; автомобильный транспорт; водный транспорт; трубопроводный транспорт. Рассмотрим данные виды транспорта и их экологические угрозы.

1) Экологические угрозы от автомобильного транспорта состоят не только в выбросе вредных веществ в ходе эксплуатации автомобилей, но проявляются и в ходе их технического обслуживания и ремонта; загрязнения водных объектов при мойке машин; строительстве гаражей и автодорог (увеличение объема строительного мусора). Кроме того, экологические проблемы автотранспорта носят и более стратегический характер. Необходимы меры по улучшению градостроительного проектирования, предусмотренные в главе 3 Градостроительного кодекса РФ о территориальном планировании (например, в части строительства обводных дорог, чтобы тяжелые грузовики не заезжали в город). Необходимо:

– решить логистические задачи, связанные с более рациональным использованием грузового автотранспорта, с уменьшением порожних рейсов (в том числе с помощью современных средств цифровизации);

– стимулировать потребления жителями региона продукции, произведенной в этом субъекте РФ (что внесет вклад в сокращение выбросов парниковых газов и решение климатических проблем);

– создать дополнительные стимулы для перехода автотранспорта на экологически чистый бензин класса евро-6;

– обеспечить регулирование дорожного движения посредством увеличения числа высокоскоростных магистралей и участков безостановочного движения;

– повысить оплату парковок в центре города, густонаселенных кварталах и местах, где располагаются объекты культурного наследия в целях их охраны;

– совершенствовать процесс взимания утилизационного сбора, предусмотренного ст. 24.1 Федерального закона «Об отходах производства и потребления».

Некоторые авторы специально выделяют проблемы негативного воздействия на окружающую среду пассажирского городского транспорта, упоминая выбросы в атмосферный воздух, шум, вибрацию,

пылеобразование, утечку горюче-смазочных веществ, электромагнитное излучение. Все это, несомненно, отрицательно влияет и на состояние здоровья городского населения [7]. С другой стороны, у развития общественного транспорта есть ряд позитивных последствий, связанных с уменьшением использования гражданами индивидуального автотранспорта, сокращением выбросов и городских пробок. Этой цели будет способствовать и пропаганда здорового образа жизни по увеличению использования гражданами велосипедов, что потребует обустройства велодорожек и велопарковок.

Центральной линией экологизации автомобильного транспорта является развитие электромобилей. Ряд европейских стран уже сделали заявления о прекращении производства и эксплуатации автомобилей с двигателем внутреннего сгорания (в Норвегии — с 2025 г., во Франции — до 2040 г.). Большим стимулом для этого является утверждение Еврокомиссией «зеленой сделки», предусматривающей введение к 2025 г. в строй 1 млн точек заправки для электротранспорта, что позволит обеспечить потребности около 200 млн электромобилей в странах ЕС. Ужесточение требований к экологичности автотранспорта дополняется в ЕС мерами по экономическому (налоговому) стимулированию владельцев автомашин, имеющих низкий уровень выбросов. По мере развития технологий аналогичные стимулы будут созданы и для автотранспорта на водородном топливе.

2) Железнодорожный транспорт. Все угрозы от его использования железнодорожного транспорта можно подразделить на санитарно-эпидемиологические, экологические, общесоциальные и иные. Санитарные угрозы заключаются в том, что железнодорожный транспорт часто перевозит больных людей, что в условиях их скопления на локальной площади вокзалов и вагонов способствует развитию инфекционных заболеваний. В плане экологической опасности железнодорожный транспорт будет наиболее безопасным по сравнению с другими видами транспорта, хотя риск от аварий по-прежнему сохраняется, особенно в случае транспортировки опасных грузов (токсичных, легковоспламеняющихся и т.д.). На тех железнодорожных линиях, где используются тепловозы, сохраняется загрязнение атмосферного воздуха. К другим отрицательным экологическим последствиям относится загрязнение бытовым мусором железнодорожных путей и прилегающих территорий, образование металлической пыли в результате трения колес и рельсов, эксплуатация складов и ремонтных мастерских в депо и на иных прилегающих к железнодорожным магистралям территориях [8]. Наряду с чисто административными мерами по решению данных проблем, связанных с повышением эффективности юридической ответственности, необходимо создание экономических стимулов для расширения использования электровозов, а также разработка и внедрение более экологически чистых двигателей для тепловозов.

3) Водный транспорт. Экологические требования для водного транспорта предусмотрены Кодексом внутреннего водного транспорта РФ (далее — КВВТ) от 7 марта 2001 г. № 24-ФЗ (ред. от 14.03.2022). Как следует из ст. 14 КВВТ, в числе судовых документов обязательным является свидетельство о предотвращении загрязнения окружающей среды с судна. В статье 39 КВВТ устанавливается, что предотвращение загрязнения окружающей среды с судов является обязанностью судовладельцев, которые для предотвращения загрязнения с судов нефтью и ликвидации последствий такого загрязнения обязаны разработать в отношении судна план чрезвычайных мер по предотвращению загрязнения и обеспечить выполнение данного плана. Кроме того, в силу п. 3 ст. 56 КВВТ в портах должны быть средства для защиты окружающей среды, приема и обработки хозяйственно-бытовых и нефтесодержащих вод, других отходов, что говорит о достаточно серьезном подходе к охране окружающей среды на водном транспорте.

Вместе с тем до сих пор сохраняются все традиционные экологические угрозы от эксплуатации речных и морских судов, которые включают: загрязнение воздуха выбросами двигателей; загрязнение воды в результате аварий (столкновение с другими судами, опорами мостов и т.д.); шумовое загрязнение. Наблюдаются

экологические последствия от затонувших судов; сброс балластных вод и гибель рыб и водных биоресурсов; сброс бытовых отходов с круизных судов в речные и морские воды и т.д.

4) Воздушный транспорт. Основные экологические угрозы от воздушного транспорта заключаются в том, что аэропорты оказывают негативное акустическое воздействие на окружающую среду (шум), создают электромагнитные поля, происходит загрязнение почв остатками масла и топлива, а также атмосферного воздуха. Основные экологические ограничения предусмотрены ст. 47 Воздушного кодекса РФ, согласно которой выделяется «приаэродромная территория» с особым правовым режимом. Основная цель — ограничить использование участков земли и иных объектов недвижимости на прилегающих к аэродрому территориях для обеспечения безопасности полетов.

5) Трубопроводный транспорт. В состав данного вида транспорта входят аммиакопроводы, нефтепроводы, газопроводы, нефтепродуктопроводы, попадающие под действие актов как международного, так и внутригосударственного права. Экологизация данного вида транспорта возможна по двум направлениям: в ходе строительства трубопроводов и при их эксплуатации. Экологические угрозы на стадии строительства заключаются в образовании строительного мусора, а также причинении вреда почвам в ходе использования специальной строительной техники (потенциально следует упомянуть ущерб животному миру и среде его обитания, а также лесным насаждениям).

На этапе эксплуатации трубопровода речь может идти о риске аварий и катастроф, утечек нефти, повреждении газо- или нефтепроводов с риском возгорания топлива, загрязнении водных объектов, лесного фонда и атмосферного воздуха [9]. Таким образом, основная экологическая угроза от трубопроводного транспорта заключается в том, что он оказывает негативное воздействие не на какой-то один природный ресурс (почвы, воды), а угрожает состоянию окружающей среды в целом, особенно в свете рисков аварий на трубопроводах, имеющих весьма значительную протяженность. Например, 16 октября 2022 г. произошла авария на участке магистрального нефтепровода Ухта — Ярославль (Княжпогостский район Республики Коми). По предварительным данным, объем разлитой нефти составил около 100 кубических метров[2]. В связи с этим отдельную проблему представляет рекультивация и восстановление природных объектов.

3. Строительство. Экологические требования в строительстве делятся на два вида: градостроительные (касаются публичных требований и ограничений по застройке городов или отдельных кварталов) и экологические (природоохранные требования к постройке отдельных объектов недвижимости). Общие экологические требования при градостроительной деятельности предусмотрены в ст. ст. 41 и 44 Федерального закона «Об охране окружающей среды» и Градостроительном кодексе РФ (далее — ГрК РФ). Требования Федерального закона «Об охране окружающей среды» носят рамочный и декларативный характер, указывая, что при размещении населенных пунктов необходимо соблюдать экологические требования, предотвращать негативное воздействие на окружающую среду, создавать лесопарковые зеленые пояса и т.д. Кроме того, в Законе сделано указание на то, что территориальное планирование, градостроительное зонирование, а также планировка территории должны осуществляться в соответствии с требованиями в области охраны окружающей среды.

Намного более конкретные экологические правила и требования к градостроительной деятельности содержаться в ГрК РФ, различаясь на разных стадиях градостроительного планирования. Попробуем выделить наиболее важные экологические требования в ГрК РФ.

1) Территориальное планирование. Данный вид деятельности осуществляется посредством разработки схем

[2] На российском севере из-за аварии произошел разлив нефти. URL: https://lenta.ru/news/2022/10/16/oilleak/ (дата обращения: 20.10.2022).

территориального планирования (РФ, субъекты РФ, муниципальные районы) и генеральных планов (поселения, городские округа). При разработке федеральной схемы территориального планирования Российская Федерация определяет вид и местонахождение объектов федерального значения, необходимых для реализации государственных задач в сфере обороны, транспорта, энергетики и т.д. При выборе местоположения такого объекта учету подлежат самые различные факторы, включая наличие особо охраняемых природных территорий, зон с особыми условиями использования территории и т.д. Федеральная схема подлежит согласованию с субъектами РФ (с теми, на территории которых будут размещаться федеральные объекты), причем в силу ст. 12 ГрК РФ обсуждаются также вопросы воздействия таких федеральных объектов на состояние окружающей среды данного субъекта РФ.

В свою очередь, субъект РФ вправе планировать строительство объектов регионального значения на своей территории, при этом элементы схемы плана подлежат согласованию с муниципальными образованиями. При этом в материалах по обоснованию его схемы должны быть отражены сведения об образовании, утилизации, обезвреживании, размещении твердых коммунальных отходов, содержащиеся в территориальных схемах в области обращения с отходами, в том числе с твердыми коммунальными отходами. Наконец, на муниципальном уровне (например, в генеральном плане городского округа) также планируется строительство объектов местного значения, включая местные дороги, инфраструктурные объекты, объекты образования и здравоохранения.

2) Градостроительное зонирование осуществляется посредством разработки муниципальных правовых актов — правил землепользования и застройки. Данные правила делят территорию муниципалитета на территориальные зоны, для каждой из которых устанавливается градостроительный регламент, определяющий параметры и виды разрешенного использования территории муниципалитета для строительства объектов недвижимости или иных нужд. В части строительства значение правил состоит в том, что они определяют, в какой территориальной зоне (общественно-деловой, промышленной и т.д.) можно строить те или иные виды объектов недвижимости с определенными параметрами (высота, этажность и т.д.). Таким образом, именно правила не допускают возможности, например, строительства промышленного объекта в жилой зоне населенного пункта.

Соответственно, если размеры или иные параметры здания не соответствуют требованиям градостроительного регламента, оно может быть сохранено, «за исключением случаев, если использование таких земельных участков и объектов капитального строительства опасно для жизни или здоровья человека, для окружающей среды, объектов культурного наследия» (ч. 8 ст. 36 ГрК РФ).

3) Планировка территории. Задачей данного вида градостроительной документации является выделение элементов планировочной структуры, установление границ земельных участков, установление границ зон планируемого размещения объектов капитального строительства. В рамках подготовки данного типа документов наибольший интерес представляют инженерные изыскания, в ходе которых исследуются природные условия территории, в отношении которой осуществляется подготовка такой документации, факторы техногенного воздействия на окружающую среду, прогнозы их изменения в целях обеспечения рационального и безопасного использования указанной территории. Перечень мероприятий по охране окружающей среды в обязательном порядке входит и в состав материалов по обоснованию проектов планировки территории (ст. 42 ГрК РФ).

Таким образом, в ходе разработки указанных трех уровней градостроительной документации регламентируются, во-первых, места расположения федеральных, региональных и муниципальных объектов, необходимых для реализации публичных целей и задач (транспорт, образование, оборона и т.д.), причем специально подчеркивается, что они не должны негативно влиять на состояние окружающей среды. Во-вторых,

устанавливается ряд прямых запретов на размещение экологически опасных объектов в городских кварталах исходя из социальных, природоохранных, культурных и иных соображений.

Применительно к уровню строительства отдельно взятых объектов недвижимости экологическое, градостроительное, гражданское и земельное законодательство также содержит ряд требований.

Федеральный закон «Об охране окружающей среды» включает три статьи (ст. 36, ст. 38, ст. 39), посвященных проектированию, строительству, ремонту, вводу в эксплуатацию, эксплуатации и выводу из эксплуатации объектов капитального строительства. Все указанные нормы Закона носят предельно рамочный и декларативный характер.

Градостроительный кодекс РФ (ст. 48, ст. 52) содержит лишь самые общие экологические требования к стадиям архитектурно-строительного проектирования, строительства и эксплуатации объектов недвижимости. Земельный кодекс РФ упоминает необходимость проведения торгов (аукционов) при продаже земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, в собственность или аренду частных лиц и регламентирует порядок проведения торгов (глава V.I). Гражданский кодекс РФ (ст. 751) в рамках договора строительного подряда возлагает на подрядчика обязанность соблюдать экологические требования. Таким образом, указанные в российских законах требования об охране окружающей среды носят общий (рамочный) характер.

В связи с этим представляет интерес опыт зарубежных стран, сделавших ряд шагов в области экологизации строительства как одного из условий перехода на стандарты «зеленой» экономики. В части повышения экологичности строительства отдельных объектов недвижимости, основное внимание законодатель ряда зарубежных стран уделяет снижению общего воздействия новых и существующих зданий на окружающую среду с помощью различных методов, включая использование переработанных материалов, повышение энергоэффективности домов, обеспечение качества и экономии воды. Зарубежные ученые отмечают, что термины «зеленые здания» или «зеленое строительство» относятся к зданиям и сооружениям, спроектированным с особым акцентом на их эффективность и устойчивость. Единого общепринятого определения «зеленого строительства» нет. Не существует и общепринятых стандартов для измерения, проверки или оценки практики «зеленого» строительства. Так, правительство США не дает определения «зеленому строительству», однако Агентство по охране окружающей среды США отмечает, что «зеленое» строительство — это практика создания структур и использование процессов, которые являются экологически ответственными и ресурсосберегающими на протяжении всего жизненного цикла здания от размещения до проектирования, строительства, эксплуатации, технического обслуживания, реконструкции и демонтажа. Эта практика расширяет и дополняет классические требования к проектированию зданий, связанные с экономичностью, полезностью, долговечностью и комфортом. «Зеленое» здание также известно как устойчивое и высокоэффективное [10].

В свою очередь, российские ученые рассматривают «зелёное строительство» как «совокупность мер, структурированных соответствующими стандартами проектирования и строительства с целью увеличения эффективности использования природных ресурсов с одновременным уменьшением негативного влияния зданий на окружающую среду и на жизнедеятельность человека» [11, с. 60]. В числе направлений данного строительства указаны ресурсоэффективность, предотвращение загрязнения биосферы неизвестными ей химическими соединениями; стимулирование инвестиций в развитие экологически чистых технологий; привлечение к работе по международным и национальным проектам высококвалифицированных экспертов; развитие экологического образования и воспитания молодежи [11].

В США получение застройщиком сертификата LEED для здания демонстрирует приверженность к бережному

отношению к окружающей среде, лидерству и инновациям в строительстве. LEED является наиболее известной системой сертификации для «зеленых» зданий, но это не единственный способ, с помощью которого здания могут получить внешнюю оценку их экологической безопасности. В дополнение к частным организациям в зарубежных странах существуют и правительственные инициативы, направленные на продвижение и сертификацию «зеленых» проектов, включая «зеленое строительство». Наиболее известной из них в США является ENERGY STAR, совместная программа EPA и Министерства энергетики США.

Представляет интерес опыт ряда зарубежных стран, где критерии «green building» определяются стандартами, среди которых наиболее известны американский LEED, британский BREEAM и немецкий DGNB. Здание получает сертификат, где обозначена степень его воздействия на окружающую среду и на человека. Наличие такого документа автоматически повышает капитализацию объекта. Как и другие программы (например, LEED), ENERGY STAR сертифицирует продукцию, соответствующую определенным стандартам эффективности, и предоставляет рекомендации по строительству и обслуживанию «зеленых» зданий.

В дополнение к различным формам зеленой сертификации еще одним популярным нововведением движения за экологичное строительство в зарубежных странах является использование «зеленых» крыш. «Зеленые» крыши зданий частично или полностью покрыты растительностью, это могут быть деревья, кустарники и сады. Такие крыши обеспечивают дополнительное зеленое пространство в районах, где его обычно не хватает, снижают энергопотребление зданий, на которых они располагаются, уменьшают количество ливневых стоков и могут увеличить срок службы крыши. Экологическое строительство делает акцент на минимизации различных неблагоприятных воздействий здания на окружающую среду с помощью методов, ориентированных на эффективность использования энергии, материалов и воды.

Местоположение объекта также важно при экологичном строительстве. В этом случае соображения, касающиеся местоположения нового здания, учитывают минимизацию воздействия, которое оно окажет на окружающую среду и существующую инфраструктуру прилегающей территории как во время строительства, так и в течение срока службы здания. Хотя движение за «зеленое строительство» возникло для того, чтобы принести пользу окружающей среде, наиболее часто упоминаемым преимуществом «зеленого строительства» для владельца здания является долгосрочная экономия его средств. Поскольку энергоэффективность является центральным принципом «зеленого строительства», эксплуатационные расходы зданий с сертификатом LEED будут заметно ниже, чем у несертифицированных зданий. Жильцы «зеленых» зданий часто имеют лучшее качество жизни и меньше проблем со здоровьем, включая меньшее количество инфекционных заболеваний и уменьшение симптомов аллергии и астмы [12].

Таким образом, в зарубежных странах концепция «зеленого строительства» («green building») означает рост энерго- и ресурсосбережения, технической и экономической эффективности строительной деятельности. Основная цель такого строительства — минимизация отрицательного воздействия зданий на человека и окружающую среду, что достигается путем разработок новых материалов при строительстве, управления экологической безопасностью, внедрения инновационных технологий, альтернативных источников энергии, модернизированного оборудования и других решений, основанных на энерго- и ресурсосбережении. Кроме того, под термином «зеленое строительство» часто понимаются озеленение урбанизированной территории для гармонизации окружающей среды и городской застройки, высокая степень использования возобновляемых источников энергии, а также минимизация вредного антропогенного воздействия. В России этот термин все чаще используют в контексте благоустройства и озеленения территории. Поэтому «зеленое строительство» как строительство объектов с наименьшим уровнем потребления ресурсов и минимальным воздействием на

окружающую среду в течение всего жизненного цикла, несомненно, является одним из важных перспективных направлений инновационного развития экономики и одним из аспектов устойчивого развития территории. При этом подразумевается не только разработка и внедрение энергосберегающих технологий, но и обеспечение наиболее комфортных и благоприятных условий для проживания граждан [13].

Таким образом, тенденции экологизации направлены на расширение сферы внедрения эколого-правовых норм в градостроительное законодательство, они включает в себя экологизацию целей управления и контроля в сфере землепользования и градостроительства, правового статуса субъектов земельных и градостроительных правоотношений, собственности на земельные участки и расположенные на них объекты недвижимости. В сущности, экологизация в сфере градостроительных отношений означает, что землепользователи в ходе возведения объектов капитального строительства обязаны предотвращать причинение ущерба окружающей среде [14].

Обсуждение и заключения. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что применительно к трем отраслям экономики (промышленность, транспорт, строительство) существует как ряд общих экологических требований, связанных с ресурсосбережением и минимизацией негативного воздействия на окружающую среду, так и специальных требований, которые достаточно сильно отличаются друг от друга.

Несмотря на ряд достигнутых успехов по экологизации промышленности, остаются нерешенными проблемы в сфере работы нефтегазового комплекса, включая модернизацию оборудования, обеспечение безопасности добычи и транспортировки нефти (газа) и т.д.

Применительно к сфере транспорта, потенциально возможными направлениями его экологизации являются сокращение выбросов в атмосферный воздух за счет перехода на новые стандарты топлива, стимулирование производства и продажи электромобилей, уменьшение акустического загрязнения, рисков аварий и катастроф, загрязнения почв и т.д. В свою очередь, снижение негативного антропогенного воздействия будет означать создание дополнительных гарантий реализации права человека на благоприятную окружающую среду, позволит обеспечить сохранность объектов культурного наследия.

Дальнейшая экологизация строительной отрасли будет и дальше проводиться по двум направлениям: развитие градостроительного планирования на федеральном, региональном и местном уровнях и развитие экологических требований к строительству отдельных объектов недвижимости. Последнее направление – это внедрение наилучших доступных технологий (НДТ) и методов хозяйствования. Наиболее перспективным является развитие технологий энергосбережения, увеличение использования вторичного сырья, новых экологичных строительных материалов (конструкционных и теплоизоляционных), других инновационных технологий, что потребует принятия дополнительных мер по развитию экологического предпринимательства и финансирования природоохранных мероприятий. Развитие системы сертификации в строительной отрасли ряда зарубежных стран представляет интерес и для России.

Список литературы

1. Новикова, Е. В. Эколого-правовое регулирование на этапе развития зеленой экономики в России / Е. В. Новикова // Экологическое право. — 2020. — № 4. — С. 9–16.

2. Старовойтова, Н. П. Органическое земледелие в России: плюсы и минусы / Н. П. Старовойтова // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. — 2015. — № 4. — С. 226–230.

3. Камышанский, В. П. Возобновляемые источники энергии и энергосбережение: социально-правовой аспект (на примере Краснодарского края) / В. П. Камышанский // Власть закона. — 2017. — № 2. — С. 14–23.

4. Блажеев, Я. А. Эколого-правовое регулирование отношений в нефтегазовом комплексе России : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Я. А. Блажеев. — Москва, 2016. — 26 с.

5. Кононова, Е. Е. Зеленая экономика и промышленность — российские перспективы развития в условиях ВТО / Е. Е. Кононова // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2014. — № 3–1. — С. 88–94.

6. Анисимов, А. П. Правовые проблемы охраны окружающей среды на объектах нефтегазодобывающих производств / А. П. Анисимов, С. В. Нарушкевич // Вестник Волгоградского филиала Московского университета потребительской кооперации. — 2005. — № 10. — С. 20–25.

7. Зеленов, А. В. Правовая охрана окружающей среды при эксплуатации городского пассажирского транспорта : автореф. дис. … канд. юрид. наук / А. В. Зеленов. — Саратов, 2002. — 28 с.

8. Чернуха, А. Д. Правовая охрана окружающей среды и здоровья населения на железнодорожном транспорте / А. Д. Чернуха // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. — 2010. — № 24. — С. 139–147.

9. Кравцова, А. С. Эколого-правовое регулирование строительства и эксплуатации линейных объектов нефтегазового комплекса : автореф. дис. … канд. юрид. наук / А. С. Кравцова. — Москва, 2022. — 30 с.

10. Kaplow, S. D. Does a Green Building Need a Green Lease? / S. D. Kaplow // University of Baltimore Law Review. — 2009. — Vol. 38. — Iss. 3. — P. 375–409.

11. Медовый, А. Е. Инструменты «зеленой» экономики в стратегиях развития рынка недвижимости России / А. Е. Медовый, В. В. Медовый // Вестник экспертного совета. — 2017. — № 2. — С. 57–61.

12. Alfano, J. Can we (anti)trust LEED? An analysis of the antitrust implications for the green building movement / J. Alfano // Environmental Affairs. — 2014. — Vol. 41. — P. 427–454.

13. Хлопцов, Д. М. Эколого-экономическая оценка объектов «зеленого строительства» / Д. М. Хлопцов, М. А. Губанищева // Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2018. — № 11. — С. 6–12.

14. Шарно, О. И. Современная концепция земельного и градостроительного права / О. И. Шарно, С. А. Фролов // Современный ученый. — 2017. — № 5. — С. 380–383.

Поступила в редакцию 16.01.2023.

Поступила после рецензирования 25.01.2023.

Принята к публикации 03.02.2023.

Об авторах:

Рыженков Анатолий Яковлевич, профессор кафедры гражданского права и процесса Калмыцкого государственного университета имени Б. Б. Городовикова» (358000, РФ, г. Элиста, ул. Пушкина, 11), доктор юридических наук, профессор, ORCID, 4077778@list.ru

Садков Андрей Николаевич, доцент кафедры гражданского и международного частного права ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет (400062, РФ, г. Волгоград, пр-кт Университетский, 100), кандидат юридических наук, доцент, ORCID, sadkov@volsu.ru

Заявленный вклад соавторов:

А. Я. Рыженков — формирование основной концепции, цели и задач исследования, подготовка текста, формирование выводов. А. Н. Садков — анализ результатов исследования, доработка текста, корректировка

выводов.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 347.961

https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-1-115-125

Проблемы организации взаимодействия нотариальных, правоохранительных и судебных органов при совершении отдельных нотариальных действий

М. Б. Смоленский[1, 2]

[1] Донской государственный технический университет, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1

[2] Ростовский филиал Российской таможенной академии, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пр-кт Буденновский, 20

✉ rta-sf@mail.ru

Аннотация

Введение. Масштабные преобразования правоохранительной и судебной системы в Российской Федерации привели к тому, что та роль, которая соответствует тем или иным правовым и государственным институтам, существенно изменилась. Причем реформирование системы правоохранительных органов также затронуло и вопросы, связанные с организацией работы системы нотариата и его взаимодействие с другими правоохранительными и правоприменительными органами. В настоящей работе анализируются различные позиции авторов и учёных по данной проблематике, а также нормативные правовые акты, непосредственно затрагивающие сферу нотариальной деятельности. Цель данного исследования — выявить проблемные аспекты в системе взаимодействия нотариальных, правоохранительных и судебных органов Российской Федерации при совершении отдельных нотариальных действий на современном этапе развития правовой системы.

Материалы и методы. В статье проанализированы проблемы организации взаимодействия нотариальных, правоохранительных и судебных органов России при совершении нотариальных действий. В ходе исследования использовались общенаучные и специальные научные методы, в частности, диалектический метод познания, метод когнитивного анализа, социологический метод и другие.

Результаты исследования. Деятельность нотариата, несмотря на его частный статус, следует рассматривать в качестве элемента, который относится к государственной системе. При этом система нотариального производства отделяется от обычной процедуры гражданско-правового характера и приобретает государственно-правовой статус. Нотариус, осуществляя те или иные нотариальные действия, руководствуется правилами, которые имеют особенный характер и соответствуют конкретному нотариальному действию. Сделан вывод о том, что в рамках реализации данного процесса нотариус применяет правила, свойственные в целом для всех совершаемых нотариальных действий.

Обсуждение и заключения. Выявлены проблемы организации взаимодействия нотариальных, правоохранительных и судебных органов Российской Федерации при совершении нотариальных действий, предложены пути их решения. Задачи правовой политики состоят в необходимости совершенствования правовой базы деятельности нотариусов при взаимодействии с правоохранительными и судебными органами. Основные

выводы автора имеют теоретическую и практическую значимость и перспективы дальнейшего исследования данной темы.

Ключевые слова: нотариус, нотариальные действия, правоохранительные органы, судебные органы, гражданско-правовой характер.

Благодарности. Автор выражают благодарность рецензенту, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Смоленский, М. Б. Проблемы организации взаимодействия нотариальных, правоохранительных и судебных органов при совершении отдельных нотариальных действий / М. Б. Смоленский // Правовой порядок и правовые ценности. — 2023. — Т. 1, № 1. — С. 115–125. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-1-115-125

Original article

Problems in Organisation of the Notarial, Law Enforcement and Judicial Authorities Interaction within Performing the Certain Notary Actions

Mikhail B. Smolenskiy[1, 2]

[1] Don State Technical University, 1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, Russian Federation

[2] Rostov Branch of the Russian Customs Academy, 20, Budennovsky Ave., Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ rta-sf@mail.ru

Abstract

Introduction. The large-scale transformations in the law enforcement and judicial system of the Russian Federation, which correlate with both political and socio-economic context, have resulted in the significant change of the role assigned to the certain legal and state institutions. Moreover, the reform of the law enforcement authorities has influenced the issues of the notary system organisation and its interaction with other law enforcement and regulatory authorities. This paper analyses various standpoints of authors and scientists on this issue, as well as regulatory legal acts directly affecting the notary. The purpose of this study is to identify the problematic aspects in interaction of the notarial, law enforcement and judicial authorities of the Russian Federation within performing the certain notary actions at the present stage of the legal system development.

Materials and Methods. In the article the problems in organisation of the notarial, law enforcement and judicial authorities interaction in the Russian Federation within performing the notary actions are analysed. In the course of the research, general scientific as well as specific scientific methods were used, in particular the dialectical method of cognition, the method of cognitive analysis, the sociological method and others.

Results. The activity of the notary, despite its private status, should be considered as the element affiliated with the state system. At the same time, the system of notarisation stands separately from the conventional civil-law procedures and has the state-legal status. A notary, when performing the certain notary actions, is guided by the rules of the special character and appropriate for the specific case notary action. The conclusion is made that in the frame of this process, a notary follows the rules generally applicable to all the notary actions performed.

Discussion and Conclusions. The problems in organisation of the notarial, law enforcement and judicial authorities' interaction in the Russian Federation within performing the certain notary actions have been detected, the solutions have been proposed. The legal policy objectives imply the need to improve the legal framework of notaries' activity in terms of interaction with the law enforcement and judicial authorities. The author's main conclusions have theoretical and practical significance and potential for further research on the topic.

Keywords: notary, notary actions, law enforcement authorities, judicial authorities, of civil law character.

Acknowledgements. The author expresses his gratitude to the reviewer, whose critical assessment of the materials and suggestions for their improvement contributed to significant enhancement of the quality of the article.

For citation. M. B. Smolenskiy. Problems in Organisation of the Notarial, Law Enforcement and Judicial Authorities Interaction within Performing the Certain Notary Actions. Legal Order and Legal Values, 2023, vol. 1, no. 1, pp. 115–125. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-1-115-125

Введение. В соответствии с Конституцией Российской Федерации граждане имеют право на получение квалифицированной юридической помощи. Немаловажную роль в соблюдении этого положения играют органы нотариата. Существенные преобразования правоохранительной и судебной системы в Российской Федерации, которым соответствует как политический, так и социально-экономический характер, привели к тому, что та роль, которая соответствует тем или иным правовым и государственным институтам, существенно изменилась [1]. В качестве одного такого правового института, которому соответствует длительная история и традиции как в европейском праве, так и в российском, является нотариат. И как любой правовой институт, нотариат не является застывшей системой, а находится в постоянном развитии. После 1991 года была проведена кардинальная реформа данного института. Необходимость реформирования системы нотариата была обусловлена тем, что Россия после 1991 года перешла к рыночным отношениям. Появился институт частной собственности, который повлек за собой большое количество различных договоров. В связи с развитием предпринимательства начали формироваться многочисленные виды гражданско-правовых отношений [2]. Таким образом, формирование и развитие в нашей стране новой системы нотариата остается объективно обусловленным и естественным процессом. Цель исследования заключается в выявлении проблемных аспектов в системе взаимодействия нотариальных, правоохранительных и судебных органов Российской Федерации при совершении отдельных нотариальных действий на современном этапе развития правовой системы.

Рассмотрим суть происходящих реформ в стране в целом и реформ института нотариата в частности. Следует отметить тот факт, что на территории нашей страны именно нотариат позволяет значительной части граждан реализовать их потребности в юридическом обеспечении тех гражданско-правовых отношений, в которые они вступают. Реформирование системы правоохранительных органов также затрагивает и вопросы, связанные с организацией работы системы нотариата. Нотариату соответствует дуалистическая природа. Этот факт связан с тем, что нотариальные действия находятся на стыке публичного права и частного права. Следует подчеркнуть, что лицо, исполняющее функции нотариуса, с одной стороны, является уполномоченным государственным представителем, а с другой — лицом, которое представляет интересы субъектов гражданских правоотношений в качестве независимого консультанта [3]. Именно поэтому необходимым является формирование такой системы нотариата, которая была бы независимой. Эта независимость должна иметь как процессуальный характер, так и

характер организационный. Являясь государственным представителем, лицо, исполняющее функции нотариуса, обеспечивает реализацию правовых функций. Эти функции связаны, как правило, с теми имущественными правоотношениями, в которые вступают как физические, так и юридические лица. Нотариат, таким образом, обеспечивает реализацию правозащитной функции. Названную функцию можно рассматривать в качестве производной от той правовой природы, которая соответствует нотариату. Наличие у нотариата обозначенной функции предопределяет близость нотариата к судебным органам государственной власти. В условиях, которые обусловлены существованием правового государства, такая функция приобретает большое значение. Это значение продиктовано необходимостью защищать те права, а также законные интересы физических и юридических лиц, которые принимают непосредственное участие в гражданско-правовых отношениях, будучи субъектами таких отношений.

Таким образом, рассматривая нотариат в качестве элемента, который входит в систему правоохранительных органов, исследователи делают вывод, что наиболее тесная связь существует между нотариатом и судебными органами. Согласно замечанию, которое делает В. В. Ралько, наличие такой связи определяется на основании причин исторического характера. С XVIII века система нотариата имела отношение именно к судебному ведомству. Осуществление нотариальных действий представляло собой прерогативу либо судьи, либо же нотариуса, который являлся судебным должным лицом [4].

Исходя из тех положений, которые находят свое изложение в гражданско-процессуальном законодательстве, задачами судебных органов является рассмотрение спорных дел. Целью рассмотрения этих дел является необходимость обеспечить защиту тех прав, а также законных интересов, которые соответствуют физическим и юридическим лицам, принимающим участие в гражданских правоотношениях. Нотариат, осуществляя процесс удостоверительной деятельности, призван не допустить возникновения спорные правовых вопросов, разрешение которых является, в свою очередь, прерогативой судебных органов. Задачей нотариата является удостоверение фактов бесспорного характера. Для подтверждения бесспорности фактов нотариус изучает необходимый пакет документов. В случае отсутствия необходимых для подтверждения определенного юридического факта документов, такой факт устанавливает суд. Для этой цели существует особый порядок производства [5].

Та деятельность, которую осуществляет нотариат и судебные органы является также схожей, так как ими реализуется функция, которая предполагает проведение как предварительных, так и последующих контрольных мероприятий за тем, насколько в соответствии с законом осуществляется гражданский оборот.

Отличие нотариата от судебных органов, согласно той позиции, которую занимает О. В. Филиппова, заключается в том, что нотариат реализует действия, направленные на закрепление тех или иных гражданских прав [6]. Также нотариат призван обеспечить защиту таких прав от нарушений в будущем. Исходя из этого, по мнению О. В. Филипповой, нотариальной деятельности соответствует предупредительный характер. В том случае, если договор имеет нотариальное удостоверение, заинтересованная сторона имеет больше возможностей для того, чтобы доказать свои права. Это связано с тем фактом, что нотариальное удостоверение различных особенностей, характеристик, а также содержания договора является для суда гарантией того, что изложенное в договоре является достоверным. В качестве того предмета, который соответствует нотариальной деятельности, могут быть рассмотрены такие дела, в которых нет какого-либо гражданско-правового спора. В том случае, если в процессе выполнения нотариальных действий возникают те или иные спорные моменты, то в таком случае нотариальное производство должно быть приостановлено, а возникший спор должен разрешаться в судебном порядке.

Нотариус, осуществляя те или иные нотариальные действия, руководствуется правилами, которым

соответствует особенный характер и которые соответствуют конкретному нотариальному действию. Сделан вывод о том, что в рамках реализации данного процесса нотариус применяет правила, свойственные в целом для всех совершаемых нотариальных действий.

Материалы и методы. В исследовании использованы методы когнитивного анализа сущности нотариальной деятельности, проведен анализ официальных правовых документов, юридически закрепляющих категориальный аппарат исследуемого объекта — нотариальных действий во взаимодействии с правоохранительными органами, использован социологический метод исследования общественного мнения по исследуемому вопросу.

Анализ различных мнений ученых по рассматриваемой проблеме позволил прийти к мнению, что деятельность, которую осуществляют лица, исполняющие функции нотариуса, направлена непосредственно на обеспечение закрепления и реализацию тех имущественных прав, которые соответствуют участникам гражданских правоотношений. Органами нотариата проводится эффективная работа, которая приводит к защите имущественных прав участников гражданских правоотношений, а также неимущественных прав, которые у граждан могут иметься. Нотариальное удостоверение таких прав, как правило, снимает с участников гражданско-правовых отношений необходимость доказывать их наличие в рамках судебного заседания. В том же случае, когда доказывать наличие указанных прав все-таки приходится, процесс доказывание осуществляется значительно проще. Исходя из изложенного, нотариат также может быть рассмотрен в качестве системы, которая обеспечивает защиту прав и интересов участников гражданских правоотношений, находящуюся под охраной законодательства [7].

Схожесть в направленности той деятельности, которую осуществляют адвокаты и нотариусы, заключается в том, что оба этих должностных лица не имеют права отказать тому или иному лицу в правовой помощи. Такая правовая помощь должна быть бесплатно оказана в соответствии с действующим законодательством. Здесь также имеет место быть отличие от тех юристов, которые занимаются частной практикой. Однако между той деятельностью, которую осуществляет нотариат и той деятельностью, которую осуществляет адвокатура, также существуют явно видимые различия. Взаимодействие между лицом, исполняющим функции адвоката, а также клиентом такого лица имеет в своей основе заключенный договор поручения. Также это взаимодействие обладает частноправовым характером. На адвоката так же, как и на нотариуса, возлагаются достаточно сложные задачи. Эти задачи связаны с теми функциями, которые на них возлагает действующее законодательство.

Принципы, которые характеризуют деятельность адвоката и деятельность нотариуса, — это честность, разумность, справедливость, организованность, наличие необходимой квалификации и исполнительность.

Ту деятельность, которую осуществляет адвокат, следует отделять от той деятельности, которая осуществляется нотариусом. Деятельность нотариуса направлена на обеспечение защиты тех прав, а также законных интересов лиц, принимающих участие в гражданско-правовом обороте. В соответствии с законодательством нотариус имеет право требовать те или иные документы и сведения, которые являются необходимыми для осуществления тех или иных нотариальных действий. Адвоката же следует рассматривать в качестве независимого субъекта гражданско-правовых отношений, который обеспечивает защиту прав и интересов физических и юридических лиц как в судебных органах, так и в различных государственных и негосударственных учреждениях.

Лицо, которое обращается к адвокату и к нотариусу вправе рассчитывать на получение консультации, которой будет соответствовать конфиденциальный характер.

Деятельность, которую осуществляют лица, исполняющие функции нотариуса, обладает публично-правовым характером. В связи с этим необходимо акцентировать внимание на том, что она осуществляется в рамках

нотариального производства. Нотариальное производство, в свою очередь, достаточно жестко регулируется положениями действующего законодательства. Задачей нотариуса является обеспечение одинаковых правовых условий в отношении всех тех лиц, которые принимают участие в нотариальном производстве. Нотариус должен обеспечить соблюдение действующего законодательства РФ в отношении всех лиц, включая также и тех лиц, которые напрямую в нотариальном производстве участия не принимают, но права которых затрагивает или может затрагивать осуществление нотариального производства.

Под нотариатом в России следует понимать систему, в которую включены как органы, так должностные лица. Эти органы и должностные лица обладают правами на совершение тех или иных нотариальных действия на основании тех положений, которые находят свое отражение в Основах законодательства РФ о нотариате.

Система нотариата обладает административным единством, которое обеспечивается Министерством юстиции РФ как на федеральном, так и на региональном уровнях, а также нотариальными палатами, которые также могут соответствовать как федеральному уровню, так и относится к уровню субъектов РФ.

Будучи управляющим органом, Министерство юстиции РФ реализует развитие системы нотариата в тех или иных юридических направлениях. Названное министерство осуществляет работу, которая направлена на выработку соответствующих методических указаний по тем или иным вопросам, связанным с осуществлением нотариальной деятельности. Также полномочия данного министерства позволяют ему обеспечивать контроль над нотариальной деятельностью.

Нотариальные палаты являются некоммерческими организациями. В качестве членов нотариальных палат могут выступать как лица, которые являются практикующими нотариусами, так и те лица, которые планируют, получив соответствующую лицензию, осуществлять нотариальную деятельность. Федеральная нотариальная палата также занимается решением вопросов, которые связаны с необходимостью повышать ту квалификацию, которая соответствует действующим нотариусам. Кроме того, нотариальная палата обеспечивает возможности страхования ответственности нотариусов.

Результаты исследования. Анализ различных источников литературы позволил прийти к мнению о том, что та деятельность, которую осуществляют лица, исполняющие функции нотариуса, направлена непосредственно на то, чтобы обеспечить закрепление, а также реализацию тех имущественных прав, которые соответствуют участникам гражданских правоотношений.

Цели нотариальной деятельности имеют достаточно большое значение для существования законопослушного общества. В связи с этим законодательство, положениями которого обеспечивается регулирование нотариальной деятельности, постоянно дополняется и совершенствуется. Это связано также с тем, что защищенность прав и интересов участников гражданских правоотношений напрямую зависит от эффективной работы нотариусов.

Вопросы функционирования нотариата рассматриваются с различных позиций и поэтому имеют большого количества точек зрения, которые противоречат друг другу. Обратимся к следующим фактам.

1. Существующая система нотариата представляет собой публично-правовую организацию, не зависимо от того, рассматривается ли государственный нотариат или же объединение частнопрактикующих нотариусов. С этим мнением согласны ряд ученых, которые в своих работах пришли к аналогичному выводу [8–11]. Данный факт подтверждает то, что деятельность нотариата, несмотря на его частный статус, следует рассматривать в качестве элемента, который относится к государственной системе.

2. До того момента как была сформирована концепция, которая определили то место, которое должно соответствовать судебной власти, нотариат рассматривался неотъемлемой частью судебной системы. Многие исследователи поддерживают мнение Н. Б. Зейдера, который считает, что следует выделять широкий предмет,

соответствующий системе гражданско-процессуального права [12]. Согласно позиции Н. Б. Зейдера, предмет гражданского процессуального права включает в себя не только деятельность судебных органов по защите гражданских прав, но и деятельность, которую осуществляют иные органы, в том числе и нотариат. Следует также акцентировать внимание и на том факте, что нотариат входит в предмет изучения такой научной дисциплины, как гражданское процессуальное право.

Статья 10 Конституции Российской Федерации гласит, что осуществление государственной власти в нашей стране основывается на принципе разделения ветвей власти. Таким образом, выделяются исполнительная, законодательная и судебная ветви власти. Судебная система занимает в системе государственной власти свое определенное место, и относить к ней нотариат не представляется возможным. В рамках существующей системы разделения властей, задачами судебных органов является отправление правосудия. Правосудие осуществляется путем административного, уголовного, конституционного, арбитражного, а также гражданского судебного производства. Исходя из этого, суды не могут непосредственно руководить деятельностью нотариальной системы. Судебная система может оказывать воздействие на нотариат исключительно в тех случаях, когда судом проверяется правомерность тех действий, которые были осуществлены нотариусом. Такая проверка проводится при рассмотрении жалоб физических или юридических лиц на те действия, которые осуществлены нотариусом. Также правомерность нотариальных действий проверяется судами в тех случаях, когда имеет место быть оспаривание нотариальных сделок в рамках порядка рассмотрения споров, исходя из искового заявления.

Представляется актуальным определение того, какое место нотариат, будучи органом, который обладает публичной властью, занимает в системе гражданской юрисдикции. Такое понятие как «гражданская юрисдикция» включает в себя ту деятельность, которую осуществляют те или органы, обладающими полномочиями для того, чтобы разрешать дела, имеющие место быть в сфере гражданского оборота. Эти дела могут иметь как спорный, так и бесспорный характер. В качестве ключевого признака, который можно отнести к органам гражданской юрисдикции, следует обозначить тот факт, что деятельность таких органов осуществляется за счет реализации процедурно-процессуальных действий. Такие процедурно-процессуальные действия могут характеризоваться различной степенью сложности. Представляется верным положение о том, что нотариальная деятельность должна быть отнесена к системе гражданской юрисдикции. Таким образом, система нотариального производства отделяется от обычной процедуры, которой соответствует гражданско-правовой характер и приобретает государственно-правовой статус.

Обсуждение и заключения. Мероприятия, которые осуществляются в рамках нотариального производства, не могут быть отнесены к гражданским и арбитражным процессам. Однако следует выделить достаточно большое количество таких признаков, через которые можно отметить наличие связи между гражданским производством и нотариальным производством. Связь с гражданским производством позволяет отделить нотариальное производство от таких гражданско-правовых процедур, которые находят свою реализацию при осуществлении взаимодействия между физическими и юридическими лицами в рамках гражданского оборота.

Та часть гражданской юрисдикции, которая предполагает необходимость разрешения споров, относится к компетенции судебных органов. Та же ее часть, которая предполагает утверждение и удостоверение тех или иных бесспорных фактов, относится к ведению органов юстиции. Здесь следует упомянуть не только нотариальные органы, но и систему принудительного исполнения и учреждения ЗАГС.

В связи с обозначенными фактами, представляется объективным отнести органы нотариата к ведению юстиции. Это связано с тем, что нотариат, как и прочие органы юстиции, занимается вопросами, связанными с бесспорной юрисдикцией. Следует, однако, отметить тот факт, что имеет место быть большое количество общих

черт между судом и нотариальными органами.

Важно, что нотариат, как и суд осуществляет свою деятельность в сфере публичного права. Кроме того, свои полномочия нотариальные и судебные органы осуществляют от имени Российской Федерации. Обозначенные положения имеют свое подтверждение в нормативных правовых актах. Правосудие осуществляется судами от имени Российской Федерации, что подтверждается положениями, изложенными в статье 194 Гражданского процессуального кодекса РФ. Нотариусы, при реализации ими своих полномочий, также действуют от имени РФ, что подтверждается положениями, изложенными в первой статье Основ законодательства Российской Федерации о нотариате.

Следующим схожим моментом в деятельности судов и нотариусов является тот факт, что имеют место быть общие принципы, на основе которых их деятельность организуется и осуществляется. Нотариусы, а также судебные органы, реализуя возложенные на них обществом и государством обязанности, должны руководствоваться теми положениями, которые отражены в Конституции Российской Федерации и в различных федеральных законах. Также следует отметить тот факт, что и судебные органы, и нотариусы обладают независимостью. Кроме того, следует отметить, что и судья, и нотариус должны быть беспристрастными при осуществлении своих обязанностей, которые связаны с судопроизводством и нотариальными действиями.

Следует отметить тот факт, что судебная и нотариальная системы обладают общегосударственным статусом. Согласно положениям, которые отражены в статье 71 Конституции Российской Федерации, вопросы, связанные с процессуальным законодательством, относятся к ведению РФ. Исходя из положений, которые находят свое отражение в статье 71 Конституции, вопросы, связанные с деятельностью нотариата, относятся к ведению РФ и к ведению субъектов федерации. Однако большим преимуществом в вопросах, связанных с организацией деятельности нотариата, обладает законодательство федерального уровня. Наличие подобного единого подхода к вопросам, связанным с регулированием функционирования судебной системы и нотариата, следует рассматривать как важный фактор, которым определяется единство правовой системы на территории нашего государства, а также стандарты обеспечения защиты прав и законных интересов тех субъектов, которые являются участниками гражданских правоотношений.

Необходимо обратить внимание и на имеющиеся отличия той деятельности, которая осуществляется судами, от той деятельности, которая осуществляется нотариусами. Реализация судебной деятельности предполагает отправление правосудия. Отправление же правосудия в нашей стране возможно только судом. Исключительные функции, которые соответствуют суду, согласно положениям статьи 118 Конституции Российской Федерации, может осуществлять только суд. Деятельность, которую осуществляют нотариусы, не предполагает отправление правосудия. Кроме того, те функции, которые реализуются нотариатом, не являются исключительными и могут также осуществляться иными лицами, которые обладают соответствующими полномочиями.

В качестве следующего отличия можно назвать ту степень обязательности исполнения, которая соответствует судебным актам и тем актам, которые издаются нотариальными органам. Те акты и постановления, которые издаются судами, обладают общеобязательным характером, они являются обязательными для исполнения всеми физическими и юридическими лицами, а также государственными органами власти. Для исполнения судебного решения используются ресурсы службы судебных приставов. Те акты, которые издаются нотариусом, за исключениями, которые прямо обозначаются в положениях Федерального закона «Об исполнительном производстве», не могут быть исполнены принудительно напрямую. В том случае, если одна из сторон, которая принимала участие в нотариальных действиях, отказывается исполнять нотариальный акт, то принудить эту сторону может только суд на основании соответствующего решения, которое может быть вынесено в результате

судебного разбирательства.

Отличием также является тот факт, что деятельность судов полностью финансируется за счет государственных средств. Финансирование государством нотариальной деятельности осуществляется только в рамках той деятельности, которую осуществляют государственные нотариусы. Если же вести речь о частнопрактикующих нотариусах, то та деятельность, которую они осуществляют, финансируется ими самостоятельно. Какие-либо дотации со стороны государства не предусмотрены.

При рассмотрении проблемных вопросов, которые связаны с нотариальной деятельностью, следует акцентировать внимание на том факте, что само понятие «нотариат» требует значительного пересмотра. Согласно определению исследователей В. В. Яркова, И. Г. Черемных и Г. Г. Калиниченко, нотариат следует понимать в качестве системы, которая представляет собой часть системы государства. Названные авторы отмечают: «нотариат следует относить к государственной системе вне зависимости от того, какова форма его организации» [13, с. 11]. Это подтверждается и символикой нотариусов, использующих на своих печатях государственный герб Российской Федерации, введением Регламента нотариальных действий, устанавливающего объем необходимой информации, а также ведением единого реестра нотариальных действий.

В том случае, когда при реализации гражданско-правовых отношений между участниками таких отношений возникают спорные вопросы, то эти спорные вопросы должны разрешаться судом. В том случае, когда спорные вопросы отсутствуют, гражданская юрисдикция может быть обеспечена действиями нотариуса.

Рассматривая вопрос о том, какое соотношение имеет место быть между нотариальными и судебными органами, необходимо акцентировании внимание на вопросе, который связан с процедурой, в рамках которой рассматривается возможность оспорить завещание в процессе судебного производства. Мероприятия, в рамках которых осуществляется удостоверение завещаний, могут представлять собой компетенцию не только нотариусов. Такими же полномочиями могут обладать главы местных администраций и иные лица, являющиеся уполномоченными на совершение таких действий согласно положениям действующего законодательства РФ. В том числе это могут быть лица, которые работают в консульских учреждениях, относящихся к Российской Федерации. Возвращаясь к проблеме судебного обжалования завещаний, следует обратить внимание на то, что существуют споры относительно того, какое именно процессуальное положение должен занимать нотариус или другое лицо, которым было удостоверено конкретное завещание. Ряд ученых, рассматривая данный вопрос, считают, что нотариус должен быть третьим лицом [14–16]. С этим заключением невозможно не согласится и таким образом в данном вопросе автору представляется верным занять сторону тех специалистов, которые предлагают рассматривать нотариуса в качестве третьего лица, которое не заявляет каких-либо самостоятельных требований относительно предмета спора.

В связи с этим, следует высказать предположение относительного того, что подобный вопрос должен получить свое должное регулирование в рамках судебной практики. Его решение должно способствовать более эффективному и справедливому рассмотрению подобных споров в судах.

Список литературы

1. Ветрила, Е. В. Актуальные проблемы борьбы с преступностью на современном этапе : моногр. / Е. В. Ветрила, В. Е. Кассихина, Н. В. Сплавская [и др.]. — Сочи, 2015. — 202 с.

2. Азнаев, А. М. Конституционно-правовые основы деятельности нотариата в Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук / А. М. Азнаев. — Москва, 2008. — 190 с.

3. Акимова, С. Б. Обеспечение конституционного права граждан на оказание квалифицированной

юридической помощи и защиты права собственности нотариатом в Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук / С. Б. Акимова. — Пенза, 2004. — 176 с.

4. Ралько, В. В. Будущее нотариата / В. В. Ралько // Нотариус. — 2016. — № 8. — С. 8–11.

5. Егорова, М. Е. Взаимодействие суда и нотариата как правоохранительного органа по вопросам обеспечения деятельности суда / М. Е. Егорова // Арбитражный и гражданский процесс. — 2015. — № 10. — С. 3–6.

6. Филиппова, О. В. Нотариат России в механизме защиты прав граждан / О. В. Филиппова // Административное и муниципальное право. — 2010. — № 10 (34). — С. 23–31.

7. Дарькин, А. О. Внесудебная форма защиты прав и охраняемых законом интересов физических и юридических лиц / А. О. Дарькин // Современный юрист. — 2014. — № 3 (8). — С. 18–26.

8. Бегичев, А. В. Соотношение правового статуса государственных и частных нотариусов / А. В. Бегичев // Евразийская адвокатура. — 2017. — № 2 (27). — С. 83–86.

9. Волостнова, Д. С. Экономические основы оценки нотариальной деятельности как особого вида государственных услуг / Д. С. Волостнова, С. М. Волостнов // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. — 2012. — № 4 (32). — С. 16–22.

10. Агибалова, Е. Н. Современный нотариат в эпоху цифровой трансформации / Е. Н. Агибалова, А. А. Рыжова // Правовая парадигма. — 2022. — Т. 21, № 1. — С. 166–170.

11. Раттур, М. В. Становление института нотариата в России: к вопросу о рецепции правовых норм / М. В. Раттур // Образование и право. — 2022. — № 5. — С. 441–446.

12. Зейдер, Н. Б. Предмет и система советского гражданского процессуального права / Н. Б. Зейдер // Правоведение. — 1962. — № 3. — С. 69–82.

13. Ярошенко, Т. В. Нотариат (нотариальное право) как самостоятельная отрасль права или отдельный правовой институт / Т. В. Ярошенко // Нотариус. — 2022. — № 3. — С. 9–11.

14. Беньягуев, Г. И. Нотариат как часть судебной системы / Г. И. Беньягуев // Нотариус. — 2006. — № 4. — С. 42–47.

15. Романовская, О. В. Модернизация законодательства о нотариате / О. В. Романовская // Судья. — 2014. — № 7. — С. 37–42.

16. Романовская, О. В. Современные проблемы развития нотариата в Российской Федерации (в преддверии 30-летия Основ о нотариате) / О. В. Романовская // Гражданин и право. — 2022. — № 11. — С. 44–51.

Поступила в редакцию 18.01.2023.

Поступила после рецензирования 28.01.2023.

Принята к публикации 03.02.2023.

Об авторе:

Смоленский Михаил Борисович, профессор кафедры «Гражданское право» Донского государственного технического университета (344003, РФ, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Ростовского филиала Российской таможенной академии (344002, РФ, г. Ростов-на-Дону, пр-кт Буденновский, 20), доктор социологических наук, кандидат юридических наук, профессор, ScopusID, ORCID, rta-sf@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 347.3/7

https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-1-126-136

Киберпреступления: понятие, классификация, международное противодействие

С. С. Витвицкая, А. А. Витвицкий, Ю. И. Исакова

Донской государственный технический университет, Российская Федерация,

г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1

✉ omar67@yandex.ru

Аннотация

Введение. В уголовно-правовой доктрине, нормативных источниках и официальных документах, принятых на международном уровне, существуют различные подходы к определению понятий «киберпреступность» и «киберпреступления», предлагаются разные перечни и классификации этих преступных деяний. Эти разночтения отрицательно сказываются на результативности борьбы с данной разновидностью преступлений. Трансграничный характер киберпреступлений и взаимосвязанность информационно-телекоммуникационных технологий и информационных инфраструктур (Интернета) свидетельствуют о том, что эффективное обеспечение кибербезопасности возможно лишь при условии налаживания международного сотрудничества в этой сфере. Это предполагает разработку унифицированного подхода к определению понятия и перечня киберпреступлений и расширение сотрудничества между странами в сфере выявления, пресечения, раскрытия и расследования киберпреступлений. Цели исследования — сформулировать определение понятия «киберпреступность», рассмотреть классификации киберпреступлений и выработать предложения по совершенствованию правового регулирования в сфере противодействия киберпреступности.

Материалы и методы. Объектом исследования являются общественные отношения в сфере противодействия киберпреступности. В процессе исследования этого объекта использовалась юридическая методология, включающая общенаучные, а также специальные научные методы познания.

Результаты исследования. В статье формулируется авторская дефиниция термина «киберпреступность», определяется теоретическое и практическое значение классификаций киберпреступлений, созданных по таким основаниям, как объект преступного посягательства; субъект преступления; способ и средства совершения преступления. В целях повышения эффективности противодействия киберпреступности вносятся конкретные предложения по реформированию российского и международного уголовного законодательства, налаживанию международного сотрудничества в рамках ООН, ШОС, ОДКБ, БРИКС.

Обсуждение и заключения. Выводы, предложения и рекомендации, сформулированные в ходе исследования, обладают определенной теоретической значимостью, так как могут стать основой для дальнейших исследований феномена киберпреступности в рамках уголовного права и криминологии, а также имеют практическое значение для совершенствования практики противодействия киберпреступлениям и повышения эффективности соответствующего уголовного законодательства.

Ключевые слова: киберпреступление, классификация киберпреступлений, криминализация, международное сотрудничество.

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензенту, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Витвицкая, С. С. Киберпреступления: понятие, классификация, международное противодействие / С. С. Витвицкая, А. А. Витвицкий, Ю. И. Исакова // Правовой порядок и правовые ценности. — 2023. — Т. 1, № 1. — С. 126–136. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-1-126-136

Original article

Cybercrimes: Concept, Classification, International Countering

Svetlana S. Vitvitskaya, **Andrey A. Vitvitsky**, **Yulia I. Isakova**

Don State Technical University, 1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ omar67@yandex.ru

Abstract

Introduction. In the criminal law doctrine, in the legislative sources and internationally recognised official documents there exist different approaches to defining the concepts of "cyber criminality" and "cybercrime", different nomenclatures and classifications of these criminal actions are proposed. These discrepancies negatively influence the efficiency of the fight against this type of crime. The transboundary nature of cybercrimes and interrelation between the information and telecommunication technologies and the information infrastructures (Internet) testify that efficient provision of cybersecurity is possible only on condition of the international cooperation in this field. This implies development of the unified approach to defining the cybercrimes concept and nomenclature and extension of cooperation between the countries in detecting, suppressing, solving and investigating the cybercrimes. The aim of the study is to define the concept of "cyber criminality", to consider cybercrimes classification and to develop proposals for improving the legal regulation in the field of cybercrime countering.

***Materials and Methods*.** The object of the study is social relations in the field of cybercrime countering. In the course of the study, the legal methodology was used, including general as well as special scientific methods.

Results. The article formulates the authors' definition of the term "cyber criminality", defines the theoretical and practical significance of the cybercrimes classification based on the grounds of such notions as: object of criminal encroachment; the subject of the crime; the method and means of committing the crime. Striving to enhance the cyber criminality countering efficiency, the concrete proposals are made to reform the Russian and the international criminal legislation, to establish international cooperation within the framework of the UN, the Shanghai Cooperation Organisation (SCO), the Collective Security Treaty Organisation (CSTO), BRICS.

***Discussion and Conclusions*.** The conclusions, suggestions and recommendations formulated in the course of the study have certain theoretical significance as they can become the basis for further studies of the cyber criminality phenomenon in the frame of the criminal law and criminology, as well as have practical significance for improving the cybercrime countering practices and enhancing efficiency of the relevant criminal legislation.

Keywords: cybercrime, cybercrimes classification, criminalisation, international cooperation.

Acknowledgements. The authors express their gratitude to reviewer, whose critical assessment of the materials and suggestions for their improvement contributed to significant improvement of article's quality.

For citation. S. S. Vitvitskaya, A. A. Vitvitsky, Y. I. Isakova. Cybercrimes: Concept, Classification, International Countering. Legal Order and Legal Values, 2023, vol. 1, no 1, pp. 126–136. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-1-126-136

Введение. Киберпреступность является относительно новой, однако чрезвычайно опасной и динамично развивающейся разновидностью преступности, имеющей трансграничный, высокоинтеллектуальный, организованный характер, угрожающей самым различным правоохраняемым ценностям (личности, обществу, государству). Трансграничный характер киберпреступлений и взаимосвязанность информационно-телекоммуникационных технологий и информационных инфраструктур (Интернета) свидетельствуют о том, что эффективное обеспечение кибербезопасности возможно лишь при условии налаживания международного сотрудничества в этой сфере. Это предполагает как разработку унифицированного подхода к определению понятия киберпреступности и перечня киберпреступлений, так и налаживание взаимодействия между странами в сфере выявления, пресечения, раскрытия и расследования киберпреступлений. Цель настоящего исследования — сформулировать определение понятия «киберпреступность», рассмотреть классификации киберпреступлений и выработать предложения по совершенствованию правового регулирования в сфере противодействия киберпреступности.

Материалы и методы. Объектом исследования являются общественные отношения в сфере противодействия киберпреступности. В процессе исследования этого объекта использовалась юридическая методология, включающая разнообразные приемы, формы и способы познания, среди которых выделяются: общенаучные методы исследования (анализ и синтез, структурно-системный и функциональный подходы), а также специальные научные методы, в том числе историко-политический, компаративистский, конкретно-социологический, формально-логический, систематический, грамматический и др.

В юридической и иной научной литературе для обозначения общественно-опасных деяний, осуществляемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, используются различные термины и формулировки. Это «компьютерные преступления», «киберпреступления», «интернет-преступления», «преступления, совершаемые с использованием интернет-технологий», «преступления, совершаемые в виртуальной среде», «преступления, совершаемые в Интернете», «преступления, совершаемые с помощью информационно-телекоммуникационных технологий», «компьютерная преступность», «киберпреступность», «интернет-преступность», «кибератаки», «кибервойны», «киберконфликты» и др. Содержание каждой из вышеперечисленных категорий подвергается обсуждению и интерпретации.

Анализ научных источников, официальных документов и нормативных правовых актов, посвященных проблеме противодействия деяниям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, показывает, что одни правоведы склонны узко трактовать содержание вышеперечисленных дефиниций, сводя их к посягательствам на такой правоохраняемый объект, как информационная безопасность [1–4]. В рамках «широкого» подхода вышеуказанные термины используются для обозначения самых различных преступлений, совершаемых в виртуальном (Интернет) пространстве [5, 6] с использованием компьютерной

техники и информационно-телекоммуникационных сетей, а также иных средств доступа к киберпространству [7–9].

По нашему мнению, широкое толкование терминов является правомерным. Результаты криминологических исследований свидетельствуют о наличии устойчивой тенденции к появлению в виртуальном пространстве все новых видов посягательств на различные правоохраняемые общественные отношения, ценности, права и свободы. Объектами преступлений становятся жизнь, здоровье, нравственное, физическое, половое развитие несовершеннолетних. Преступники посягают на собственность, в том числе и интеллектуальную, на общественную безопасность, общественный порядок, общественное здоровье, общественную нравственность, основы конституционного строя и государственной власти, мир и безопасность человечества. Для киберпреступлений характерно то, что информация, информационно-телекоммуникационные технологии могут выступать предметом, орудием или средством совершения общественно-опасного деяния [10].

На международном уровне тенденция к широкому толкованию анализируемых нами понятий обнаружила себя при обсуждении актуальных проблем противодействия киберпреступлениям в рамках X Конгресса ООН, который состоялся в 2000 г. [11]. Эксперты использовали понятие киберпреступности на этом симпозиуме для обозначения «компьютерных» преступлений, где объектом является информационная безопасность, а предметом — компьютер, а также посягательств на любые общественные отношения, совершаемых с использованием компьютеров в качестве орудия или средства.

Первым международно-правовым актом, в котором были приняты меры к унификации перечня и признаков киберпреступлений, стала Конвенция о киберпреступности, принятая Комитетом министров Совета Европы 8 ноября 2001 г. в г. Будапешт [12]. По состоянию на октябрь 2022 года этот нормативный акт ратифицировали 67 государств, в том числе Австралия, Канада, Соединенные Штаты, Израиль, Япония, Аргентина, Гана, Доминиканская Республика, Кабо–Верде, Колумбия, Коста-Рика, Маврикий, Марокко, Нигерия, Панама, Парагвай, Перу, Сенегал, Филиппины, Чили, Шри-Ланка, Тонга.

В этом документе государствам-участникам предлагается криминализировать посягательства на такие объекты, как информационная (компьютерная) безопасность, собственность, интеллектуальная собственность, а также деяния, связанные с распространением незаконного контента в информационных сетях (детская порнография; информация экстремистского характера). Подобная трактовка киберпреступности прослеживается и в других директивах стран-участниц Конвенции, которые были посвящены проблемам противодействия атакам на информационные сети, а также сохранению безопасности сетей и информационных систем.

Таким образом, в вышеуказанных документах ООН и Евросоюза к киберпреступности причисляются не только «компьютерные» преступления, посягающие на информационную безопасность, но и иные преступления, использующие компьютер как орудие (computer-facilitated) либо средство преступления (computer-related). Думается, эта позиция является в целом правильной, так как использование информационно-телекоммуникационных технологий в качестве орудия или средства преступного посягательства на любые объекты повышает эффективность преступной деятельности, придавая ей качественно новую форму, делая ее трансграничной, масштабной и труднораскрываемой. К сожалению, в указанных выше документах ООН и Евросоюза ничего не говорится о противодействии использованию информационно-телекоммуникационных технологий в качестве оружия в военно-политических конфликтах, для вмешательства во внутренние дела государств, для осуществления подрывной, террористической, шпионской и диверсионной деятельности.

Кроме того, в анализируемых официальных актах ООН и Евросоюза не учитываются возможности «мобильного» доступа в Интернет для совершения киберпреступлений. Это не позволяет относить к

киберпреступлениям посягательства, при совершении которых используются не компьютерные, а иные устройства, обеспечивающие доступ к сети, в частности «портативные» мобильные телефоны. Поэтому правильнее было бы считать, что киберпреступность представляет собой совокупность преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, посягающих на информационную безопасность и(или) использующих компьютер, а также иные устройства, обеспечивающие доступ к сети, в качестве орудия либо средства совершения преступления.

Следует отметить, что большинство стран, в том числе Россия, Китай, Индия и Бразилия, признавая необходимость налаживания противодействия киберпреступности на международном уровне, не подписали конвенцию Совета Европы 2001 г. Разногласия со странами-участницами возникли относительно статьи 32 (параграф b) «о трансграничном доступе к компьютерным данным», позволяющей различным спецслужбам без официального уведомления проводить операции в компьютерных сетях третьих стран. Эксперты в области информационно-телекоммуникационных технологий считают, что подобное право существенно угрожает безопасности государств, нарушает цифровой суверенитет стран, узурпирует право на конфиденциальность персональных данных. По мнению экс-сотрудник ЦРУ Эдварда Сноудена, эта норма является отражением киберполитики США, которая делает ставку не на защиту от киберпреступлений, а на шпионаж и взлом сетей других стран [13].

Для такого рода подозрений есть объективные основания. Если обратиться к истории возникновения и развития информационных систем и сетей, то следует обратить внимание на то, что прообраз Интернета был разработан в целях налаживания внутриведомственного взаимодействия в оборонных и разведывательных структурах США, которые впоследствии (не без задней мысли) дали ему путевку в «большую жизнь». Как известно, США активно использовали информационно-телекоммуникационные технологии для установления слежки за своими и иностранными гражданами, сбора персональных данных и сведений составляющих личную или семейную тайну, и последующего установления контроля над лицами, занимающими ключевые государственные должности или занимающимися политической деятельностью; для распространения сепаратистского и экстремистского контента; организации «оранжевых» революций.

То же самое можно сказать о происхождении анонимайзеров. Например, TOR (The Onion Router) был разработан ВМС США. В 2002 г. эта программа была рассекречена и передана независимым разработчикам, которые создали клиентское программное обеспечение и опубликовали исходный код под свободной лицензией, чтобы все желающие могли его опробовать. Ныне TOR активно используется преступными элементами для различной противоправной деятельности в черном сегменте Интернета — Даркнете (darknet), в том числе для торговли наркотическими средствами, психотропными веществами, оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами, для организации и проведения незаконных азартных игр, торговли людьми, распространения порнографических изображений несовершеннолетних, торговли персональными данными. При помощи этого сегмента организуются хакерские аукционы, на которых продаются новейшие разработки, обеспечивающие противоправный доступ, копирование, модификацию и уничтожение компьютерной информации в целях хищения, совершения атак на объекты инфраструктуры. Проводя свою агрессивную политику в информационной сфере, США в целях удержания цифрового доминирования, пытаются лоббировать распространение американских компьютерных и иных телекоммуникационных устройств, компьютерных программ; популяризировать американские социальные сети; инициировать принятие нормативных актов, в том числе и на международном уровне, с помощью которых они могут получить доступ к информационным данным любых лиц, организаций и государств, и использовать их в разведывательных, контрразведывательных,

подрывных целях.

Пытаясь замаскировать свои намерения, США в документах стратегического планирования, посвященных обеспечению информационной безопасности, последовательно обвиняют другие страны (прежде всего, Россию и Китай) в кибернападениях; угрожают применением любого, в том числе ядерного оружия в случаях посягательств на их информационную инфраструктуру; составляют лжерейтинги свободы использования Интернета, в которых первые места, разумеется, отдаются западным странам, а последние — государствам, пытающимся отстоять свой цифровой суверенитет; активно задействуют для кибернападений и кибершпионажа частные IT-фирмы и даже отдельных хакеров. То же самое делают другие страны коллективного Запада (Евросоюз, Великобритания, Австралия, Канада и др.). В частности, в стратегиях обеспечения информационной безопасности Евросоюза указываются те же источники угроз, что и в подобных документах США — Россия и Китай. В проводимых учениях по обеспечению кибербезопасности разыгрываются сценарии отражения кибератак со стороны Китая и России.

Несмотря на этот неконструктивный, и прямо скажем, агрессивный настрой недружественных стран, Россия и целый ряд государств, входящих в ШОС, БРИКС, АТЭС, СНГ, ОДКБ, пытаются последовательно отстаивать свое видение равноправных отношений в информационной сфере, исключающее доминирование одних стран над другими, гарантирующее цифровой суверенитет различных государств, обеспечивающее использование информационно-телекоммуникационных средств и сетей только в конструктивных целях, во благо всего мира и человечества.

Примером этого являются законодательные инициативы перечисленных выше международных организаций. Так, в 2011 г. члены ШОС — Россия, Китай, Узбекистан, Таджикистан — разработали и представили Генеральному Секретарю ООН «Правила поведения государств в области обеспечения международной информационной безопасности», в которых указывается на потребность в интернационализации управления сетью Интернет, подчеркивается необходимость установления запретов относительно применения государствами компьютерных и иных коммуникационных средств в целях совершения посягательств на международный мир и безопасность, вмешательства во внутреннюю политику иных стран, использования военной силы для разрешения международных киберконфликтов.

Страны БРИКС (Бразилия, Индия, Китай, Россия, ЮАР) в 2014 г. приняли Форталезскую декларацию, в которой указывается на необходимость налаживания широкого международного сотрудничества (в рамках ООН) в сфере противодействия киберпреступности и заявляется о недопустимости использования информационно-телекоммуникационных технологий для кибернападений на объекты стратегического назначения, финансового сектора, атомной энергетики и т.п.

В 2016 году в ООН был принят проект резолюции «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности», представленной 80 государствами, в том числе странами БРИКС. В этом документе была поставлена задача выработки основ ответственного поведения государств в информационном пространстве и преодоления разрыва в уровне развития ИКТ между развитыми и развивающимися странами.

В 2020 г. на саммите Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) обсуждались вопросы координации мер по защите персональной информации и борьбе с киберпреступлениями.

Существенную роль в создании и наращивании потенциала информационной безопасности может сыграть создание кризисных центров ОДКБ, ШОС, БРИКС для совместного реагирования на серьезные киберугрозы, включая атаки на критическую инфраструктуру государств-участников, отработка сценариев урегулирования

международных кризисов в виртуальном пространстве.

В 2021 г. Россия внесла в ООН проект Конвенции о противодействии использованию ИКТ в преступных целях [14], в котором исключен пункт о трансграничном доступе к хранящимся компьютерным данным; приведен перечень деяний, совершенных в Интернете; указано на возможность использования телефона и других средств коммуникаций при совершении киберпреступлений. Круг киберпреступлений в этом законопроекте существенно расширен по сравнению с Европейской Конвенцией. К киберпреступлениям отнесены посягательства на критическую информационную инфраструктуру; склонение к самоубийству или доведение до его совершения; вовлечение несовершеннолетнего в совершение противоправных действий, опасных для его жизни и здоровья; деяния в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, фальсифицированных лекарственных средств и медицинских изделий, оружия; подстрекательство к подрывной или вооруженной деятельности; преступления террористической направленности; оправдание преступлений против мира и человечности и нацизма; использование ИКТ для совершения деяний, признанных преступлениями в соответствии с международным правом и др.

На наш взгляд, российскую законодательную инициативу следует признать весьма своевременной и разумной. Дело в том, что с момента принятия Будапештской конвенции криминологическая ситуация в киберпространстве существенно изменилась. С использованием телекоммуникационных технологий совершаются деяния, нацеленные на ослабление морально-нравственных основ общества, на дестабилизацию демографической и психологической ситуации в странах-оппонентах, на ведение информационной войны. Наблюдается такая форма киберпреступления, как кибершпионаж. Существует реальная угроза употребления информационно-телекоммуникационных технологий в ходе внешнеполитических и военных конфликтов для осуществления диверсий на объектах критической информационной инфраструктуры и др. Появились новые формы киберпосягательств на общественную безопасность, здоровье населения, общественную нравственность и другие правоохраняемые объекты.

Представляется, что российское национальное уголовное законодательство нуждается в реформировании для повышения эффективности противодействия киберпреступности. В частности, в УК РФ следует криминализировать новые виды преступлений против цифровой безопасности (несанкционированный доступ к персональным данным; незаконный оборот устройств, разработанных или адаптированных для целей совершения преступлений и др.). В качестве обстоятельства, отягчающего наказание, в ст. 63 УК РФ следует упомянуть совершение преступления с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Помимо этого необходимо осуществлять постоянный мониторинг криминологической ситуации, нацеленный на выявление новых видов преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, проводить дальнейшие научные исследования этих общественно-опасных деяний, заниматься их всесторонним анализом и классификацией.

В настоящее время существуют различные классификации киберпреступлений, созданные по разным основаниям. По объекту деяния, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, подразделяются преступления против жизни и здоровья несовершеннолетних; против собственности, интеллектуальной собственности; общественной безопасности; общественного порядка; здоровья населения; общественной нравственности; компьютерной безопасности; против основ конституционного строя и безопасности государства, мира и безопасности человечества и др. Данная классификация имеет значение для правильной систематизации соответствующих новелл в рамках действующего уголовного закона.

В зависимости от субъекта деяния следует подразделить преступления, совершаемые физическими лицами, с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе лицами, выполняющими управленческие функции или исполняющими должностные обязанности, а также общественно опасные деяния, совершаемые одними государствами против других. Данная классификация играет важную роль для решения вопросов установления различных видов ответственности в рамках национального уголовного законодательства и международно-правовых договоров. Отметим, что еще в 2017 г. отечественный Центр стратегических разработок (ЦСР) выступил с инициативой, касающейся адаптации ключевых норм международного гуманитарного права, в том числе Женевских конвенций, к общественно опасным действиям государств с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Классификации киберпреступлений по способу и средствам совершения преступления имеют важное криминологическое и криминалистическое значение. В качестве примера приведем «Рекомендательные типологии новых преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий», разработанные Межпарламентской Ассамблеей государств-участников Содружества Независимых Государств [15]. В постановлении № 51-24 от 27 ноября 2020 года отмечается, что неконкретность понятий и отсутствие единого подхода к терминологии и классификации новых способов совершения преступлений в сфере информационных технологий осложняет противодействие им, а предлагаемая типология дает возможность создать единый механизм учетно-аналитических операций при оценке состояния и динамики киберпреступности и определить пути сотрудничества в рассматриваемой сфере. Авторы этого документа выделяют следующие виды киберпреступлений: 1) мошеннические действия с использованием сети Интернет, средств подвижной связи и систем дистанционного банковского обслуживания; 2) хищения через вмешательство в функционирование средств хранения, обработки и передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей путем подделки электронных средств идентификации платежей, использования идентификационных данных банковских карт; 3) иные способы хищений и причинения имущественного ущерба посредством использования средств подвижной связи (взимание повышенных сборов за телефонные звонки, мошенничество на платформах бесплатных объявлений, мошенничество в виде конкурса СМС-сообщений или теста на общие знания); 4) использование информационных технологий для совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров; 5) использование информационных технологий с целью совершения преступлений против несовершеннолетних, в том числе склонение несовершеннолетних к совершению самоубийства, вовлечение их в порнобизнес; 6) использование информационных технологий для совершения преступлений террористического и экстремистского характера, в том числе кибертерроризма. В указанном постановлении Межпарламентской Ассамблеи СНГ представлен развернутый анализ преступных схем и методик. Это позволит существенно повысить эффективность предупреждения, пресечения, раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий на национальном уровне и наладить взаимодействие правоохранительных органов государств-союзников в данных сферах, в том числе организовать информационный обмен, скоординировать правовые, организационные и технические меры противодействия.

Результаты исследования. Киберпреступность представляет собой совокупность преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, посягающих на информационную безопасность и(или) использующих компьютер, а также иные устройства, обеспечивающие доступ к сети, в качестве орудия (computer-facilitated) либо средства преступления (computer-related).

Необходимо осуществлять постоянный мониторинг криминологической ситуации, нацеленный на выявление

новых видов преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, проводить дальнейшие научные исследования этих общественно опасных деяний, заниматься их всесторонним анализом и классификацией с целью своевременной криминализации новых видов общественно опасных деяний, разработки наиболее эффективных мер противодействия им.

Классификации киберпреступлений, созданные по различным основаниям, имеют разное прикладное значение. Классификация по объекту преступного посягательства играет важную роль для правильной систематизации соответствующих новелл в рамках действующего уголовного закона. Классификация в зависимости от субъекта преступного деяния имеет значение для решения вопросов установления различных видов ответственности в рамках национального уголовного законодательства и международно-правовых договоров. Классификации по способу и средствам совершения преступления имеют важное криминологическое и криминалистическое значение.

В целях повышения эффективности противодействия киберпреступности российское национальное уголовное законодательство нуждается в реформировании. В УК РФ следует криминализировать новые виды преступлений против цифровой безопасности (несанкционированный доступ к персональным данным; незаконный оборот устройств, разработанных или адаптированных для целей совершения преступлений и др.); а в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, в ст. 63 УК РФ следует упомянуть «совершение преступления с использованием информационно-телекоммуникационных технологий».

Трансграничный характер киберпреступлений и взаимосвязанность информационно-телекоммуникационных технологий и информационных инфраструктур (прежде всего, Интернета) свидетельствуют о том, что эффективное обеспечение кибербезопасности возможно лишь при условии налаживания международного сотрудничества в этой сфере. Это предполагает разработку унифицированного подхода к определению понятия и перечня киберпреступлений, и расширения сотрудничества между странами в сфере выявления, пресечения, раскрытия и расследования киберпреступлений.

В условиях современного острого внешнеполитического противостояния стран коллективного Запада, с одной стороны, России и ее союзников, с другой стороны, противодействие общественно опасным деяниям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, осуществляется преимущественно на уровне блоков отдельных государств.

Создание коллективных форм взаимодействия в сфере обеспечения информационной безопасности возможно с союзниками и партнерами России (в рамках ОДКБ, ШОС, БРИКС) на основе согласования общих принципов, норм и правил поведения в киберсреде; унификации норм уголовного законодательства, предусматривающих ответственность за преступления, совершаемые в виртуальном пространстве; налаживания взаимодействия в области информационного обмена, предупреждения, выявления, пресечения, раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий; создания механизмов коллективной обороны от киберагрессии со стороны недружественных государств.

Существенную роль в создании и наращивании потенциала информационной безопасности может сыграть создание кризисных центров ОДКБ, ШОС, БРИКС для совместного реагирования на серьезные киберугрозы, включая атаки на критическую инфраструктуру государств-участников, отработка сценариев урегулирования международных кризисов в виртуальном пространстве.

Обсуждение и заключения. Выводы, предложения и рекомендации, сформулированные в ходе исследования, способствуют достижению цели повышения эффективности противодействия киберпреступности. Теоретическая значимость выводов заключается в том, что представленные положения

могут стать основой для дальнейших исследований феномена киберпреступности в рамках уголовного права и криминологии. Результаты исследования имеют определенное практическое значение для повышения эффективности соответствующего уголовного законодательства и совершенствования деятельности в сфере предупреждения и пресечения киберпреступлений.

Список литературы

1. Гасанов, А. М. Понятие и признаки киберпреступлений / А. М. Гасанов, Я. Ю. Меженина // Colloquium-Journal. — 2019. — № 16–7 (40). — С. 137–138.

2. Рябинин, К. Ю. Понятие и признаки киберпреступлений / К. Ю. Рябинин // Colloquium-Journal. — 2020. — № 5–8 (57). — С. 46–48.

3. Голубев, В. А. «Кибертерроризм» — миф или реальность? Центр исследования компьютерных преступлений / В. А. Голубев // Computer Crime Research Centre : [сайт]. — URL: http://www.crime-research.org/ (дата обращения: 15.12.2022).

4. Кучерков, И. А. О понятии «киберпреступление» в законодательстве и научной доктрине // Юридическая наука. — 2019. — № 10. — С. 78–81.

5. Романов, И. В. Понятие киберпреступлений и его значение для расследования // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2016. — № 5 (13). — С. 105–109.

6. Тропина, Т. Л. Киберпреступность: понятие, состояние, уголовно-правовые меры борьбы : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Т. Л. Тропина. — Владивосток, 2005. — 28 с.

7. Простосердов, М. А. Экономические преступления, совершаемые в киберпространстве, и меры противодействия им : дис. … канд. юрид. наук / М. А. Простосердов. — Москва, 2016. — 232 с.

8. Ищенко, Е. П. О криминалистическом обеспечении раскрытия и расследования киберпреступлений / Е. П. Ищенко // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сборник материалов 20-й международной научно-практической конференции. В 2 томах. Том 1. — Иркутск : Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2015. — С. 336–341.

9. Киберпреступность — определение, классификация киберпреступлений. — URL: https://elcomrevue.ru/blog/cybercrime/kibeoprestupnost-chto-eto/ (дата обращения: 15.12.2022).

10. Номоконов, В. А. Киберпреступность, как новая криминальная угроза / В. А. Номоконов, Т. Л. Тропина // Криминология. Вчера. Сегодня. Завтра. — 2012. — № 1 (24). — С. 45–55.

11. Волеводз, А. Г. Десятый Конгресс Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями: сборник документов / А. Г. Волеводз. — Москва : Изд-во «Юрлитинформ», 2001. — 496 с.

12. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS N 185 (Будапешт, 23 ноября 2001 г.) // СПС Гарант : [сайт]. — URL: https://base.garant.ru/4089723/ (дата обращения: 21.12.2022).

13. Киберпреступность в мире // Портал TAdviser : [сайт]. — URL: https:// www.tadviser.ru (дата обращения: 21.12.2022).

14. Проект Конвенции Организации Объединенных Наций о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях по борьбе с киберпреступностью. — URL:https://www.unodc.org/documents/Cybercrime/AdHocCommittee/Second_session/Russia_Contribution_R.pdf (дата обращения: 21.12.2022).

15. О Рекомендательных типологиях новых преступлений, совершаемых с использованием информационных

технологий: Постановление межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 27 ноября 2020 г. № 51-24 // СПС Гарант : [сайт]. — URL: https://base.garant.ru/4089723/ (дата обращения: 21.12.2022).

Поступила в редакцию 15.01.2023.

Поступила после рецензирования 01.02.2023.

Принята к публикации 03.02.2023

Об авторах:

Витвицкая Светлана Сергеевна, доцент кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины» Донского государственного технического университета (344003, РФ, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), кандидат юридических наук, доцент, ORCID, omar67@yandex.ru

Витвицкий Андрей Анатольевич, доцент кафедры «Гражданское право» Донского государственного технического университета (344003, РФ, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), кандидат юридических наук, доцент, ORCID, fishbrook@yandex.ru

Исакова Юлия Игоревна, декан факультета «Юридический», заведующий кафедрой «Уголовное право и публично-правовые дисциплины» Донского государственного технического университета (344003, РФ, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), доктор социологических наук, кандидат юридических наук, доцент, ORCID, isakova.pravo@bk.ru

Заявленный вклад соавторов:

А. А. Витвицкий — формирование основной концепции, определение целей и задач, методологии исследования. С. С. Витвицкая — подготовка текста, формирование выводов. Ю. И. Исакова — анализ результатов исследования, доработка текста, корректировка выводов.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.9.01

https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-1-137-147

Ревальвированная экономическая преступность в сфере жилищно-коммунального хозяйства: причины и пути их преодоления

Б. Б. Бидова[1], Ю. В. Быстрова[1, 2], В. Г. Гриб[3]

[1] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, Российская Федерация, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173

[2] Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, Российская Федерация, г. Орел, ул. Комсомольская, 95

[3] Московский педагогический государственный университет, Российская Федерация, г Москва, ул. Малая Пироговская, 1, стр. 1

✉ zukova57@mail.ru

Аннотация

Введение. Сфера жилищно-коммунального хозяйства является составной частью экономики государства, которая затрагивает абсолютно всех граждан России. В последнее время в данной сфере выросло число совершаемых экономических преступлений. Снижение уровня преступности, формирование превентивных мер в рассматриваемой сфере составляют научный интерес и актуальность исследования. Цель исследования — анализ причин ревальвированной экономической преступности в сфере жилищно-коммунального хозяйства (далее — ЖКХ), а также выработка теоретических и практических рекомендаций, направленных на снижение уровня преступности в данной сфере.

Материалы и методы. Для достижения поставленной цели использовался общенаучный диалектический метод познания, методы анализа и синтеза при обобщении теоретического и практического материала, эмпирический и статистический методы позволили сделать основной вывод исследования и достичь поставленной цели.

Результаты исследования. Применен комплексный и всесторонний подход к решению проблемы ревальвированной экономической преступности в сфере ЖКХ с позиций уголовно-правового, уголовно-процессуального и криминологического научного знания. Научная ценность данного исследования заключается в том, что комплексное рассмотрение причин в контексте общей картины экономической преступности в ЖКХ позволяет сделать наиболее полные выводы и предложить общие и специальные криминологические меры по предупреждению преступности в ЖКХ. Это должны быть общесоциальные, экономические, организационно-правовые, просветительские и специальные меры, осуществляемые органами государственного жилищного надзора и органами внутренних дел.

Обсуждение и заключения. Анализ материалов судебно-следственной практики позволил выявить причины ревальвированной экономической преступности в сфере жилищно-коммунального хозяйства, а также выработать эффективные превентивные меры борьбы с данной преступностью. В статье представлены рекомендации как для практических работников (следователей при расследовании экономических преступлений в сфере ЖКХ; судей

при рассмотрении и постановлении приговоров по указанной категории дел; работников администраций при расчетах и установлении тарифов; сотрудников управляющих, ресурсоснабжающих организаций при взимании коммунальных платежей), так и для исследователей сферы уголовно-правовых наук.

Ключевые слова: жилищно-коммунальное хозяйство, экономические преступления, ревальвированная экономическая преступность.

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензенту, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Бидова, Б. Б. Ревальвированная экономическая преступность в сфере жилищно-коммунального хозяйства: причины и пути их преодоления / Б. Б. Бидова, Ю. В. Быстрова, В. Г. Гриб // Правовой порядок и правовые ценности. — 2023. — Т. 1, № 1. — С. 137–147. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-1-137-147

Original article

Increased Economic Crime in the Housing and Utilities Sector: Reasons and Ways to Overcome Them

Bela B. Bidova[1], **Yulia V. Bystrova**[1, 2], **Vladimir G. Grib**[3]

[1] Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, 173, Chernyshevskogo St., Nalchik, Russian Federation

[2] Orel State University named after I.S. Turgenev, 95, Komsomolskaya St., Orel, Russian Federation

[3] Moscow Pedagogical State University, 1/1, Malaya Pirogovskaya St., Moscow, Russian Federation

✉ zukova57@mail.ru

Abstract

Introduction. The housing and utilities sector is an integral part of the national economy affecting absolutely all citizens of Russia. In recent years, the number of economic crimes committed in this sector has increased. Bringing down the level of crime, developing the crime preventive measures in this sector constitute the scientific interest and relevance of the study. The purpose of the study is to analyse the reasons of increased economic crime in the sector of housing and utilities (hereinafter — housing and utilities), as well as to develop theoretical and practical recommendations aimed at decreasing the level of crime in this sector.

Materials and Methods. To achieve the set forth goal, the general scientific dialectical method of cognition was used, the methods of analysis and synthesis used for generalising theoretical and practical material, the empirical and statistical methods made it possible to draw the main conclusion of the study and achieve the goal.

Results. A comprehensive and multifaceted approach to solving the problem of increased economic crime in the housing and utilities sector has been implemented from perspective of criminal law, criminal-procedural and criminological scientific knowledge. The scientific value of this study is gained due to the comprehensive review of the reasons in the context of the overall picture of economic criminality in housing and utilities sector which allows making the most complete conclusions and defining general and specific criminological measures for preventing crime in the housing and

utilities sector, namely, general social, economic, organisational and legal and educational measures; the specific ones carried out by the state housing supervision authorities and the internal affairs authorities.

Discussion and Conclusions. The analysis of the judicial and investigative materials made it possible to identify the reasons of increased economic crime in the housing and utilities sector, as well as to develop efficient preventive measures to combat such crime. The article provides recommendations for practicing specialists (investigators of the economic crimes in the housing and utilities sector; judges hearing and passing sentences in this category of cases; employees of administrative offices calculating and setting the rates and resource-supplying companies charging the utility payments), as well as for researchers in the field of criminal law sciences.

Keywords: housing and utilities sector, economic crimes, increased economic crime.

Acknowledgements. The authors would like to thank the reviewer for critical assessment of the materials and suggestions for their refining which allowed the authors to improve the quality of the article significantly.

For citation. B. B. Bidova, Y. V. Bystrova, V. G. Grib. Increased Economic Crime in the Housing and Utilities Sector: Reasons and Ways to Overcome Them. Legal Order and Legal Values, 2023, vol. 1, no. 1, pp. 137–147. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-1-137-147

Введение. Сфера жилищно-коммунального хозяйства является составной частью экономической сферы государства. От успешного функционирования данной сферы зависит благосостояние абсолютно всех граждан России. Население, проживая в частном или многоквартирном доме, пользуется услугами ресурсоснабжающих организаций, приобретает жилье, производит ремонт помещения, пользуется инфраструктурой и т.д. К сожалению, необходимо констатировать тот факт, что в настоящее время это направление экономики достаточно криминализировано и коррумпировано, что и актуализирует вопросы изучения преступности в секторе жилищно-коммунального хозяйства и их профилактику, и предупреждение. Данные деяния наносят прямой ущерб всем потребителям данного сектора услуг, а также в результате этих преступных деяний у людей формируется негативное отношение, выражающееся в недоверии и подозрительности по отношению к управляющим компаниям и ресурсным агентствам, что неизбежно приводит к повышению общего недоверия населения к органам власти. Хотя в настоящее время полиция активно выявляет преступления, связанные с жилищно-коммунальным хозяйством, в этой сфере все еще существует высокий уровень потенциальной преступности. Это связано со сложной системой финансовых операций, коррупционными отношениями между чиновниками ЖКХ и их административными органами, недостаточно эффективным государственным управлением и правовым регулированием, высоким уровнем криминализации экономической сферы в целом, недостаточным уровнем квалификация следователей, низким уровнем правовой грамотности населения.

Целью функционирования сектора жилищно-коммунального хозяйства является создание безопасных и качественных условий для жизнедеятельности человека, то есть предоставление услуг для комфортного проживания, работы и отдыха. Проблемы, связанные с эффективным функционированием сектора, должны решаться в комплексе и затрагивать различные сферы общественной жизни. Приоритетными направлениями решения этих проблем являются управление качеством жилищно-коммунального хозяйства, правовое, социальное и организационное регулирование сектора и разработка эффективных мер противодействия преступности в сфере ЖКХ.

Социальная значимость проблемы и недостаточная разработанность методов ее решения определяют актуальность теоретико-правовых изысканий по выработке научно обоснованных мер противодействия данной преступности. В контексте данного исследования делается попытка рассмотреть и оценить теоретические наработки, которые были ранее сделаны в области криминологии и уголовного права в свете сегодняшних реалий.

В связи с тем, что проблема борьбы с экономической преступностью в последние десятилетия является весьма актуальной, все больше научных исследований посвящено данной проблематике. Непосредственно изучением выбранного направления в своих научных изысканиях занимались Ю. В. Быстрова [1], С. И. Кельм [2], М. Н. Романовская [3], Д. Б. Чернышев [4] и др. Отдельные аспекты экономической преступности с точки зрения различных уголовно-правовых наук исследовали Е. О. Видясов [5], В. А. Коллантай [6], Д. С. Саркисова [7], А. М. Широков [8], В. Н. Шиханов [9]. Однако все авторы изучали и уделяли внимание экономической преступности в сфере ЖКХ в целом: ее характеристикам, причинам, мерам предупреждения, личности преступника и т.д. Но ни в одном исследовании не ставился вопрос о ревальвированности данного вида преступности, в связи с чем данная статья представляет особый научный интерес.

Цель исследования — анализ причин ревальвированной экономической преступности в сфере ЖКХ, а также выработка теоретических и практических рекомендаций, направленных на снижение уровня рассматриваемой преступности посредством внедрения результативных криминологических мер предотвращения преступности в анализируемой сфере.

Материалы и методы. Объект исследования — являются общественные отношения, возникающие в связи с уголовными преступлениями и их профилактикой в секторе жилищно-коммунального хозяйства. Предмет исследования — российское уголовное законодательство, регламентирующее вопросы борьбы с преступностью в сфере ЖКХ, нормы гражданского и жилищного права, регулирующие деятельность в сфере ЖКХ, судебная практика и ранее опубликованные результаты теоретических исследований в данной области.

В ходе исследования использовались общенаучный диалектический метод познания для выяснения сущности экономической и коррупционной преступности в целом, методы анализа и синтеза — при обобщении теоретического и практического материала, позволившие раскрыть особенности причин данной группы преступных деяний. Применение эмпирического и статистического методов позволило сделать основной вывод исследования и достичь поставленной цели. Именно исследование судебной практики позволяет определить эффективность применения той или иной правовой нормы и как следствие — сформулировать комплекс правовых средств, направленных на предупреждение данного вида преступлений.

Результаты исследования. Сфера ЖКХ выполняет огромную социальную функцию, так как выступает одним из источников обеспечения населения жизненно важными услугами, а промышленный сектор необходимой инфраструктурой. Государство в лице органов власти признает право гражданина на достойный жизненный уровень как для него самого, так и для его семьи, и содействует непрерывному улучшению условий жизни. Согласно Конституции Российской Федерации[1], каждый гражданин имеет право на жилище. Жилищный кодекс РФ[2] регламентирует пригодность жилища с точки зрения санитарных, технических и иных норм. Таким образом, нормативно-правовые акты устанавливают основы для стабильного и безопасного пользования

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 20.01.2023).
[2] Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 29.12.2022). URL: https://base.garant.ru/12138291/ (дата обращения: 20.01.2023).

жилищем любым гражданином.

Сфера ЖКХ является одним из сложных многоотраслевых комплексов, которая обладает большим запасом ресурсов. Она включает в себя нормы не только жилищного законодательства, а также гражданского, налогового, уголовного и других отраслей. Большой объем нормативных правовых актов, регламентирующих отдельные аспекты данной сферы, актуализирует необходимость его систематизации. Именно это будет способствовать успешной деятельности по противодействию экономической преступности в сфере ЖКХ [10].

Жилищный фонд выступает основой для всего жилищно-коммунального комплекса. Жилищный фонд включает в себя все жилые, специализированные служебные помещения всех форм собственности.

В направление деятельности ЖКХ входит управление этими фондами и элементами инженерной инфраструктуры, а именно их содержание и ремонт. К элементам инженерной инфраструктуры относятся организации и предприятия ЖКХ, управления и организации, в которых на балансе учитывается жилищный фонд, также товарищество собственников жилья и службы, которые представляют соответствующие услуги. Финансовое обеспечение данной структуры осуществляется с помощью двух видов средств, а именно платежей потребителей и дотаций, выделяемых государством и направляемых через конкретную службу заказчика подрядными организациями. Так, исходя из практики, большую долю преступных посягательств в сфере ЖКХ занимают недвижимость и строительные материалы, также объектами посягательства выступают деньги и энергоносители.

Жилищно-коммунальный комплекс как был, так и остается для государства большой зоной рисков и проблем. Криминализация данной отрасли имеет повышенную степень. В связи с чем распоряжением Правительства Российской Федерации от 26 января 2016 г. № 80-р была принята «Стратегия развития жилищно-коммунального хозяйства в Российской Федерации на период до 2020 года»[3], но на сегодняшний день уже утверждена «Стратегия развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2035 года»[4]. Данный нормативный акт является документом стратегического планирования, который определяет приоритеты и цели в области государственного управления жилищно-коммунальным хозяйством. Программа, представленная в данном документе, призвана объединить органы государственной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления, лиц, которые осуществляют управление многоквартирными домами, ресурсоснабжающие организации и др. Стратегия выступает фундаментом для формирования и реализации государственной политики в сфере ЖКХ на всех уровнях власти (от федерального до муниципального). Данная программа создавалась с учетом результатов реализации Стратегии развития жилищно-коммунального хозяйства в Российской Федерации до 2020 г. Таким образом, нынешняя стратегия является правопреемником механизмов, которые показали свою эффективность на практике и лишь нуждаются в дальнейшем усовершенствовании.

ЖКХ имеет очень важное социальное значение, какие-либо сбои в данном процессе вследствие криминальных проявлений или техногенных аварий могут привести к тяжелым последствиям, к нарушению снабжения коммунальными ресурсами населенных пунктов, авариям на инженерных коммуникациях, что в свою очередь может привести к социальной напряженности, подрыву авторитета власти. Отрасль ЖКХ нуждается в

[3] Стратегия развития жилищно-коммунального хозяйства в Российской Федерации на период до 2020 года: утв. распоряжением Правительства РФ от 26.01.2016 № 80-р. URL: https://base.garant.ru/71313950/ (дата обращения: 20.01.2023).

[4] Стратегия развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2035 года: утв. распоряжением Правительства РФ от 31.10.2022 № 3268-р. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405560559/ (дата обращения: 20.01.2023).

особой защите от преступных посягательств и общей криминализации, так как данная сфера имеет высокую социально-экономическую значимость из-за ее влияния на условия работы гражданских и промышленных объектов, а также на жизнедеятельность органов власти и граждан.

Сфера ЖКХ — один из наиболее криминализированных секторов экономики. Такие преступления носят ярко выраженную социальную окраску, так как ежемесячно в коммунальные компании поступает большой объем денег стабильно, потому что население в основной части платит за услуги ЖКХ, предусмотренные законодательством и обязательные для всех. Но помимо платы населения за услуги ЖКХ в распоряжение коммунальных компаний стабильно поступают средства из бюджета. Контроль за расходованием этих средств на сегодняшний день полностью невозможен. Преступления в данной сфере носят повышенный характер из-за недобросовестности лиц, работающих в сфере ЖКХ. Выделяют такие формы совершения преступлений в сфере ЖКХ, как:

– завышение реальной стоимости работ (услуг) при заключении договоров подряда;

– фактическое невыполнение работ подрядчиками с заключением фиктивных договоров с последующим перечислением денежных средств на счета аффилированных организаций;

– поставка жилищно-коммунальных услуг по завышенным тарифам;

– взимание коммунальных платежей по не соответствующим показаниям счетчиков и другие.

Из вышеперечисленных способов совершения преступлений в сфере ЖКХ наиболее распространенным является удержание управляющей коммунальной компанией или товариществом собственников жилья денежных средств, которые собраны с жителей дома за коммунальные услуги, а именно: питьевую воду, электроэнергию, тепловую энергию, природный газ и т.д. Эти средства предназначаются поставщикам коммунальных услуг и должны быть перечислены им в соответствии с Постановлением Правительства РФ № 253 от 28 марта 2012 г. «О требованиях к осуществлению расчетов за ресурсы, необходимые для предоставления коммунальных услуг»[5] в срок не позднее рабочего дня, который следует за днем поступления платежей исполнителю. Но руководители управляющих компаний удерживают эти денежные средства и либо перечисляют их на нужды своей организации, либо выводят со счетов через подконтрольные аффилированные организации.

Одной из причин ревальвированной экономической преступности в рассматриваемой сфере является отсутствие контроля за деятельностью организаций в сфере ЖКХ. Нет четкого контроля за отслеживанием расходов бюджетных средств. Как отмечал Юрий Синельщиков, первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству на парламентских слушаниях фракции по проблемам ЖКХ, надо увеличить долю государственного контроля в вопросах экономического и административного регулирования в сфере ЖКХ. На сегодняшний день совместный контроль государства, правоохранительных органов и граждан за деятельностью работников и лиц, привлеченных в сферу ЖКХ, отсутствует [11].

Большая часть экономических преступлений в сфере ЖКХ носят коррупционный характер. Должностные лица незаконно используют свое служебное положение для извлечения личной выгоды, в связи с чем совершаются преступления коррупционного характера: присвоение и растрата (ч. 3 ст. 160 Уголовного кодекса Российской Федерации[6]), коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ), злоупотребление и превышение должностных

---

[5] О требованиях к осуществлению расчетов за ресурсы, необходимые для предоставления коммунальных услуг: Постановление Правительства РФ от 28.03.2012 № 253 (ред. от 13.07.2019). URL: https://base.garant.ru/70155456/ (дата обращения: 20.01.2023).

[6] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) (далее — УК РФ). URL: https://base.garant.ru/10108000/ (дата обращения: 20.01.2023).

полномочий (ст. 285 и ст. 286 УК РФ), взяточничество (ст. ст. 290, 291 и 291.1 УК РФ).

Следственная и судебная практика показывает, что больше проблем при расследовании преступлений в сфере ЖКХ порождают коммерческий подкуп и взяточничество. Недостатками расследования выступают проблемы применения знаний сведущих лиц, назначение судебных экспертиз, недостаточно сформированное умение использования следователями криминалистической методики расследования указанных преступлений, слабо развиты тактики осмотра документов и допроса подозреваемых. Правильная квалификация преступления в большей степени зависит от особенностей нормативных требований в сфере ЖКХ и документооборота.

Так, в Советском районном суде г. Орла рассматривалось уголовное дело о пособничестве в особо крупном мошенничестве (ч. 5 ст. 33 УК РФ, ч. 4 ст. 159 УК РФ) и получении коммерческого подкупа в особо крупном размере (ч. 8 ст. 204 УК РФ) в отношении экс-директора некоммерческой организации «Региональный фонд капитального ремонта» Владислава Масленникова. Как известно из материалов дела, бывший руководитель некоммерческой организации «Региональный фонд капитального ремонта» в 2016 году заключил ряд договоров с ООО «Москомреставрация» о проведении капитального ремонта в многоквартирных домах г. Орла и г. Ливны. Как стало позже известно, подрядчик не полностью выполнил свои работы и в документах вовсе был завышен объем работ, но все акты о приемке части работы были подписаны бывшим директором фонда капремонта, что поспособствовало хищению денежных средств подрядчиком. Бывший директор фонда капремонта Владислав Масленников не препятствовал заключению контрактов с данной компанией, за что получал «откаты» с подрядчиков, как известно из материалов дела в размере примерно 25% от стоимости договора. Так, Владислав Масленников за заключение таких договоров получил от представителей подрядчиков деньги в сумме свыше 36 млн. руб. А руководители ООО «Москомреставрация» с помощью пособничества бывшего директора фонда капремонта похитили более 28 млн рублей. Государственный обвинитель попросил суд назначить экс-директору «Регионального фонда капитального ремонта» наказание на срок 9 лет с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима со штрафом в размере 800 000 рублей, также лишить права занимать руководящие должности в коммерческих и некоммерческих организациях сроком 5 лет, а вот представителям строительной подрядной организации гендиректору ООО «Москомреставрация» Роману Елину и представителю и руководителю фирмы Александру Дворецкому — на срок 7 и 6 лет с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима со штрафом в размере 800 000 рублей и 500 000 рублей, соответственно[7].

Расследование мошенничества, совершенного в сфере ЖКХ, претерпевает определенные трудности. Так, оперативные работники сталкиваются с трудностями в процессе изъятия документов, а следователи, в связи с отсутствием должной квалификации, — со сложностью изучения и понимания данной документации и как следствие возникают проблемы квалификации экономических преступлений в сфере ЖКХ, в сборе доказательственной базы, потому что участники преступления стремятся выставить факт незаконного получения средств как гражданско-правовое нарушение, ссылаясь на то, что стороны договора были связаны условиями действия этого договора и другими указанными в нем обязательствами. Для корректного определения преступлений в сфере ЖКХ необходимо знать положения гражданского законодательства в сфере ЖКХ, различные технические регламенты, положения подзаконных нормативных актов и других документов.

Способами осуществления мошенничества являются злоупотребление доверием и обман. Преступление направлено на чужое имущество в форме денежных средств, чаще всего безналичных средств, которые

[7] Приговор Советского районного суда города Орла от 14.02.2022 по делу № 1-8/2022. URL: https://sovetsky.orl.sudrf.ru (дата обращения: 27.01.2023).

перечисляются на счет организации подрядчика или управляющей компании. Ключевым признаком такого преступления выступает изъятие и обращение имущества в пользу лиц, в отношении которых совершено преступление, также ущерб, причиненный собственнику или другом владельцу. Так, например, в Орловской области было возбуждено дело по ч. 3 ст. 159 УК РФ по факту мошенничества. Главный специалист отдела ЖКХ администрации Орловского района вступила в сговор с должностными лицами из администрации Орловского района Орловской области и сотрудниками ООО «ИРС». Как известно из материалов дела, подозреваемая предоставила семье ложные сведения о процедуре предоставления жилого помещения семье и сообщила о том, что необходимо оплатить дополнительные квадратные метры и перевести денежные средства на счет ООО «ИРС». Так, сотрудники компании ИРС распорядились по собственному усмотрению средствами, переведенными потерпевшей на расчетный счет этой компании в размере свыше 400 000 рублей. Участником в данном примере отношений, который подвергся преступным воздействиям, является обычный гражданин РФ, субъектом выступают конечный получатель средств — ООО «ИРС», на чей счет были переведены деньги. В данном примере виновный при помощи обмана совершил преступление[8].

Таким образом, примеры из судебно-следственной практики свидетельствуют о том, что с каждым годом работникам правоохранительных органов стало сложнее выявлять и расследовать данные преступления в связи с тем, что появляются новые способы их совершения. И соответственно все причастные к оперативной, следственной и превентивной деятельности по борьбе с данным видом преступлений должны повышать свой уровень теоретической и практической подготовки через систему повышения квалификации в целях эффективной борьбы с преступлениями в сфере ЖКХ.

Обсуждение и заключения. Комплексное криминологическое исследование экономической преступности в сфере ЖКХ показывает, что ее уровень постепенно снижается, но при этом данный вид преступности остается ревальвированным. Необходимо отметить, что на рост экономической преступности в данной сфере влияют такие факторы, как правовая безграмотность населения, несовершенство законодательного регулирования отношений по управлению жилищным фондом, низкая заработная плата работников предприятий и организаций ЖКХ с учетом высокого уровня дохода от осуществляемых сделок и постоянным повышением тарифов на коммунальные услуги, что располагает к коррупционным действиям со стороны работников ЖКХ; несовершенство механизма распределения бюджетных средств на проведение капитального ремонта многоквартирных домов. Необходимо указать на то, что на качество расследования влияет уровень знаний следователей, возможности сведущих лиц, привлеченных для проведения исследований и экспертиз, отсутствие криминалистических методик расследования различных видов экономических преступлений в сфере ЖКХ.

Устранение причин преступлений в сфере жилищно-коммунального хозяйства позволит снять социальную напряженность в обществе и даст возможность государству реализовать задачи в решении вопросов предоставления гражданам жилищно-коммунальных услуг высокого качества.

Исследование комплекса причин данного вида преступных посягательств позволило выработать меры, направленные на предотвращение преступлений в сфере жилищно-коммунального обслуживания.

1. Общесоциальные меры по предупреждению преступности в сфере жилищно-коммунального хозяйства.

1) Меры экономического характера: ликвидация монопольного положения региональных органов в сфере утилизации твердых бытовых отходов путем передачи компетенции региональных органов специально

[8] Главный специалист одного из отделов администрации Орловского района Орловской области подозревается в мошенничестве. URL: https://orel.sledcom.ru/news/item/1628580 (дата обращения: 27.01.2023).

созданным государственным органам с полным контролем над процедурами в области сбора и утилизации твердых бытовых отходов; установление обязательного ежегодного аудита управляющих компаний в целях финансового контроля над ними для предотвращения нецелевого использования средств жителей.

2) Организационные и правовые меры: дополнить статью 201 Жилищного кодекса Российской Федерации требованиями к количеству и подготовке членов лицензионного совета с целью снижения риска коррупции; не допускать в сферу управления ЖКХ компании «однодневки», главной целью которых является выведение денежных средств собственников жилья; поощрять честное и эффективное управление организациями, созданными для эксплуатационного, технического и санитарного обслуживания многоквартирных домов (управляющими компаниями) путем создания системы оценки управляющих организаций, результаты которой будут использоваться для ежегодного определения успешных организаций с высокими показателями в этой области с предоставлением им грантов и материальных стимулов.

3) Информационно-просветительские меры: распространение информации о функционировании системы жилищного хозяйства и местных услуг, ценообразовании на местные услуги в регионах, правах и обязанностях граждан в сфере жилищного хозяйства и местных услуг, путем размещения такой информации в Национальной информационной системе жилищного хозяйства и местных услуг (ГИС ЖКХ), а также через СМИ и коммуникационные сети и Интернет; организация мероприятий просветительского толка посредством всех доступных телекоммуникационных систем.

2. Специальные меры предупреждения преступности в жилищно-коммунальной сфере.

1) Меры, осуществляемые национальными агентами жилищного надзора: усиление контроля за соблюдением требований по раскрытию информации, установленных в системе ГИС ЖКХ; в целях предотвращения совершения уголовных преступлений в сфере жилищно-коммунального хозяйства, связанных с фальсификацией протоколов общего собрания собственников многоквартирных домов, устранения коррупционных рисков и предотвращения хищения бюджетных средств, общее собрание собственников многоквартирных домов проводить только в электронной форме, с согласия каждого собственника многоквартирного дома в информационной системе ГИС СКТ, а протокол общего собрания собственников зданий ТСЖ будет оформлять соответствующим образом (электронный документ).

2) Меры, входящие в компетенцию органов внутренних дел: создать межведомственную комиссию по борьбе с преступностью в сфере жилищно-коммунального хозяйства совместно с прокуратурой, службой государственного жилищного надзора и другими государственными органами в этой сфере; установить на основе межведомственного соглашения координацию совместной деятельности и механизмы взаимодействия с целью размещения информации на едином информационном портале системы жилищно-коммунального хозяйства; обеспечить прямое взаимодействие с частными специализированными учреждениями, поскольку лишь в ограниченном числе регионов имеются специализированные лаборатории для отбора проб угля, нефти и газа, необходимых для зимнего отопления; отдел информации и связей с общественностью Министерства внутренних дел должен информировать общественность о социально вредной коррупционной практике в сфере ЖКХ через СМИ и сети онлайн-коммуникаций.

В качестве резюмирования необходимо сказать, что только при повышении уровня правовой грамотности населения, реформировании законодательства о регулировании отношений по управлению жилищным фондом, повышении заработной платы работникам сферы ЖКХ, при повышении качества знаний и умений у следователей по расследованию преступлений экономической направленности в сфере ЖКХ, ревальвация данных преступных деяний пойдет на спад.

Список литературы

1. Быстрова, Ю. В. Экономическая преступность в сфере жилищно-коммунального хозяйства и ее предупреждение: криминологическое исследование : дис. … д-ра юрид. наук / Ю. В. Быстрова. — Грозный, 2020. — 430 с.

2. Кельм, С. И. Криминологическая характеристика и предупреждение преступности в жилищно-коммунальной сфере : дис. … канд. юрид. наук / С. И. Кельм. — Омск, 2022. — 243 с.

3. Романовская, М. Н. Криминализация нецелевого расходования денежных средств в сфере деятельности по управлению многоквартирными домами : дис. … канд. юрид. наук / М. Н. Романовская. — Хабаровск, 2021. — 204 с.

4. Чернышев, Д. Б. Преступность в сфере жилищно-коммунального хозяйства: уголовно-правовой и криминологический аспекты : дис. … канд. юрид. наук / Д. Б. Чернышев. — Новосибирск, 2021. — 230 с.

5. Коллантай, В. А. Завышение тарифов как способ совершения хищений в жилищно-коммунальном хозяйстве / В. А. Коллантай // Российский следователь. — 2016. — № 9. — С. 6–10.

6. Видясов, Е. О. Значение криминалистической классификации для расследования экономических преступлений в сфере жилищно-коммунального хозяйства / Е. О. Видясов // Мир науки и образования. — 2016. — № 1 (5). — С. 12–19.

7. Саркисова, Д. С. Преступления в жилищно-коммунальной сфере как объект уголовно-правового анализа / Д. С. Саркисова // Евразийский юридический журнал. — 2017. — № 4 (107). — С. 246–248.

8. Широков, А. М. К вопросу о системе обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовным делам о причинении имущественного ущерба путем обмана и злоупотребления доверием в сфере жилищно-коммунального хозяйства / А. М. Широков // Вестник Костромского государственного университета. — 2016. — № 4. — С. 229–231.

9. Шиханов, В. Н. Особенности квалификации преступлений, совершаемых в сфере жилищно-коммунального хозяйства / В. Н. Шиханов // Сибирский юридический вестник. — 2014. — № 4. — С. 103–112.

10. Bystrova, Y. Corruption crimes in the sphere of housing and communal services sector // The world conference on research in SOCIAL SCIENCES (February 21–23, 2020, Rome, Italy). — URL: https://www.socialsciencesconf.org/abstract-of-socialsciencisconf/15-335/ (дата обращения: 27.01.2023).

11. КПРФ призывает вернуть под контроль государства экономическое регулирование сферы ЖКХ / ДУМА ТВ: [сайт]. — URL: https://dumatv.ru/news/kprf-prizivaet-vernut-pod-kontrol-gosudarstva-ekonomicheskoe-regulirovanie-sferi-zhkh (дата обращения: 27.01.2023).

Поступила в редакцию 10.02.2023.

Поступила после рецензирования 20.02.2023.

Принята к публикации 27.02.2023.

Об авторах:

Бидова Бэла Бертовна, профессор кафедры уголовного права, процесса и криминалистики Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова (360004, РФ, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173), доктор юридических наук, доцент, ORCID, bela_007@bk.ru

Быстрова Юлия Викторовна, старший научный сотрудник НОЦ правовых исследований Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова (360004, РФ, г. Нальчик, ул. Чернышевского,

173), заведующий кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева (302026, РФ, г. Орел, ул. Комсомольская д. 95), доктор юридических наук, доцент, ORCID, zukova57@mail.ru

Гриб Владимир Григорьевич, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Московского педагогического государственного университета (119435, РФ, г Москва, ул. Малая Пироговская, 1, стр. 1), доктор юридических наук, профессор, ORCID, vg-profesor@yandex.ru

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.